

Ирина Бриннер

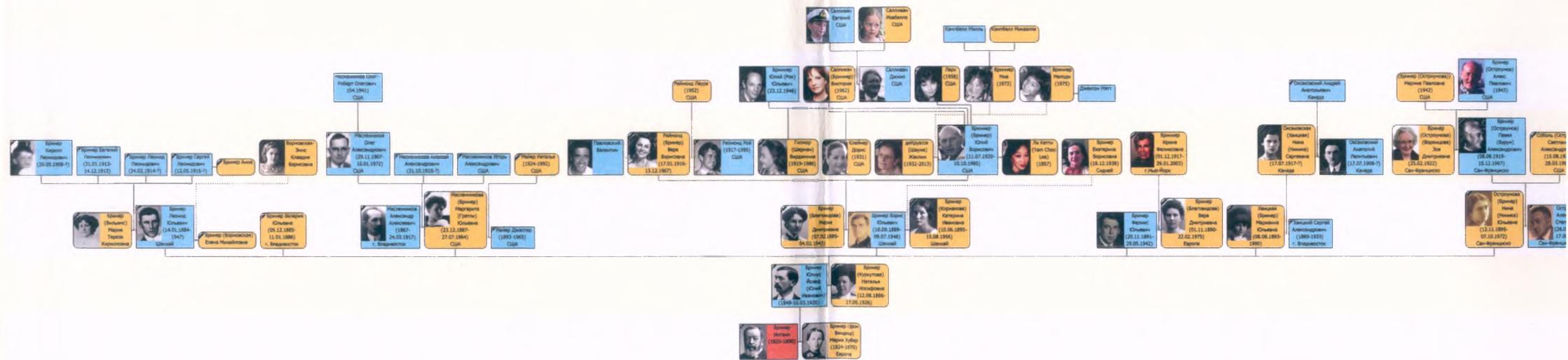
Что я помню

Ирина Бриннер *Что я помню*

РУБЕН

PORT MAY

PORT MAY

Ирина Бриннер

Что я помню

РУБЕН

Владивосток
2014

ББК 63.3(2)6-27
Б 879

Бриннер, Ирина.

Что я помню. Воспоминания / Ирина Бриннер. – Владивосток : Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2014. – 280 с.

ISBN 978-5-85538-093-4

Мемуары Ирины Феликсовны Бриннер (1917–2003), написанные по-английски, увидели свет в Америке десять лет назад. Художник-ювелир Ирина Бриннер родилась во Владивостоке, а умерла в Нью-Йорке. Она была другом издательства «Рубеж». Книга «Что я помню» впервые выходит в русском переводе, широко проиллюстрированная фотографиями разных лет, и продолжает серию Port May.

*Перевод с английского Максима Немцова
Редактор Елена Сергеева
Примечания Елены Сергеевой и Андрея Сидорова*

Фотографии из архива издательства «Рубеж», фондов Приморского музея им. В.К. Арсеньева, Хабаровского государственного архива и личных коллекций

ISBN 978-5-85538-093-4

© Copyright by Irena Brynner, 2014
© М. Немцов, перевод, 2014
© Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Ирина принялась за эти воспоминания в семьдесят лет и попросила моей помощи в организации материала и редактировании того, что писала: для нее я был настоящий писатель, мои книги издавались. Трудилась она очень прилежно – садилась за работу каждый день с той же дисциплиной, какую являла всю свою взрослую жизнь. И ровно таким же языком. Хотя она и прожила полвека в Соединенных Штатах, в ее английском по-прежнему отражались русские классы, в которых она его учила, и школа Ассоциации молодых христиан в китайском Харбине, куда она ходила подростком вместе со своими двоюродными – Верой и Юлом Бриннерами.

Ирина не историк, и воспоминания ясно это показывают. Часто память ее не вполне соответствует хорошо установленным фактам. Но в своей книге она предлагает прочувствованные, очень субъективные мемуары, и в них – только то, «что она помнит». Название не обманывает.

Следующий десяток с лишним лет она продолжала писать и переписывать этот текст, время от времени посылала мне страницы на редактуру и рецензирование, но вновь и вновь, когда я возвращал ей эти фрагменты, она восстанавливала тот язык, которым писала их изначально. Поэтому могу заверить читателя, что книга эта издана в точности такой, какой хотел ее видеть автор. Все остальное время Ирина работала над новыми ювелирными украшениями, ездила по музеям всего света, где выставлялись ее работы, и

периодически давала концерты, на которых пела песни своего детства – произведения Чайковского и Мусоргского.

Когда она завершила последний черновик этой книги, я договорился о ее издании. Здоровье уже подводило Ирину. Последний свой концерт она дала из инвалидного кресла в декабре 2002 года – вскоре после своего восьмидесятипяtilетия. Два последних месяца жизни провела в хосписе. Я приезжал к ее смертному одру – и привез ей экземпляр книги, которую вы сейчас держите в руках. Ирина скончалась в феврале 2003-го в Нью-Йорке. Через полгода я развеял ее прах над ее любимым Амурским заливом с тропинки, что вела к их фамильному имению в Сидеми.

Рок Бриннер
2013 г.

Что я помню

ГЛАВА 1

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ, 1992 Г.

Владивосток – красивый город среди множества сопок, и с двух сторон его окружает вода. Бухта называется *Золотой Рог*, потому что напоминает такую же в Константинополе. Множество островов тоже изрезано бухтами. Флора и фауна здесь богаты и разнообразны, а таких цветов, как здесь, нет больше нигде. Даже наши соловьи необычайной разновидности. Весной, когда сопки еще белы от снега, начинает цвести *багульник*. Это нежные кустики, сородичи рододендрона, и если они в цвету, вся сопка становится невероятного бледно-лавандового оттенка.

Об уссурийской тайге под Владивостоком есть легенда: когда Господь Бог засаживал землю, у Него осталось по нескольку растений отовсюду, и Он решил бросить все их семена здесь. Вот поэтому в этой части света природа так богата.

Первые русские поселенцы приехали во Владивосток в 1860 году. Задолго до них множество корейцев и китайцев пооткрывали тут опиекурильни. Они были опытными рыбаками, их баркасы, в конечном итоге, снабжали знаменитый Семеновский базар; оттуда в соседние городки отправлялись крабы, рыба и иные богатства моря.

В 1873 году во Владивостоке осел мой дед Юлиус Бринер¹, по-русски звавшийся Юлием Ивановичем²; впоследствии его провозгласили почетным гражданином города³, поскольку он был основателем первой крупной коммерческой фирмы. 1918–1922-й во Владивостоке были нелегкими годами. Красные продвигались на Восток, многие страны начали интервенцию, и некоторые для патрулирования городов прислали свои вооруженные войска, хотя на Дальнем Востоке основными были японцы.

Во Владивостоке я родилась, это *моя родина*, где в 1917 году я и сделала первый вдох. Я всегда вспоминала этот город с любовью и восхищением, но он теперь – лишь смутное воспоминание.

В 1990 году кое-кто из моих двоюродных родственников посетил Владивосток и рассказал мне, что там теперь музей, в котором почитаются отцы города⁴. Его директор утверждала, что их интересуют все члены семьи Бринеров и они бы хотели получить от меня весточку. Поэтому я написала в музей письмо, где рассказала обо всем, чем занимаюсь. И в конце приписала: «Быть может, это всего лишь мечта, но мне хотелось бы приехать во Владивосток и спеть всем вам».

Через несколько месяцев я получила ответ: они хотят устроить выставку моих картин, скульптур и ювелирных украшений и приглашают меня дать шесть концертов за одну неделю! Я начала им звонить – письма шли слишком долго. Мне казалось, что еще не

¹ На самом деле Ю. И. Бринер окончательно переехал во Владивосток из Японии в 1881 году.

² Данная фамилия до 1945 г. всегда писалась с одной буквой «н». Но в 1945 г. Юл Бринер, корректируя своё имя для правильного произношения на англ. языке, добавил к ней вторую букву «н». (В противном случае фамилия по английски звучит как «Брайнер».) Вслед за ним то же самое сделали и его сестры Вера и Ирина. С этого момента так раз и навсегда было принято писать их имена. Поэтому мы, рассказывая о доамериканском периоде жизни Ирины и при произношении её имени вкупе с отчеством, пишем «Бринер», а после – «Бриннер»

³ Ю.И. Бринер был потомственным почётным гражданином – почётные граждане составляли отдельное сословие, и не относились к какому-либо городу. Звание наделялось указом Правительствующего Сената, в частности, за полезную деятельность на общественных поприщах, продолжавшуюся не менее 10 лет; давало право на обращение «ваше благородие».

⁴ В 1989 году во Владивосток из Сан-Франциско приезжала Зоя Бриннер, жена Павла, двоюродного брата Ирины. – *Прим. изд.*

пора привозить туда все визуальные образцы моей работы, но дала слово, что захвачу с собой несколько картин и два комплекта украшений – в дар музею.

Меня переполняла радость. За билет в Россию я заплатила сама, но все мои расходы оплачивало новое издательство «Рубеж» и музей Арсеньева. Новый журнал наследовал тому «Рубежу», что некогда печатался в Харбине; многие годы этот журнал там был душиной для писателей, поэтов и прочих художников. Там была талантливая карикатуристка Вита, ее любили читатели. Это был альманах русской культуры.

Сначала я отправилась в Сан-Франциско и оттуда через Анкоридж – в Хабаровск. Перелет через Аляску был захватывающий. Бескрайние, белые, изрезанные горы, такие суровые и монументальные.

В Хабаровске меня встретил Борис Алексеевич из музея и сотрудник «Рубежа» Борис¹. Мне повезло, что одним рейсом со мной туда летели два человека, взявшие за мной присматривать: мужчина из Хабаровска и одна молодая дама с Сахалина.

Перед нашим рейсом садился самолет из Харбина – на нем летели спекулянты, которые постоянно ездят туда-обратно: скупают товары в Харбине, а потом с выгодой перепродают во Владивостоке. Публика они буйная, мне с ними даже пришлось сражаться за багажную тележку. Девица, пытавшаяся у меня ее отнять, была настолько груба и агрессивна, что я ее, в конце концов, обозвала хамкой. Зная, что я из Америки, она несколько поразилась, когда услышала «хороший русский язык»:

– Так вы его еще не забыли? – спросила она.

– Все я помню, так что не лезьте.

Встречавшие опознали меня по фотографиям, которые я им высылала. Ночь и наступивший день мы провели в Хабаровске, по-

¹ Б.А. Дьяченко (1940–2001) – владивостокский писатель, краевед и общественный деятель. Борис Кисилев – журналист, в то время заместитель директора издательства «Рубеж». – Прим. изд.

Ира Бриннер.
1923 г. Владивосток.
Фото из архива Рока Бриннера

скольку наш поезд во Владивосток отправлялся только на следующую ночь. Поезд был комфортабельный, в каждом купе всего по два спальных места. Постели удобные, а белье – очень красивое. Мы поужинали и выпили чаю, который принесли нам прямо в купе.

Наутро я была взбудоражена – я наконец въезжала в родной город. На перроне я увидела людей с видеокамерами, телекамерами и огромным букетом роз. Я спросила:

– Кого они встречают?

– Вас!

Меня раньше никогда не приветствовали как звезду.

Поселилась я в новой гостинице «Владивосток». Из окон там виден Амурский залив. Однако в ванной не было горячей воды.

Первый мой визит состоялся в музей Арсеньева. Меня везде принимали очень тепло, словно я давно потерянная родственница. Наверное, ею я и была. В музее пришлось дать много интервью перед телекамерами; затем состоялась большая встреча с горожанами Владивостока. Моему появлению предшествовали долгие представления. После чего потребовалось рассказать историю моей жизни, что мне делать очень нравилось – я никогда не робею перед камерами или микрофонами. Задавали вопросы:

– А вы ходили в среднюю школу?

– Нет, мне не разрешали – мои родители были *буржуи*, я могла бы заразить чистых пролетарских детей.

Публика смеялась. Когда я вспоминала какие-то старые магазины, люди моего возраста подтверждали мои воспоминания.

Потом меня отвели в здание, где я родилась и жила до семи лет. Сейчас в нем контора пароходства, разделенная на крохотные буро-бежевые кабинеты. Но я прошла по всему дому, все показывала и рассказывала, как и что здесь было раньше. Мне сказали, что никак не могут определить, что находилось в одной большой комнате, отделанной плиткой.

Ирина Бриннер
в Сидеми, 1992 г.
Фото из архива
издательства «Рубеж»

– Так это у нас была ванная, и в ней стояла огромная старомодная фаянсовая ванна, а над ней – водонагревательная колонка. Когда нужно было помыться, ее зажигали.

В итоге я выяснила судьбу нашей ванны. Когда власть взяли коммунисты, первым делом они сняли ванну и унесли ее на крышу. Похоже, она стоит там до сих пор – такая тяжелая, что никто не знает, как ее оттуда снять.

С одной стороны нашего дома шла лестница, по моей памяти – длинная и широкая. Когда я увидела ее теперь, она действительно оказалась длинной, но шириной – не больше трех футов. Поразительно было осознать, насколько все кажется больше, если сам ты маленький. Между улицей и домом был небольшой садик, в котором я дала еще одно телевизионное интервью. После чего мы отправились беседовать к президенту пароходства в дедовом доме, и там опять меня принимали как дорогую гостью – с розами и подарками¹.

Кроме того, мне хотелось посмотреть нашу квартиру, в которой мы жили с 1925 года до бегства от большевиков в 1931-м. Мы позвонили в дверь, объяснили, кто мы такие и почему хотим зайти. Я была очень разочарована, когда женский голос ответил нам, что пригласить нас не могут. Мы спустились на этаж, где раньше жила моя тетя Нина. Там нас любезно пригласили и показали квартиру, теперь разделенную на две.

Городской музей устроил для нас обед. И снова цветы – изысканная и душистая персидская сирень. Там я спросила, нет ли у них картин Николая Штукенберга – капитана ледокола и весьма плодовитого художника, нашего очень близкого друга: его репрессировали и расстреляли через несколько дней после нашего бегства.

¹ На самом деле, Ирину Бринер встречал тогдашний председатель профкома Дальневосточного морского пароходства, знаменитый ледокольный капитан В.И. Абоносимов.

Склеп семьи Бринер в Сидеми

– О да, у нас больше сотни его работ, почти все передала его жена. – (А она была врач и ближайшая подруга моей мамы.) Остальная коллекция поступила от Бринеров – моих дядьев и родителей. Администрация музея любезно показала мне все картины Штукенберга. Огромное наслаждение.

31 мая, ровно через 61 год после нашего бегства, мы отправились на моторном катере в Сидеми – на полуостров, где у нас был летний дом. Необычайное переживание. Мы проплывали места, которые я видела последними, когда в 1931 году мы бежали отсюда морем. Но в Сидеми все, что нас обычно встречало по прибытии, исчезло: пристань, к которой нас привозил паровой катер, совершенно развалилась. Наш домик утратил крышу и часть стен. Все было в запустении, поскольку рядом располагалась консервная фабрика. Но все равно я нашла на пляже за домом те камни, на которых мы играли и ели крабов.

Дедов дом тоже разваливался. Однако самым грустным зрелищем оказалась семейная усыпальница Бринеров, где похоронили четырех членов нашей семьи. Большевики, очевидно, открыли саркофаги и выбросили тела; вероятно, рассчитывали найти что-то ценное. Саму усыпальницу строили в псевдоклассическом стиле, но теперь от нее остались лишь колонны и две стены. Музей Арсеньева планирует ее превратить в мемориал Бринеров. Мне сказали, что тела забрали какие-то корейцы, знакомые нашей семьи, и тайно их перезахоронили, но никто не знает где.

На обратном пути хозяин катера, ныряльщик, отправился на дно моря нам за ужином. В меню у нас были всякие ракушки и морские существа. Никогда прежде не устраивали мне такую необычную трапезу, извлеченную из глубин океана прямо у меня на глазах.

Мои репетиции перед концертом прошли хорошо – мне аккомпанировала опытная пианистка¹. Небольшой зал, в котором

¹ Изольда Земскова, преподаватель Института искусств. – Прим. изд.

Особняк семьи Бринер
на Алеутской улице, в котором
родилась Ирина Бриннер.
Фото Е. Сергеевой

я должна была выступать, принадлежал большому концертному залу, он теперь называется Филармонией. Раньше здесь был театр «Золотой Рог». Именно в нем я слушала первые в своей жизни концерты, первые оперы. Вход в театр и кассы не изменились.

Билеты на концерты распродали в первый же день, едва они поступили в продажу. Так чудесно было делиться тем, что я люблю больше всего, с людьми из того города, в котором я родилась. Меня осыпали тоннами цветов, а после концерта я поговорила со зрителями, после чего пошла на банкет в «Салон» – небольшой модный ночной клуб.

На одну встречу со мной пришла женщина – ей настоятельно хотелось со мной увидеться. Она сказала:

– Я знаю, вам хотелось попасть в свою старую квартиру на Посьетской, я прожила там в одной из комнат тридцать четыре года. Я поговорила с теми, кто живет там сейчас. Женщина сказала, что не могла вас пустить, потому что у нее мать при смерти. Но если мы пойдем туда сейчас, она будет очень рада вас принять.

Моя новая подруга¹ жила в той комнате, которая служила мне кабинетом. Эту квартиру тоже разделили на две, но я все равно сумела почувствовать, что много лет назад здесь был мой дом.

На другой репетиции ко мне заглянула еще одна женщина. С ней и ее сестрой мы когда-то играли вместе во дворе. Ее отец дружил с моим.

Мы совершили чудесную поездку на машине по всему полуострову, на котором стоит Владивосток. Это очень красивая местность со множеством редких деревьев и растений, а птицы поют там прекраснейшие песни. В лесах там я раньше находила орхидеи, называвшиеся «кукушкин башмачок», а в лужах – зеленых лягушат. Они сами выбирались из воды, словно им было любопытно на нас взглянуть.

¹ «новая подруга» - Гончар Арлетта Моисеевна (1930-2010), из семьи старожилов Владивостока, долгие годы проработала в Учебном отделе ДВИСТ.

Ирина Бриннер 1952 г.
Фото из архива
Рока Бриннера.

Еще мы совершили поездку в Никольск-Уссурийский, в крупную русскую православную церковь, где как раз отмечали праздник. В ней было полно народу. Батюшка – крупный и симпатичный молодой человек с обязательной бородой и длинными волосами. Трое друзей, с которыми я туда ездила, спросили, не соглашусь ли я стать их крестной матерью, потому что раньше они не крестились. Я пришла в восторг от такого предложения и купила для них в церкви крестики. После чудной церемонии в часовне мы взобрались на колокольню – посмотреть на их знаменитую женщину-звонаря. И, наконец, поужинали с батюшкой и его сотрудниками.

А во Владивостоке я ходила в мастерские к художникам и скульпторам, а также встречалась с группой художников и преподавателей университета. Времени просто ходить по улицам, видеть новые современные здания и радоваться, если находишь старые и знакомые, что сохранились в моем сердце с детства, у меня просто не было. Там много новых и современных зданий, но старый Владивосток по-прежнему на месте. Ощущение после этой поездки осталось невероятное: воспоминания мои были очень смутными, но когда я там побывала, прошлое ко мне приблизилось, точно его увеличили объективом. И не только приблизилось – оно вошло в мое сердце и останется там навсегда.

ГЛАВА 2

МОЯ СЕМЬЯ И РАННЕЕ ДЕТСТВО, 1917–1922 гг.

Память – это слово объемлет так много. К примеру, запах вызывает самые неожиданные воспоминания: мне годика три, однако запах я отчетливо помню – так пахнет мелкая соленая пыль на дорожке к нашему летнему дому в Сидеми, на полуострове под Владивостоком. Каждое лето мы отправлялись туда на паровом катере и шли от пристани к нашему каменному домику по этой дорожке. Тропа тянулась через ярко-зеленое поле, усыпанное крохотной дикой земляникой. Мы шагали по этой тропинке, и ароматная шелковистая пыль ласкала нам босые ноги. После дождя пыль превращалась в мягкую грязь, которая чавкала у нас между пальцев.

Моя семья была среди основателей Владивостока в середине XIX века. Дед по отцу Юлиус Бринер – сын швейцарского врача из Мёрикена в кантоне Аргау. Про него рассказывали, что в 14 лет он решил эмигрировать на Восток. Ему удалось устроиться неким палубным юнгой на какое-то пиратское судно; через несколько лет он добрался до Японии. Там работал мальчиком на побегушках в конторе английского предпринимателя, сумел понравиться, и англичанин дал ему образование, а со временем и сделал своим партнером. В этой должности Юлиуса отправили во Владивосток – открывать отделение компании; в Японии он оставил жену и детей¹.

¹ Это не был официальный брак, в Японии второй половины XIX века существовал институт временных жен, согласно которому иностранные подданные могли получать по брачному договору японскую девушку на срок в несколько лет для совместного проживания.

Мыс Бринера в бухте Рудная.
Дальнегорск

Юлий Иванович
Бринер 1910 г.
Фото из архива
Рока Бриннера

А во Владивостоке основал первое большое коммерческое предприятие – грузоперевозки, импорт и экспорт. В Тетюхе, не очень далеко от Владивостока, у него была крупная добыча свинцово-серебряной руды, и он ее экспортировал. На южном берегу бухты Тетюхе есть мыс Бринера – его назвали в честь моего деда.

Юлиуса теперь называли Юлий Иванович, и он стал почетным гражданином Владивостока. Женился на бурятке (это такая русско-монгольская народность Сибири), и звали ее Наталия Иосифовна Куркутова. У них было семеро детей. Один умер во младенчестве, осталось три мальчика и три девочки. Мой отец Феликс – младший из братьев. Дед мой был невысок и строен, волосы светлые или седые, носил усы; он был добр и дружелюбен¹. Бабушка же – мы все звали ее *Бабуся* – казалась зловреднейшей женщиной на свете: главным наслаждением для нее было как можно больше портить жизнь окружающим.

По материнской линии моими дедом и бабушкой были врач Дмитрий Евграфович Благовидов и Анна Тимофеевна Киреева по прозвищу *Байга*². Она была повитуха и настоящая русская красавица – миниатюрная, стройная, волосы всегда туго забраны наверх; очень простая и скромная, воплощенная доброта. Мы, дети, ее обожали, и она всегда была рядом, если кто-то из нас нуждался в помощи. Не помню, чтобы она носила что-то, кроме длинных простых юбок и блузок. У них было двое детей – Мария и Вера, моя мама. Мария окончила Петроградскую консерваторию и стала певицей. Вера в двадцать четыре года стала врачом и начала работать психиатром. Кроме того, она тоже была прекрасной пианисткой. По-русски их культурное и нравственное состояние обозначается словом *интеллигенция*: семья Благовидовых определенно при-

¹ В виде на жительство от 4 февраля 1887 г., выданном Юлиусу Бринеру на право проживания в Российской империи, сказано: «волосы чёрные, серые глаза, нос прямой, рост 2 аршина 5 вершков (165 см)».

² Автор перевода везде перевел прозвище Анны Тимофеевны Благовидовой как «*Байга*», но произносилось оно как «*Баяга*» или «*Баега*» (производное от «Баба-Яга» с ударением на последнем слоге).

Дмитрий Евграфович Благовидов
с женой Анной Тимофеевной
и дочерьми Марией и Верой.
Середина 1890-х гг.

Мария и Вера Благовидовы.
Санкт-Петербург. 1915 г.
Фото из архива
Рока Бриннера

надлежала к этому сословию. Для обеих сестер музыка оставалась очень важна всю их жизнь.

Маруся была женщиной статной и видной, с ярким лицом и длинными, волнистыми, почти черными волосами, спускавшимися до колен. Мама всегда завидовала росту сестры. Сама она была маленькой и стройной, с красивыми мягкими чертами. Волосы у нее были такими же длинными, как у Маруси, но светлее, скорее оттенка между бронзовым и каштановым, в крупных волнах. Еще в школе обе сестры оборачивали косы вокруг шей, чтобы зимой было теплее. Воспоминания об этих любимых женщинах, вместе играющих музыку – а они это делали с раннего детства, – навсегда останутся со мной.

Мой отец Феликс был видный мужчина среднего роста, со светло-каштановыми волосами. Очень скромный, тихий – и такой добрый, что вечно рвался всем помогать. У него был красивый певческий голос, лирический тенор, и всю жизнь он брал уроки вокала. Отцов брат Борис был повыше ростом и смуглее, а черные волосы его вились. Папиной скромностью он совершенно точно не располагал.

Феликс и моя мама Вера знали друг друга с общего детства во Владивостоке, но сблизились только в университете, в Санкт-Петербурге, который тогда назывался Петроградом. В то же время и тоже в Петрограде друг друга полюбили Маруся и Борис. Они поженились, уехали во Владивосток, и 16 января 1916 года у них родился первый ребенок – красивая дочка Вера. Ее назвали в честь моей мамы, а прозвище дали *Веруся*.

Мои же родители остались в Петрограде, где мама начала работать врачом в психиатрической больнице – Пантелеймоновской. Работать было трудно. По ночам ей приходилось в одиночку совершать обходы палат, а пациенты лежали там подчас буйные, и в ординаторской, где ей приходилось ночевать, жили крысы. Мама рассказывала мне, что они сидели на полке над притолокой, и она ждала, когда они слезут, – опасалась, что упадут на нее, когда она

будет входить или выходить. Отец мой служил офицером в Белой армии. Они с мамой тоже полюбили друг друга, но мама решила, что ребенка она хочет, а супружеских уз – нет. Она была счастлива на своей постоянной работе и желала сохранить независимость – для того времени у нее были довольно передовые взгляды. Бедного моего папу такое положение до крайности удручало.

Тем временем начиналась Русская революция. Вернувшись из ссылки, Ленин раздувал пламя ненависти к царскому режиму. Год был 1917-й, и революция с каждым днем становилась все неотвратимее. Помню, папа рассказывал, как в своей должности офицера царской армии пытался стащить Ленина с трибуны. Политические митинги, бунты и беспорядки вспыхивали повсюду, а с ними и голод. Однажды Феликс вернулся домой с шоколадным кексом – купил на улице, где немедленно образовалась давка. Кексы эти были несъедобными. Очевидно, кто-то вымел пол зернохранилища и испек их из собранной муки. Знали они это или нет, но вместе с зерном смели и крысиные экскременты, отчего кексы эти и походили на шоколадные. Голод и опасность попасть под пулю вынудили маму отказаться от независимости. 29 апреля 1917 года она обвенчалась с Феликсом в петроградской церквушке, и они уехали во Владивосток.

Я родилась во Владивостоке 1 декабря 1917 года – до срока, в семь с половиной месяцев. Принимавший роды врач не рассчитывал, что я выживу: я весила всего четыре фунта и неуклонно худела. Меня положили в лукошко, обложили ватой и грелками – инкубаторов для недоношенных тогда не существовало. Я была сплошь кожа да кости, постоянно икала, но разглядывала новый мир широко распахнутыми глазами. Выжить мне помогли мамина любовь и ее огромная забота.

11 июля 1920 года у Маруси и Бориса родился второй ребенок, которого назвали в честь деда Юлиусом. Юл, как мы его называли, был ребенок крепкий, круглоголовый и родился лысым, однако вскоре вся голова у него покрылась светлыми кудряшками. Гораздо позднее он стал известным актером Юлом Бриннером.

Семья Ю.И. Бринера
1910 г. Фото из фондов
ПГОМ им. В.К. Арсеньева

Жили мы на Алеутской – одной из главных улиц Владивостока. Участок Бринеров состоял из трех зданий. Одно, на самой улице, было резиденцией и конторой деда. Квартира у него была просторная, над центральной гостиной – световой люк. Вокруг комнаты шел балкон, он уводил в спальни. Я это помню очень смутно, потому что Бабуся, моя бабушка по отцу, всех Благовидовых терпеть не могла, поэтому заходили мы туда нечасто. Контора располагалась внизу, жилье наверху. Вдоль этого здания и двора над ним шла очень длинная каменная лестница – она уводила к квартирам слуг, там же были сарай с курами, коровами и прочей живностью. На полпути вверх справа от лестницы стояло трехэтажное здание, где наверху жили мы. Двор по другую от лестницы сторону, где устроили качели и песочницу, был нашей площадкой для игр – там мы проводили много времени под присмотром нянек. Под нашим домом, но над улицей был разбит небольшой садик с деревьями и цветами.

Квартиру мы делили с семьей Маруси и Бориса. Я очень любила это место, где прожила свои первые семь лет. Квартира была большая, с просторными комнатами. В глубине дома – две комнаты, принадлежавшие Марии и Борису. За ними – комната бабушки Байги, где спала и маленькая Веруся. Мы проводили с бабушкой много времени – она рисовала нам картинки, мы играли в разные игры и нежно ее любили. По некой загадочной причине прозвище у нее было Байга – сокращение от *Бабы-Яги*, ведьмы из русских народных сказок, хотя ничего от злой колдуньи в моей милой бабушке не было. Следующие две комнаты были нашими. Я спала в одной с родителями. Спальня у нас была квадратная, на потолке вокруг люстры – барельеф из купидонов кружком, из папье-маше. Ангелочков этих я обожала и очень хотела, чтобы какой-нибудь отвалился – тогда можно было бы с ним поиграть. Помню, в этой комнате происходило столько всего. Родители – кто-нибудь из них – причесывали меня или читали мне сказки перед сном, а если я не слушалась, меня в ней отчитывали.

Ирина с отцом
Феликсом Юльевичем.
Владивосток. 1918 г.

Вторая наша комната была кабинетом или библиотекой. Там находился камин, громадный диван, обитый серой кожей, и два огромных кресла, очень больших. Однажды мы потеряли толстый том энциклопедии; а через несколько лет, когда переезжали, он нашелся – в одном из этих серых кожаных кресел. Между комнатами располагался чулан. Иногда мама ставила меня туда в наказание. Напротив наших комнат через коридор – большая ванная с громадной фаянсовой ванной. Дальше – кухня, а за нею очень красивая столовая. Стены на две трети высоты обшиты панелями темного дерева, а над ними – сине-зелено-золотые обои с павлинами; хвосты их чуть развернуты и висят по направлению к панелям. В середине стоял длинный овальный стол. Я ела медленно и никогда не бывала голодна. Все меня умоляли: ложечку за маму, ложечку за папу и так далее, по ложечке за всех родственников. Поэтому когда я доедала, все уже расходилось, и я оставалась за столом в одиночестве. Вот тогда-то эти павлины на стенах и стали моими близкими друзьями.

Наискосок от столовой, отделенная широкой аркой, располагалась гостиная. У меня в уме она остается большой, как бальная зала: несколько комплектов диванов и кресел, столики и два рояля. На дальней стороне комнаты, вдали от столовой, – «зимний сад»: застекленная веранда, полная цветов. Висело много пушистой спаржи с зелеными листочками-иглочками и красными ягодами. В этой комнате мы любили одну игру: вечером, когда уже совсем смеркалось, свет не зажигали и шли от арки из столовой к зимнему саду. Перебравшись через всю огромную комнату в темноте, мы чувствовали себя очень храбрыми.

Здесь всегда кипела разнообразная жизнь. Мама и Маруся играли на двух роялях, мама аккомпанировала друзьям, игравшим на виолончели и скрипке: они исполняли сонаты и трио. Как я уже говорила, Маруся была отличной певицей, мой папа пел тенором, а у Бориса был баритон – готовый вокальный ансамбль, а кроме того, мы, дети, тоже всегда пели под аккомпанемент рояля. Не помню,

Ирина с мамой Верой Дмитриевной. Владивосток. 1922 г.

чтобы хоть раз мы засыпали, не слыша музыки. Однажды мы поставили «Белоснежку» Аренского. Веруся была прекрасной принцессой Белоснежкой, я – Злой Королевой, а маленький Юл – гномом.

Особым временем было Рождество. Став постарше, мы тоже украшали елку, но я помню и то время, когда за несколько дней до Рождества нас переставали пускать в комнату. Нам говорили, что елку нам несет и украшает ее *Дед Мороз*. Мы всячески старались заглянуть в комнату, но тщетно – все двери были закрыты, и разглядеть к вящей нашей досаде ничего не удавалось. Но наступал канун Рождества, двери открывались, и нас впускали. От зрелища у нас перехватывало дух. Огромная елка чуть не упиралась в потолок. Все ветки были покрыты изысканными украшениями. Висели сосульки – мама делала их из стекла, совсем как настоящие; рождественские шары всех цветов, украшенные металлическими сеточками и блестками; картонные ангелы; красно-белые деды-морозы и всякие мелкие зверюшки. Больше всего мне нравились изящные ясельки из золотистой соломы, в которых лежал восковой младенец Иисус. Трогательнее новогоднего украшения я не видела никогда. Венчала елку большая яркая звезда. Все шевелилось и мерцало в свете настоящих свечей, тоже украшавших ветви.

В тот день к нам приходили все наши двоюродные родственники и маленькие друзья. Под елку подарки не клали – с мешком к нам приходил Дед Мороз. Один диван придвигали поближе к камину, оттуда вдруг раздавался жуткий шум – и возникал большой и толстый Дед Мороз с пушистой белой бородой. Нам всем полагалось исполнить перед ним что-нибудь особенное, и лишь тогда мы получали подарок. Мой двоюродный брат Павел, трехлетний сын тети Нины, читал стихотворение, в котором были такие строки: «*Тили-бом, тили-бом, загорелся кошкин дом*». Бедный мальчик окаменел от ужаса. Дрожащим голосом, со слезами на глазах он без конца твердил только «*тили-бом*», а остального выдавить так и не смог. Когда настал мой черед, я уселась Деду Морозу на колени и спела песенку про сову, которая по ночам плачет на дереве, потому

Ирина с отцом Феликсом
Юльевичем Бринером.
Владивосток. 1919 г.
Фото из фондов ПГОМ
им. В.К. Арсеньева

что днем она ничего не видит. Я потрогала его лицо. Помню, пальцы мои наткнулись на какую-то грубую и жесткую поверхность – такого я не ожидала. Я вознегодовала.

– Вы не настоящий, – тихо сказала я Деду Морозу. – У вас лицо картонное.

В том возрасте я остро осознавала жизнь вокруг. У меня уже были любимые песни. Их пела Маруся, а я могла слушать ее часами. Тетю я любила, она всегда была моим идеалом.

Как часто бывает в жизни, счастливые моменты сменялись грустными. Первой встречей со смертью для меня стала кончина папиной тети *Бабы Тони*, и нас повели с нею проститься. Мы ее любили, и странно было видеть ее на столе в окружении цветов. Почему-то казалось, что это уже не она. А самое мучительное – этот странный сладковатый запах разложения, наполнявший комнату.

ВО ВЛАДИВОСТОК ПРИХОДЯТ КРАСНЫЕ. 1922–1924 гг.

Пока все это происходило у нас в семье, большевистский революционный хаос быстро становился все хуже. Кроме того, случилась эпидемия чумы, и мама все это время работала врачом в больнице. Из Маньчжурии от эпидемии бежали китайцы и несли ее во Владивосток. Каждый день с улиц приходилось убирать десятки мертвых тел. Страх среди населения был настолько силен, что распространялось много ложных тревог о воображаемых вспышках чумы.

Красная армия под руководством большевиков двигалась к Владивостоку. Никакого порядка не было. Положением пользовались всевозможные преступные элементы. Нам, детям, запрещали одним гулять около дома – даже в садике или во дворе. Родителям присылали угрозы нас похитить, если не заплатят выкуп. В одном таком письме грозили плеснуть Верусе в хорошенькое личико кислотой.

Папа, будучи белым офицером царской армии, подчинялся генералу Колчаку, который вел белые силы через Сибирь. Во время революции многие иностранные державы делали вид, будто хотят помочь России, но на деле их интересовал лишь захват русского золота, которое Колчак вез на поезде. Французский генерал Ренан пытался договориться с Колчаком. Отец был на этих переговорах переводчиком и своими ушами слышал слова Ренана: «К черту Колчака, дайте нам забрать золото». Чехословаки и французы объединились, предали генерала Колчака и выдали его большевикам. Его вместе с помощником захватили и казнили в Иркутске.

После этого папу приписали другому белому генералу – Каппелю, который вел оставшуюся Белую армию пешком через сибирскую тайгу. Бросок этот назывался «*Ледяной поход*», и выжили в нем немногие. Каждое утро – горы трупов, жертв тифа и мороза. Нам повезло, что папа остался жив: изможденный, с обмороженными ногами, он счастливо вернулся домой к семье и снова стал работать в пароходстве своего отца – «Бринер и компания».

Иностранные державы, включая Британию, Францию и Японию, отправили свои войска остановить наступление большевиков: на жаргоне тех дней они были «интервентами». Они прятались в домах владивостокских горожан. На этаже под нами жили японцы. У нас в квартире поселился англичанин, капитан Роп, – мою бабушку Байгу он сводил с ума. У него была кружка, из которой он делал все – буквально все. Он из нее брился, пил и все прочее, а выливал нам в горшки с цветами.

Большевики приближались, неопределенность пугала. Ходили слухи о кошмарных зверствах, которые творили с «неудобными» гражданами, не поддерживавшими коммунистическую партию. Один слух был о том, что детей буржуазии они убивают, разбивая им головы о стену. Правда или нет, но мы были готовы к чему угодно: мама принесла домой из лаборатории достаточно яду, чтобы избавить всех желающих от мук. Однако при смене правительств – белого процарского на красное прокоммунистическое – крово-

Вера, Ира и Юлька
Бринеры.
1923 г.
Фото из архива
Рока Бриннера

пролития не случилось, потому что войска японских интервентов сдерживали Красную армию, пока уходила Белая.

Наконец 25 октября 1922 года пришли большевики. Их армия понесла множество потерь, поэтому мимо нашего дома нескончаемо тянулись похоронные процессии, распевавшие «Мы жертвою пали в борьбе роковой» под духовой оркестр, с красными флагами и красными гробами. На кладбище, куда мы часто ходили гулять, возникли уродливые красные колонны с красными звездами на верхушках. Вот что я помню о начале коммунизма. Мне было четыре года.

Однажды, когда мы были в Сидеми, в нашем летнем домике – только женщины и дети, да еще один слуга-китаец, – нам сказали, что на нас собираются напасть китайские бандиты – хунхузы. Как знать, что они станут делать? Грабить, насиловать, брать заложников, чтобы вымогать деньги? У нас в домике был подпол. И все мы спустились туда прятаться – взяли матрасы, подушки, еду, воду и свечи. Мы, дети, не очень понимали, до чего все это может быть опасно. Для нас это было приключение. В том крохотном подвале матери расстелили нам матрасы, устроили постели. Зажгли свечи, стало уютно и совсем не страшно. К счастью, Василий, наш слуга-китаец, сумел как-то связаться с Борисом и Феликсом. Те тут же приехали, и хунхузы сунуться к нам не посмели.

НАША ДАЧА, СИДЕМИ

Сидеми была маленьким раем. Наш дом стоял у открытого моря – Амурского залива, и у самого дома на берегу – скалы. С другой стороны имелась закрытая бухточка с пристанью, к которой подходил паровой катер, привозивший нас сюда. Бухта была очень спокойная и довольно мелкая. Здесь, бывало, мы ловили рыбу – закидывали подальше в бухту сеть и оставляли на ночь. А наутро вытаскивали ее на берег – уже полную серебрящейся на солнце

рыбы. А вот креветок мы ловили иначе – тащили сетку, похожую на мешок, на квадратной раме, по дну бухты, и она там собирала креветок. Но любимым моим уловом были крабы – их мы добывали круглым металлическим сачком на длинной рукояти. Медленно двигались по берегу, на два-три шага зайдя в воду, и видели, как эти лиловые существа ползают там боком. Только загребай их побыстрее. Диаметром они были в фут. Если такому дать себя ущипнуть – пожалеешь.

Для нас, детей, самым главным в Сидеми был скалистый пляж за домом: мы придумывали там столько игр, там столько всего происходило. Скалы были нашими замками, нашими тайниками. Большое событие для меня – пойти туда с котелком вареных крабов, ломать их там и есть. Как правило, мы это делали под вечер: раздевались почти догола, чтобы не испачкать платяца, а камни, на которых мы разделявали крабов, мыло море. Это было так здорово.

Хотя в округе водилось множество ядовитых змей – главным образом, береговых куфий и медноголовых щитомордников, – мы никогда не носили обувь. Нужно было просто осторожнее ступать. Мама до смерти боялась змей. Однажды папа и Маруся в шутку подложили ей под подушку резиновую, и, когда она что-то брала с кровати, змея выпрыгнула. Мама расплакалась, такое для нее это было потрясение. Я пыталась ее утешить, уверяла, что это просто игрушка.

Сидеми принадлежала трем семьям – Бринерам, Гекам и Янковским. Первым здесь поселился Гек с женой и маленьким сыном. Жили они одни на всем полуострове, без защиты, и на них напали хунхузы. Жену Гека убили, а ребенка похитили – его так больше никогда и не нашли.

Мы жили на открытой стороне этого полуострова, на Амурском заливе. Дедушкин дом был ближе к закрытой бухте, где мы рыбачили и купались, и туда приходили лодки. Дом был большой, деревянный, вокруг всего первого этажа шла веранда, а по второму – балкон. Там жили наши дед с бабкой и все остальные Бринеры. В

Ира, Юлий и Вера
Бринеры с бабушкой
Анной Тимофеевной
Благовидовой.
Сидеми. 1923 г.
Фото из архива
Рока Бриннера

лесу стоял дом Гека, а совсем на другой стороне полуострова располагалось огромное поместье Янковских.

Михаил Янковский был охотник и предприниматель – разводил оленей, чьи панты использовались в лекарствах; кроме того, занимался коневодством. Один из сыновей Янковского, Юрий, тоже охотился и работал на отцовском предприятии. Он был женат на интересной женщине, Дэйзи, большой фантазерке, очень изобретательной – она любила устраивать игры, концерты и ставить пьесы. Дом у них был очень необычный. Все двери – разных очертаний: круглые, овальные, квадратные, свободной формы. На крыше у них стоял инструмент под названием «Эолова арфа». Играл на нем ветер. Дуя через эту арфу, он издавал разный вой, и чем сильнее дул, тем громче были звуки. Мне никогда не разрешали ходить к ним на вечеринки, потому что я была еще маленькая, а потом, гораздо позднее, мне рассказывали, что все они устраивались с сильным эротическим оттенком. Папа не желал, чтобы такое открывалось моим глазам.

Чтобы попасть в имение Янковских, приходилось идти через лес. Часто мы отправлялись на такую прогулку с родителями, иногда по дороге собирали грибы. Мы хоть и были малы, но отлично знали, какие грибы съедобные, а какие нет. Родители играли с нами в одну игру, и мы ее обожали. В какое-нибудь дупло они клали конфету или мелкую игрушку. Мы никогда не знали, когда и что они куда положат, а поэтому, лишь заведя дуплистое дерево, бежали к нему и кричали:

– Дерево-дерево, дай нам подарок. – Заглядывали внутрь и всегда находили какой-нибудь сюрприз. Однажды я отыскала дерево, про которое никто не знал. Побежала к нему, умоляя дать мне подарок. Родители уже были готовы к большому детскому разочарованию: они же ничего туда не клали. Я заглянула в дупло, а там рос красивый гриб с красной шляпкой и крохотный цветочек. Я была просто уверена, что это и есть мой особый подарок. Время от времени в этих лесах мы встречали быка. Он принадлежал Янковским, но иногда решал навестить наших коров. Для этого и ему приходи-

лось идти через лес. На таких прогулках ему не нравилось, если его отвлекают. Если ему попадались мы, приходилось прятаться где-нибудь в кустах. Особенно боялась этого зверя Веруся.

В Сидеми у Бринеров была усыпальница. В псевдоклассическом греческом стиле, с колоннами – довольно привлекательная постройка. Из детства помню, в усыпальнице были венки. С зелеными железными листиками и фарфоровыми цветочками: одни – ландыши, другие – фиалки.

БОРИС УХОДИТ ОТ СЕМЬИ, МЫ ПЕРЕЕЗЖАЕМ НА 19-Ю ВЕРСТУ, 1924 г.

В 1924 году семью нашу постигла неожиданная трагедия. Маруся и Борис считались образцовой парой. Так любили друг друга, и у них были такие милые дети. Трудно было даже вообразить, что у них что-то пойдет не так – и, тем не менее, пошло. Борис отправился в Москву по делам и встретил там Катерину Корнакову, актрису художественной студии Станиславского. Они друг друга знали с детства, но теперь влюбились. (Борис забыл, что не разрешил жене окончить оперный класс в Консерватории – он не желал, чтобы жена его была актрисой.) С Марусей он – без ее согласия – развелся: такое было возможно из-за хаоса, созданного русской революцией. У меня до сих пор хранится его циничное письмо, в котором он рассказывает, до чего замечательна Катерина и как Маруся должна с нею познакомиться: тогда она-де поймет, почему он влюбился в такую удивительную женщину. Для моей бедной тети это была трагедия, и после нее Маруся никогда не оправилась. Человек, которого она обожала и которому доверяла, отец ее детей, ее обманул; выдержать такое трудно. Помню, как она ходила взад-вперед по комнате, заламывала руки и стонала:

– Больно, больно, какая боль, больно.

Мне тогда было всего шесть, но я все равно чувствовала, до чего жестоко ранил ее человек, которого она так любила. Боль эта осталась с нею навсегда. Ей выпадала возможность выйти замуж за солидного юриста, но она этого так и не сделала. По-моему, ей не хотелось просить детей приспособиваться к новому папе. К несчастью, семья Бринеров заняла сторону Бориса, и наша Бабуся всеми силами старалась портить Марусе кровь. Говорила невесткам гадости, очень грубо и некрасиво, приходила и забирала подарки, которые сама же им раньше дарила. Американская жена самого старшего брата Леонида Майка столько натерпелась от нее, что из Лос-Анджелеса приехала ее тетка и забрала Майку и троих ее детей с собой в Америку.

Потом мы переехали за город: место называлось «19-я верста», потому что таково было расстояние от Владивостока¹. Обширный и красивый участок с большим домом, который мы снова делили: Маруся и двое ее детей в одной половине, наша семья – в другой. Байга, как обычно, жила где-то посередине. На участке был огромный сад с двумя лесистыми оврагами, ручеек, теннисный корт, садик с клумбами и двор, на котором мы держали кур, козу и нашу любимую собаку Хохлика, норвежскую лайку. Он всегда сидел на цепи, с чужими был свиреп, а с нами очень ласков.

Дни начинались с того, что родители уезжали во Владивосток: папа – в семейную контору Бринеров, где работал, покончив со своими офицерскими обязанностями, мама – в лабораторию, где служила бактериологом. Она перешла на эту работу со своей медицинской практики, чтобы оставалось больше времени на занятия со мной, когда я была очень маленькой. Этот их утренний отъезд я терпеть не могла и неудовольствие свое проявляла очень наглядно: пока они собирались, ходила вокруг дома, а у них под окнами принималась громко рыдать, жалобно подвывая. Всегда надеялась, что они меня пожалеют и останутся дома. Но такого ни разу не случалось. Самое

¹ Район между современными станциями Санаторная и Океанская. Бринеры снимали дачу у семьи бывшего заведующего городскими лесами и угодьями Владивостока Андрея Васильевича Встовского.

Борис Бринер. 1905 г.

Екатерина Ивановна Корнакова в роли
Дуси в спектакле «Зеленое кольцо».
1917 г. (Архив музея МХТ)

забавное, что плакала я только под окнами родителей, а доходя до Марусиных – смолкала. Однажды она высунулась в окно и спросила:

– Иринуся, а чего ты не плачешь?

– С тобой это не поможет, – ответила я, прекрасно понимая, что моя тетя на такое не клюнет. Маруся и бабушка Байга всегда были дома и присматривали за нами.

В деревне нам, детям, было чудесно. Прежде всего, мы все играли в теннис. Лесок с оврагами был создан для игр. Над одним оврагом дерево росло горизонтально, ствол у него был толстый, и на нем можно было сидеть – не очень высоко над землей. Мы его называли своим домом, и от него начинались все наши игры. Вокруг росло множество разных цветов, из которых мы составляли букеты и плели венки. А весной так здорово было смотреть, как тает снег. На ветвях нарастали сосульки, похожие на драгоценности, они сверкали на солнце. Мне нравилось притворяться, что они – конфеты, и сосать их, как леденцы. А потом из-под снега начинали пробиваться цветы. Первыми появлялись подснежники с красивыми золотыми лепестками – очень яркие, будто лакированные. Один цветок назывался «недотрогой» – как только его касались, он закрывал свою чашечку. Летом в огромном разнообразии созревали ягоды, а затем, ближе к осени, начинались грибы.

Когда мы только туда переехали, случилось невероятное. С собой мы взяли черную корову Дуньку. А через несколько дней обнаружили, что со двора во Владивостоке пропала наша другая корова, рыжая. Переезжали мы зимой, поэтому телеги с нашими пожитками ехали по замерзшему морю, корова и куры – тоже. В общем, эта рыжая корова как-то сумела пройти по той же дороге на льду, по которой всего за несколько дней до нее проехали мы все. И недели через две пришла к нам на 19-ю версту. Мы, дети, были в восторге.

Наша музыкальная жизнь продолжалась так же, как и во Владивостоке. Приезжали друзья-музыканты, в доме все время звучала музыка. У нас дома всегда было много друзей. Очень часто навещала нас одна семья. У них было две взрослые дочери и сын Германчик,

Вера, Ира, Юлий, Мария
Дмитриевна, Вера Дмитриевна,
Анна Тимофеевна,
Феликс Бринер, Герман
Иванович Бострем.
Сидеми, 1923 г.
Фото их архива Рока Бриннера

нашего возраста и участник всех наших игр. Он был очень тощ и высок, поэтому, когда мы ставили пьесу «Придавили комара», его выбрали на роль длинноногого комара. Веруся была божьей коровкой, я – мухой, а Юл – врачом-пауком. Когда комара давят и ломают ему крыло, врач-паук должен был войти с ведерком и кистью и вылечить его. Но случилось непредвиденное: катастрофа произошла, а нашего врача-паука нигде не оказалось. Юл решил срезать путь и пошел через кусты, а не вокруг. Одна ветка спружинила – и Юла подбросило в воздух. Слезть сам он не смог и стал звать на помощь. Прибежала его мама и сняла ребенка с ветки. Освободившись из ловушки, он явился на сцену как ни в чем не бывало, будто задержка планировалась с самого начала. Наверное, актер уже тогда в нем проснулся. Он никогда не покорялся неудачам – всегда был их властелином.

Тогда же у Юла случилась первая влюбленность. Он был очень недоволен тем, что ему велела делать мама, и объявил, что больше не хочет жить дома, что он любит старшую дочь друзей семьи и желает уйти и жить с ней. Ему было пять лет, ей – уже за двадцать. Маруся сказала:

– Прекрасно, я помогу тебе собрать сумки. – Взяла чемодан, сложила туда пижаму, рубашку и горшок, вынесла к калитке, поцеловала сына на прощанье, закрыла калитку и ушла. До этого момента Юл держался молодцом. Однако в стуче калитки ему, я думаю, слышалось что-то окончательное. Сначала он зримо удивился, затем расплакался. Мать вернулась и спросила, что не так.

– Я хочу домой, она слишком далеко живет, а я проголодался.
Так закончился первый роман Юла.

Летом главными видами спорта для нас были теннис и плавание – до моря не больше пяти минут ходьбы. Каждый день мы отправлялись на пляж играть и купаться. Ближе к осени появлялись медузы, некоторые – до фута в диаметре, голубые или розовые. У них висели жгучие щупальца, но ожог от них был незначительным. А были и другие – меньше сантиметра, с крохотным красным

крестиком сверху, в воде их было почти не видно. От них ожог был очень суровым – вызывал болезненные спазмы и судороги. Симптомы можно было облегчить лишь в горячей ванне.

Зимой мы ходили на лыжах и катались со склонов на санках. Санки были у нас любимым развлечением. На них помещалось трое. Для управления мы брали длинный шест. Однажды папа придумал управлять санками ногой. Закончилось скверно – ему довольно долго пришлось потом ходить в гипсе. Еще нам нравилось искать на снегу следы зверей. Лучше всего помню кроличьи – две маленькие дырочки спереди и одна глубокая и длинная сзади, а рядом – непременно сухие круглые катышки.

Летом на заднем дворе у нас был устроен подземный лёдник. Выкапывалась очень глубокая яма, где-то десять на десять футов. Стенки и потолок укреплялись досками, а из выкопанной земли потом сверху делали бугор, чтобы полностью этот погреб изолировать. Весной, когда на море начинал таять лед, его привозили глыбами на телегах и сваливали туда – погреб наполнялся им наполовину. С одной стороны имелась лесенка и дверь из толстого дерева, тоже для изоляции. Такое охлаждение держалось все лето. На стенах там были полки, а на них – банки маринованных грибов и соленой квашеной капусты с клюквой и яблоками. Все, что могло испортиться, хранилось там. И все варенья! Так и вижу бабушку Байгу – в длинной юбке, повязав голову косынкой, она их варит. Ягоды мы собирали с кустов у нас в саду: крыжовник, клубника, малина, красная и черная смородина, жимолость и шиповник (дикая роза). Они были большие, круглые, оранжевые и чуть приплюснутые сверху и снизу. Чистить шиповник было делом неприятным: внутри у него полно мелких семечек с колючими усиками. Их резали и чистили в воде, чтобы у этого колючего пуха было меньше возможности залезть под кожу занозами. Но когда варенье было готово, оно стоило всех усилий. Нам разрешалось попробовать пенку сверху – вкус у нее был иной, не как у самого варенья. Все, что делала Байга, было особенным. Я никогда не пила такого кофе, как

Ирина с матерью и друзьями
семьи. 1926 г.
Фото из архива Рока Бриннера

у нее из чашки. Если разрешали обмакнуть в него кусок французской булки, это было любимое лакомство.

Осенью наступало изобилие разнообразных грибов, которые мы любили собирать и заготавливать на зиму. Они нанизывались на нитки и сушились, мариновались или солились. А чтобы съесть сразу, их жарили в сливочном масле и ели со сметаной – очень вкусно. Собирая грибы, мы всегда срезали себе яркие осенние ветки. Самые красивые были у дикого винограда – огненно-красные листья и мелкие иссиня-черные виноградины. Дома мы проглаживали листья через вощеную бумагу, чтобы они не жухли и хранили свой безупречный красный цвет всю зиму.

У нас была яхта, называлась она «Айрис», и очень часто мы на выходных плавали на ней. Это был красивый двухмачтовый шлюп. Однажды родители решили оставить меня с тетей и бабушкой, а сами с друзьями отправились несколько дальше, чем мы плавали обычно. Под Владивостоком много очень красивых островов с небольшими закрытыми бухтами. Они поплыли на самый дальний остров в Уссурийском заливе. На второй день после их отплытия разразился жуткий шторм. Мы уже понятия не имели, где они и что с ними. Позвонили в береговую охрану, но у них с нашим шлюпом не было связи. Бабушка была в слезах – она боялась, как бы с Верусей и Феликсом не случилось чего-нибудь страшного. И тогда Юл с изумительной логикой сказал ей:

– Чего ты плачешь? Если они утонут, Иришка сможет всегда спать с тобой, я же знаю, тебе этого хочется.

Они и впрямь попали в страшный шторм, но им удалось добраться до одного острова, где был узкий вход в бухту между огромных скал. Целить судно в проход следовало очень точно, иначе оно бы разбилось о камни. Бухта была хорошо защищена от шторма, и как только они прошли скалы – оказались в изумительно спокойных водах. Там и переждали шторм.

ГЛАВА 3

МАРУСЯ И ДЕТИ ПЕРЕЕЗЖАЮТ В ХАРБИН, 1925–1930 гг.

В 1925 или 1926 году Маруся увезла детей – Верусю и Юла – из Владивостока навсегда; с ними уехала моя бабушка Байга. Верусе исполнилось девять, и ей пора было в школу. Они отправились в Харбин – этот город, будучи конечной станцией Русско-китайской железной дороги, стал Меккой русской культуры. Там имелось, по крайней мере, четыре хороших русских начальных и средних школы. Средняя школа и колледж Христианского Союза Молодых Людей работали под американским флагом, но методику преподавания заимствовали у русских гимназий. Юл и Веруся поступили в эту школу – в классы по возрасту.

Для меня же началась совершенно новая жизнь. Мне было восемь, и я никогда не знала, каково это – жить одной: мы-то втроем детьми были неразлучны. На какое-то время мы переехали в дом на Пушкинской. Квартиру не помню, но улица была вымощена округлыми морскими голышами – по ним было очень неудобно ездить в пролетке. Через несколько месяцев мы перебрались в другой дом Бринеров, на Посъетскую. У меня впервые появилась своя спальня. Она располагалась рядом с родительской, а там был балкон. В гостиной стояло фортепиано и много растений: пальма, филодендрон и прочее, – а также был еще один балкон. Там расположились наши огромные серые кожаные кресла и диван, а у папы было осо-

бое откидывающееся кресло из очень мягкой коричневой кожи, с книжным пюпитром, чтобы читать. Папа в нем сидел, а иногда под прикрытием пюпитра и засыпал там, хотя его выдавал храп. В глубине дома – кухня и комната кухарки.

Я ходила в небольшую частную школу. Классы держали две сестры – для детей из «неугодных» семей, кому не разрешали ходить в обычную школу. Средний класс – зажиточные «буржуи» – считались заразой для чистых пролетарских детей. Пока эта школа работала, мы, пять девочек, ходили туда по полдня. Где-то через год школу закрыли, и я начала учиться на дому. Эти уроки со мной вместе брала моя двоюродная сестра Ниника, дочь младшей папиной сестры Нины, она жила этажом ниже. Она прибыла во Владивосток где-то через год после того, как мы поселились на Посьетской. Переехала из Тобольска – сибирского города, куда сослали ее отца. Тот служил морским офицером, но, как и многих, его объявили врагом строя и отправили в Сибирь, где с ним до его смерти жила и его жена. Она предпочла никогда потом не возвращаться к дочери и осталась в России до конца своих дней.

В одиночестве я своих двоюродных братьев и сестер заменила куклами. Они для меня были живыми существами. Те, что побольше, – как мои дети. Те, что поменьше, высотой дюймов десять, – как люди, только фарфоровые, с белыми паричками, как у маркиза. Для них я обустроила маленькую кукольную комнату, с мебелью и аксессуарами. Когда я с ними играла, то как будто оперу ставила: они никогда не разговаривали, только пели. И в эту игру я могла играть часами. Однажды мне подарили кукольного младенца с фарфоровой головой и мягким набивным туловищем. Детку эту я любила так, словно она была живая. Другим моим воображаемым компаньоном было мое собственное отражение в зеркале. Я звала ее *Ирина Зеркалова*. Мы с ней тоже друг другу пели, а не разговаривали. Наверное, так казалось легче, естественней – петь одной в комнате, а не беседовать с собой.

Юлька, Ира и
Вера Бринеры
в новогодних
костюмах.
Владивосток.
1925 г. Фото из
фондов ПГОМ
им. В.К. Арсеньева

Как обычно, друзья приходили к нам играть музыку. Гости бывали у нас каждый вечер. У Николая, нашего милого повара-китайца, среди них были любимчики и те, кто ему не нравился. На иностранных судах папа добывал продукты, не доступные другим жителям, поэтому гостей мы всегда могли хорошо накормить. Я любила приходить на кухню и просить Николая, чтобы рассказывал мне китайские сказки или какие-нибудь истории. Мне очень нравилась одна – как китайцы поняли, что жареную свинью есть хорошо:

– В маленькой хижине жил крестьянин. У него был только славный толстый поросенок. Однажды крестьянин готовил еду, и у него из печи выпал уголек. Начался пожар. Бедняга ничего не мог поделать – огонь очень быстро охватил все. Расстроенный крестьянин сидел посреди пепелища и плакал. Вдруг он заметил своего бедного поросенка – только теперь в коричневой корочке. Он машинально потрогал свинку, но она была очень горячая, и он сунул палец в рот... И очень удивился, потрогал еще и снова сунул палец в рот. Вкус был такой приятный, что крестьянин забыл об утрате, стал отковыривать кусочки жареного мяса и есть их. Так свинина и стала у китайцев главной пищей.

Родители начали регулярно водить меня на концерты, в оперу и балет. Театр «Золотой рог» стал моей альма-матер в том, что касалось образования в музыке и искусстве. Оперу я обожала – пели там по-русски, она была таким музыкальным театром у меня в голове. Многие арии я знала наизусть, особенно теноров – их пел мой папа.

Однажды папа принес домой детекторный радиоприемник с небольшим серебристым кристаллом кварца и гнутой иглой на шарнире. Иголку следовало поместить на кристалл, и когда она падала в нужное место, раздавался звук. В наушниках мы могли слушать оперы, передававшиеся из театра.

То было начало эпохи сталинизма. Жизнь за стенами дома была трудной, многих людей арестовывали без всякой видимой причины и вешали на них ярлык «враг народа». Разлучали семьи. Мы

Ирина Бриннер с мамой Верой Дмитриевной.
Владивосток. 1926 г.
Фото из фондов ПГОМ им. В.К. Арсеньева

чувствовали себя совершенно незащищенными. Над нами всегда висела опасность папиного ареста – семья наша оставалась одной из последних, у кого было частное предприятие, а для коммунистов это было неприемлемо. Они нас терпели, потому что ничего не понимали в морских перевозках, и следили за папиной работой.

Суда приходили из Голландии, Англии и скандинавских стран. Среди капитанов у нас было много друзей, и они нас часто навещали.

С детства из года в год я очень серьезно болела. Меня свалила острейшая дифтерия, а один год я два с половиной месяца провела в постели с какой-то редкой формой скарлатины. Случилось это на Рождество, поэтому елку украшали у меня в комнате. Чудесно было смотреть на мигающие свечи. Помню, как во время этой болезни проветривали мою комнату. Меня укутывали в одеяла и шарфы, до самых глаз. Во Владивостоке было очень холодно – минус 25–30 градусов, все окна были двойные, а между рамами всегда лежал слой опилок, покрытый белой ватой. На него сверху ставили коробочки с солью и клали куски древесного угля, чтобы стекла не запотевали. И в окне была маленькая заслонка, *форточка*, которую открывали, чтобы проветрить помещение. В общем, меня укутывали и форточку эту открывали. Какая же радость была вдыхать тот фантастически душистый морозный воздух, проникавший мне в комнату!

Мама много мне читала: вместе мы прочли всю русскую классику, да и зарубежную литературу читали. Довольно много Диккенса. Помню, мы погрузились в «Повесть о двух городах», как раз когда боялись, что папу арестуют. На случай неприятностей у нас стояла наготове сумка с одеждой и провизией. Возвращаясь домой с концерта или из оперы, мы присматривались – убедиться, что у нашего дома нет машины тайной полиции: это бы означало, что за ним приехали, и нам бы тогда следовало идти куда-то в другое место. Все это очень нервировало. Почти каждое утро знакомые звонили друг другу и спрашивали, все ли целы. Никто не знал, когда или почему кого-нибудь сочтут врагом и, следовательно, арестуют.

Через дорогу от нашего дома стояли казармы Красной армии с широким двором, на котором свои учения проводили солдаты в остроконечных шлемах. Каждый день я наблюдала там одно и то же. Помню, глядя в окно, я спросила себя: неужели мне придется смотреть вот на это всю свою жизнь? Я и вообразить не могла, во сколько разных мест жизнь меня потом забросит.

Однажды Николай принес домой живого олененка: подозреваю, что на еду. Но я об этом и слышать не захотела. Попросила папу позвонить в какой-нибудь заповедник, где олененок бы выжил и ему бы ничего не грозило. Папа мне пообещал, а тем временем хрупкое существо оставляли на ночь на балконе, а днем он приходил к нам в гостиную, гулял по комнатам и жевал домашние растения. Никогда не забуду его печальных темно-карих глаз. В конце концов, мне сказали, что он перепрыгнул через балконные перила и убится. Так закончилась моя маленькая сказка.

В 1927 году мы поехали навестить Марусю в Харбин. Я была так счастлива снова встретиться с Верусей и Юлом. Юл пошел с нами на свою первую в жизни оперу – «Снегурочку» Римского-Корсакова. В Харбине гастролировала советская опера, главную партию там пел знаменитый тенор Лемешев.

Потом однажды Веруся из школы принесла домой корь. Через два дня заболел и Юл. Я не могла смириться с мыслью, что меня болеть с ними не взяли. Следовало придумать, как и мне заболеть. И мы с Юлом разработали план. Мама у меня была врач, поэтому я знала, как передаются заболевания. К ним в комнату мне заходить не разрешалось, поэтому мы договорились, что Юл возьмет с собой бумажную куколку, которой мы часто играли, поцелует ее и просунет мне под дверь. А я со своей стороны сделаю то же самое. Все получилось. Через два дня мы с кузенами снова были вместе. Я была счастлива с ними болеть, чего нельзя сказать о моей маме. Однажды у Юла был жар, и он вдруг ни с того ни с сего подскочил на кровати и запел арию из «Снегурочки»: «Постой, постой, Снегу-

рочка», – после чего снова рухнул на кровать. У него и всю жизнь потом проявлялись эти маленькие актерские черточки.

На том завершился наш визит в Харбин к Марусе и детям. Когда мы вернулись во Владивосток, обнаружилось, что сталинский терроризм стал только хуже. Когда мама вернулась на работу, ее сотрудники были в ужасе:

– Как вы могли вернуться в советский ад – вы же выбрались из страны, да еще и со всей семьей?

Но мы вернулись. Папе очень трудно было смириться с мыслью, что нам придется всерьез думать об отъезде: он обожал Россию и особенно Владивосток. Весь Уссурийский край, как я говорила выше, был очень необычен.

Летом нам по-прежнему удавалось выходить в море на шлюпе. На яхте у нас жил моряк, а места бы там хватило еще семерым. У яхты было две мачты – высокая спереди и поменьше на корме. Отчетливо помню, как по ночам, когда все засыпали и становилось тихо, вода шелестела и булькала, глядя борт, а когда дул ветер, такелаж бился о мачты с быстрым стуком. У меня было на яхте свое место – узкая длинная каюта, как гроб. Но я была маленькая, и мне там не было тесно. Каюта располагалась вдоль борта яхты, поэтому звуки моря доносились, будто усиленные микрофоном. В таких поездках мне разрешали выпить пива – я его и до сих пор люблю. С борта мы удили рыбу, собирали ягоды на берегу, купались. Купаться ночью сказочно. Вода светилась, особенно под осень. Любое движение казалось подводным фейерверком. Те поездки и красота природы вокруг оставили в моей душе глубокий эстетический отпечаток. Помню, в складках сложенного паруса я делала себе колыбельку, вроде маленького гамака, и забиралась в нее, как в грёзу. Во всех таких путешествиях у нас была с собой маленькая гребная шлюпка, на которой мы съезжали на берег; я очень любила сама грести в ней по той бухточке, в которой мы устраивали стоянку. Из-за этого у меня всегда были сильные руки.

Так бывало летом. Зимой же море замерзало. В четыре года я начала кататься на коньках, потому что на льду бухты Золотой Рог имелся просторный каток. Коньков я не бросала всю жизнь.

Чтобы могли плавать суда, лед в бухте приходилось ломать ледоколом. Капитаном его был наш очень близкий друг – талантливый художник капитан Штукенберг. Очень пригожий мужчина нордического типа, в капитанской форме, неизменно с трубкой во рту. Его жена – Владислава Матвеевна Башевич – была маминной лучшей подругой; как и мама, она работала врачом. У них была собака – красивый датский дог по имени Эгой. Когда на ночь у нас оставалась моя двоюродная сестра Ниника, а родители хотели пойти куда-нибудь без меня, присматривать за нами оставляли Эгоя. Дог он был не серый, а коричневый, с темными полосами, как тигра.

Среди главных радостей у меня были походы на концерты и в оперу, а во Владивостоке у нас всегда давали и хорошие концерты, и хорошие оперы. Мы с кузиной Ниникой влюбились в тенора по фамилии Бельский. Они с женой – сопрано Родомской – как-то вечером пришли к нам на ужин. На следующий день мама зашла в комнату и обнаружила, что мы с Ниникой деремся за стул, на котором, по нашему убеждению, накануне сидел Бельский. Мама рассмеялась и сказала:

– Но все стулья сегодня с утра передвинули, как же вы найдете, на каком он сидел?

Мы себя почувствовали дурами.

ГЛАВА 4

МОСКВА, ЛЕНИНГРАД И КАВКАЗ, 1930 г.

В 1930 году папа пробовал достать визу в Германию. У него всегда было слабое и нервное сердце, ему следовало полечиться на курорте. В визе ему отказали. Тогда мы решили поехать на Кавказ, где располагались знаменитые курорты на минеральных источниках. Это путешествие стало важной эпохой в моей жизни. Сначала мы отправились в Москву, а оттуда – в Кисловодск на Кавказе; на обратном же пути мы через Украину заехали в Ленинград.

От Владивостока до Москвы ехали по Транссибирской железной дороге: это десятидневное путешествие. Первую неделю меня укачивало. Проводник нашего вагона жалел меня, и если на кухне бывало что-нибудь особенное, он мне это приносил. Помню, я очень любила нечто вроде бисквитного торта с шоколадной глазурью.

А поезда ходили по Сибири роскошные и особые. Каждое купе – просторное и комфортабельное. Умывальники и туалеты располагались между каждыми двумя купе по одну сторону вагона.

На каждой станции поезд стоял подолгу – можно было выйти на перрон. Там всегда продавались *пирожки* – с мясом, капустой или свежей брусникой, в туесках из березовой коры. На каждой станции паровоз следовало заправлять водой из огромных цистерн.

В то время Сталин уничтожал наиболее зажиточную часть крестьянского населения, которых называли *кулаки*. Целые семьи вы-

нуждены были бросать все, что у них было, и переезжать в Сибирь – в места, им совершенно не ведомые. Много раз так разлучали целые семьи – их отправляли в разные стороны. Процесс этот назывался по-русски «раскулачивание». Видеть, как эти бедные люди спят и живут на вокзальном полу иногда по месяцам, – трагедия. Перед нашими глазами раскрывались самые ужасные страницы русской истории.

А фоном этим трагическим сценам служили захватывающие пейзажи, которые вы видели из окна поезда. Последние три дня путешествия я привыкла к движению и начала по-настоящему наслаждаться видами. Леса, реки и озеро Байкал – такие красивые, такие огромные, такие величественные.

В Москве нас встретили папины друзья детства, две сестры, одна – замужем и с двумя сыновьями. Они занимали две комнаты в большой коммунальной квартире, набитой множеством семей. Однако, несмотря на то что в двух комнатах обитало пятеро человек, пригласили пожить там и нас. Выдали раскладушки в комнате, где жила незамужняя сестра. У мальчиков домашним животным был ежик, и по ночам он бегал по всей квартире, смешно топоча. Дело было весной, по ночам пели соловьи. Во Владивостоке у нас живет другая разновидность этой птицы, но ничто не сравнится с пением взрослого соловья. Я впервые слышала его невероятные трели: то они становились мягкой мелодией, то взрывались барабанным хохотком.

То была изумительная весна: цвела сирень, весь воздух напитан ароматом. Завороженная, я закрывала глаза, готовая отплыть в грезы... И вдруг меня стало что-то припекать – сначала на шее, затем по всему телу. Подняв простыню, я увидела повсюду маленькие бурые точки. Это были клопы; в то время вся Россия была ими заражена. Отвратительные плоские, круглые, бурые твари, жадные до человеческой крови. Неудобство от их укусов проходит далеко не сразу. Некоторые пытались ставить ножки кроватей в банки с керо-

сином, но клопы тогда падали на людей с потолка. Нам пришлось терпеть это все путешествие. А на Кавказе мы познакомились и со вшами – эти были еще омерзительнее.

Москва стала для меня первым крупным городом. Меня ошеломили ее размеры и красота. Одного лишь Кремля с его архитектурой, невероятно богатой обстановкой и необычной утварью хватит, чтобы потерять голову. Мы ходили в музеи, и там впервые я познакомилась с классическим изобразительным искусством. А когда мы пришли в *Большой театр*, меня захлестнули чувства. Этот красно-золотой театр был так огромен, так невообразимо прекрасен. Потом мы сходили в Московский художественный театр, Мекку Станиславского, где посмотрели «Синюю птицу» Метерлинка. Это фантастическая сказка. С тех пор минуло шестьдесят два года, однако я помню все до мельчайших подробностей. Еще мы смотрели знаменитый цирк Дурова, где все артисты – животные.

Посещение всех этих сказочных мест стало еще одним шагом к моему культурному пробуждению. Мне в то время исполнилось двенадцать, и я была очень впечатлительная. Те воспоминания стали сокровищницей моего развития.

Из Москвы мы поехали в Кисловодск. Главная минеральная вода там – «*Нарзан*», ее полезные свойства всем хорошо известны, и папа должен был ею лечиться. Его направили к обходительному, кроткому пожилому врачу. Врач и его жена оказались удивительной парой. Своих детей у них не было, но они растили племянницу – или приемную дочь, – с которой мы очень подружились. Мне кажется, я никогда больше не видела такой нежности и любви, как между этими людьми; они буквально жили друг для друга, и любовь эта отражалась во всем, что их окружало. Должно быть, это произвело на меня очень глубокое впечатление – я до сих пор ощущаю теплоту и дух той любви.

Кавказ – суровая горная страна, воспетая многими поэтами. Над всеми прочими горами там высится Эльбрус. Его величественная белая краса на закате заливается румянцем, а в сумерках та-

инстинктивно синее. Всю свою жизнь я прожила у моря и ужасно по нему скучала; всякий раз, когда мы ходили на экскурсии в эти прекрасные горы, мне казалось, что вот сейчас мы заберемся на следующую вершину – и я увижу свой любимый океан; но мечта эта никогда не сбывалась.

В одном таком путешествии мы вышли к месту под названием «Ущелье коварства и любви». Это поразительный горный перевал, о котором рассказывают много легенд о страстной любви. В том походе я нашла друзу прозрачного горного хрусталя, состоящую из кристаллических кубиков разных размеров, выросших все вместе. Я так боялась потерять ее на обратном пути, что очень крепко держала в руке и не выпускала. А когда мы вернулись, руку я не могла разжать, так ее свело.

Мы вернулись в гостиницу и собирались идти на ужин, но тут увидели, что шкаф наш пуст. Всю одежду и сувениры у нас украли. Отвратительно было знать, что здесь кто-то побывал и трогал наши вещи.

Еще там был сад с концертной эстрадой – туда мы ходили слушать симфонию. Там впервые мы увидели женщину-дирижера. А еще там был театр, где мы смотрели музыкальные спектакли, но главным событием стал концерт легендарного русского тенора Леонида Собинова. Помимо невероятного лирического тенора, он обладал таким обаянием, что от него таяли сердца. Когда он вышел на сцену, ее, казалось, затопил свет. Папа был с ним знаком, поэтому после концерта мы зашли к нему в комнату. Дело происходило уже на закате его карьеры, и хотя в голосе слышались признаки старения, подача у него оставалась сказочной. После концерта толпа подняла его и несла всю дорогу до гостиницы. Когда мы зашли к нему в номер, он раскладывал солитер; игра была на догадку – если солитер сходил, значит, выступил он хорошо, и наоборот. Эта встреча стала важным дополнением к моей сокровищнице воспоминаний.

В садах Кисловодска свободно разгуливало много павлинов: некоторые белые, а какие-то – синие. Восхитительно было на них

смотреть, но по вечерам и по ночам они очень неприятно и пронзительно орали.

По дороге в Ленинград мы решили заехать на Украину. У мамы в Харькове жила подруга по университету, и мы поехали к ней. Я почему-то совсем не помню, как выглядел этот город. Помню только, что язык у них мне показался смешным. Довольно похож на русский, понять можно, однако отличался, и вот эта разница вызывала улыбку: я знаю, что так говорить некрасиво. Везде висели лозунги на украинском: «*П'ятирічку в чотири роки*». Этот лозунг – «Пятилетку в четыре года» – бесконечно повторялся по всему СССР. Там мы слушали оперы и хоры, исполнявшие выдающуюся украинскую музыку.

Из Харькова мы поехали в деревушку под названием Готня, где жили в крестьянском доме с примитивными удобствами. Вместо туалета там пользовались уборной во дворе, а воду нужно было качать вручную. Уборные эти были отвратительны: никаких септических отстойников, лишь вонючая выгребная яма в земле, а сверху – сиденье. Я однажды зашла туда, а внизу на дощечке плавала курица и квохтала просто до потери сознания. Там я наблюдала и другое жуткое зрелище: когда петуху отрубили голову, он так и бегал по двору кругами, безголовый.

Но вся красота Украины – в полях. Там и сям тянулись посева пшеницы, а нескончаемые поля подсолнухов забыть невозможно. Росло много вишневых деревьев – вкуснее ягод, чем с них, я не ела никогда. Арбузы и дыни были огромны и хороши. Я никогда не ела и такой вкусной *простокваши*. Ее приносили в больших глиняных кувшинах. Я выросла на кислом молоке, но мне казалось, что здесь, на Украине, оно самое вкусное. Когда молоко естественно, ничем не обработано, его просто оставляешь в теплом месте, и оно скисает до восхитительной субстанции.

Наконец мы приехали в Ленинград, где встретились с маминной подругой детства Авой, ее мужем, двумя их дочерьми и сыном. Меня не покидало чувство, что я подглядываю в мамино прошлое,

когда они вдвоем сидели и вспоминали молодость. Они превратились в молоденьких девушек. Муж Авы по фамилии Вознесенский был видным геологом, и вся семья пошла по его стопам.

В Ленинграде мы продолжали ходить по музеям, а также в театры и оперу, но еще здесь можно было узнать и много истории. Об истории революции мне было известно много, но здесь я могла посмотреть на Зимний дворец и другие места, где оживали те события, о которых я слышала от родителей. В Эрмитаже я впервые познакомилась с русскими живописью и скульптурой, меня там ослепили роскошные интерьеры: громадные малахитовые вазы, мраморные столы, инкрустированные драгоценными камнями и жемчугом. Тут оставались старая культура и жизнь, но в революцию большевики напали именно на Зимний дворец.

Зимний дворец и «Аврора» – корабль, с которого стреляли большевики, – помогли мне более живо представить тот период, когда мои родители начали свою совместную жизнь.

Когда мы выехали обратно во Владивосток, уже наступила глубокая осень. Вскоре после нашего отъезда огромными хлопьями повалил нескончаемый влажный снег. Я была так ему рада: мама часто мне рассказывала об этих громадных хлопьях, а теперь я видела их своими глазами.

Вскоре мы уже ехали по Транссибирской дороге домой. В Тобольске нужно было забрать мою двоюродную сестру Нинику, которая навещала там родителей. В Тобольск после ареста сослали ее отца. Его, как и многих других, арестовали без всякого уголовного повода, когда он служил на военном флоте. Такова была трагедия России – людей арестовывали и ссылали в Сибирь без всякой причины. Меня в поезде больше не укачивало, и я в полной мере наслаждалась путешествием. Те знаменитые поезда были вполне удобны. В каждом купе было две койки, одна над окном, одна – вдоль стены, и днем она служила столиком. Когда к нам присоединилась Ниника, мы с ней вдвоем ехали в одном купе, а мои родители – в другом. Нам очень нравились все *пирожки* на станциях,

а особенно – с клюквой, в берестяных туесах. На перронах бывало много детей, все они смотрели на нас с огромным интересом, поэтому мы с Ниникой пускались на всякие сумасбродства, чтобы произвести на них впечатление. Например, брали что-нибудь со стола и делали вид, что спускаемся с этим куда-то вниз, как будто по лестнице. Вероятно, это выглядело очень убедительно, потому что все эти дети снаружи принимались заглядывать под поезд, что развлекало нас невероятно. Впоследствии мы часто вспоминали эту странную игру.

А во Владивостоке нас снова захватил обычный распорядок: музыка, уроки, будто этих сказочных каникул и не бывало. Мы с Ниникой едва могли найти способы расходовать энергию. В школе с другими детьми она бы тратилась естественно, но мы такой роскоши оказывались лишены, а потому изобретали собственные проказы. Учителя у нас были любимые и не очень. Мы сидели с ней с двух сторон за старомодной партой и, хотя целые дни проводили вместе, все равно считали необходимым переписываться друг с дружкой на уроке. Под партой мы устроили хитроумное приспособление и все время слали друг другу записки. Математику у нас вел пожилой и почтенный военный. Нам он нравился, но мы все равно мазали ему стул клеем, поэтому когда урок заканчивался, он никак не мог отлепиться от стула. Не помню, чем все заканчивалось. Мы обожали нашу учительницу литературы и ничем ее не раздражали. А вот представительницу общей школы, которую присылали учить нас *политграмоте* и географии, мы ненавидели по-настоящему. Кололи себе пальцы и мазали кровью листки, которые сдавали ей, поскольку знали, что от вида крови ей становится дурно. Она была грязна – ну, или выглядела грязной. На самой подробной карте мы отыскивали какой-нибудь крохотный городок и просили показать его на большой общей карте. А однажды заставили нашу учительницу гимнастики снять юбку: почему это мы должны носить спортивные трусы, а она в юбке?

Дети у нас на улице знали, что мы «нежелательны» в их обществе, поэтому всегда старались нас дразнить или швырялись камнями. Мы им отвечали тем, что жевали сухой горох и плевались в них с балкона. А потом их матери приходили к моей жаловаться. Нас наказывали, но назавтра мы делали то же самое.

У меня в спальне был коврик из шкуры белого медведя. Он лежал между моей кроватью и кушеткой, на которой иногда спала Ниника. У нас всегда бывали апельсины или мандарины с иностранных судов. По вечерам, улегшись спать, или днем во время сиесты нам нравилось их есть и катать друг другу по медвежьей шкуре. Со временем на ней образовалась желтая полоса с одной стороны на другую. Тогда же мы мечтали о колбасе, ветчине и о том, что вообще невозможно было достать. Но папа всегда приносил домой деревянные коробочки конфет, завернутых сперва в серебряную фольгу, а затем – в прозрачную разноцветную бумагу. Какая же это была радость – сначала съесть восхитительно вкусные конфеты, а потом оставлять обертки как драгоценные игрушки. От таких мелочей нам бывала огромная радость.

Настал конец 1930 года, грозили репрессии. Правительство наложило на нашу фирму такие налоги, что стало ясно: конец близок. Время для моей семьи было трудное, и мы начали понимать, что бегство наше не за горами.

ГЛАВА 5

НАШЕ БЕГСТВО, 1931 г.

Бедному папе трудно было примириться с мыслью о бегстве. Он обожал Владивосток и весь Уссурийский край. Мы очень дорожили нашими плаваниями на шлюпе. Мама была человеком гораздо более практичным, а потому все время навязывала нам обсуждения способа отъезда из страны. Она любила крепкие выражения, и доводы у нее были такие:

– Нас обоих несомненно арестуют, и что станет тогда с Ириной? Сначала в детдом, а потом ее вынудят стать шлюхой.

Это был еще какой сильный довод. От этих нескончаемых споров у нас в семье создавалось ужасное напряжение.

Но, как оно обычно и бывает в жизни, случались и взлеты, и падения; нас навестил знакомый, бывший дружкой на свадьбе родителей. Шурик прожил у нас несколько недель. Он работал геологом. Когда мы отправлялись на долгие прогулки, он делился интересными знаниями о тех камнях, что мы находили, и рассказывал множество восхитительных историй. Я так им увлеклась, что мало-помалу влюбилась. Голова моя наполнилась всяческими наивными поэтическими фантазиями. Со мной никогда ничего подобного не происходило. Мне было двенадцать лет. Об этом никто не знал. Наши долгие прогулки стали главным событием дня. Когда он уезжал, мне не сказали, и на вокзал провожать его меня никто не взял.

Со мной случилась истерика. Родители изумились – пока не поняли, что происходит: то была моя самая первая любовь.

В то время во Владивостоке жило много китайцев и корейцев. У корейцев поселение располагалось на берегу Амурского залива. Помню, как сильно пахло рыбой у их слободки, потому что ели они главным образом рыбу. Корейцы по большей части носили свою белую национальную одежду, а если шли группой – всегда двигались гуськом, один за другим. Когда я была совсем еще маленькой, я звала их «га-га» – они напоминали мне гусей, ходивших таким же строем.

Многие китайцы работали кули на железнодорожной станции и в порту. На спинах они носили конструкции вроде маленького стула, а на него наваливали багаж, мешки или другие тяжести, которые следовало перенести. На отдых усаживались где-нибудь под стенкой, деловито искали на одежде вшей и давили их ногтями. Когда Юлу было годика четыре, он проходил мимо и спрашивал:

– *Шица ю мею?*¹ – что означало: «Вши есть?» Кули это чрезвычайно развлекало.

После революции осталось много бездомных детей, часто они бывали наркоманами. Многие из этих жалких крошек-сирот, кучками толпившихся на улице, становились преступниками. Очень жаль, но сейчас, кажется, история повторяется.

Вокзал во Владивостоке находился сразу над портом. От него в гору шла улица, и первый поворот налево был на улицу Посъетскую, где мы жили². К нашему дому прилегал большой двор, в котором я играла с двумя сестрами, дочерями папиного друга, хотя отчетливо помню жутких дохлых крыс, что валялись везде по закоулкам этого двора.

Наши планы бегства становились все отчетливей. Открывалось две возможности: через горы пешком, что было очень утомительно

¹ «Шица ю мею» – искажённый китайский от «Шидзы йоу-мейоу (Shizi you meiyou).

² Семья Феликса Бринера жила в доме по Посъетской, 21.

физически, или морем. Папа собирался поговорить с кем-нибудь из капитанов больших судов, что еще имели дело с нашей фирмой.

Само собой, планами этими ни с кем делиться было нельзя. Даже Нинике я не выдала ни словечка, хотя мы с ней проводили все дни. Все время дарила ей что-нибудь любимое из своих вещей, но никогда не объясняла почему.

Мама моя никогда не болела, поэтому я очень удивилась, когда однажды обнаружила ее в постели. На прогулку меня вывел папа – и он же постарался объяснить, что мама ждет ребеночка, а в нашем положении это было бы невозможно. Кто знает, может, у меня родился бы братик или сестричка. Но судьба распорядилась иначе.

Лишь две семьи знали, что происходит у нас дома: морской капитан Штукенберг и его жена-врач, бывшая маминной ближайшей подругой, и глазной доктор Сергей Сергеевич. У нас стояло его пианино, и ему было важно в итоге получить его обратно.

Потом папа решил, что не может оставить сестру Нину, ее мужа и двоих детей – Павла десяти лет и семилетнюю Светлану, – которые жили под нами. В этой семье жила и Ниника, дочь папиной младшей сестры, которая отправилась следом за мужем в сибирскую ссылку. Это решение – взять с собой семью тети Нины – вызвало еще один конфликт между мамой и папой. После развода Бориса и Маруси взрослые в моей семье и семейство тети Нины не общались, хотя мы, дети, виделись. Ясно было, что их нам тоже придется взять с собой. Только тогда Нинике рассказали о плане нашего бегства и предоставили выбор: она могла ехать с нами – или вернуться к родителям. Мать ее как раз тогда ехала сюда ее забрать, но Ниника решила, что хочет с нами. Мы с ней были ровесницы – по тринадцать лет. Ее мать приехала во Владивосток забрать ее в Сибирь через несколько дней после нашего бегства и обнаружила, что ее здесь нет. Ниника больше никогда не видела маму.

В то время в порту стояло английское судно «Гленифер». Папа попросил капитана Бейкера подобрать нас в открытом море на выходе из Владивостока. Тот согласился, и мы начали собираться. С

Капитан Бейкер.
Это он вывез
семью Бринер
из Владивостока

Корабль «Гленифер».
Последний английский пароход,
уходящий из Владивостока.
На нем семья Бринер эмигрировала

собой брать ничего было нельзя. У меня как раз начались месячные, и мама приготовила лишь небольшой пакет на крайний случай.

Тогда-то впервые я и поняла всю силу молитвы. Мне было очень больно, жуткие спазмы, и за день до отъезда я совсем слегла. Молилась безостановочно, умоляла Боженьку нам помочь. Лежала я в очень неудобной позе, не шевелясь. Я чувствовала, что в молитве моей будет больше смысла, если мне больно, если я страдаю, и надеялась, что Боженька меня услышит. Наверное, услышал.

Тайная полиция ГПУ подозревала, что мы собираемся бежать; они назначили одного коммуниста, жившего в нашем доме, за нами следить. Наш повар Николай нашел нам китайскую лодку – *юли-юли*, – которая управлялась одним веслом на корме. Хозяин-китаец согласился за хорошие деньги вывезти нас из города. Ему тоже предложили либо ехать с нами, либо взять деньги и отправляться на все четыре стороны. Он предпочел последнее.

31 мая 1931 года в пять утра мы вышли из квартиры, оставив в ней все. Из дома уходило следовало порознь с тетей Ниной и ее семейством. Все мы должны были встретиться в пять у лодки.

Погода стояла ужасная, дул сильный ветер. Капитан Бейкер с «Гленифер» боялся, что нашу лодку разобьет о борт ветром и волнами. Туман был такой густой, что видимость не превышала и метра.

Мы разработали такой план: едем на Русский остров якобы покупать у крестьянина козу. Таково было наше алиби. Отчетливо помню, как мы уходили все дальше от Владивостока, как прошли маяк «*Токаревская кошка*» и наконец добрались до Русского. Там мы действительно пришли к крестьянину и поторговались за козу, но сказали, что вернемся за ней, когда погода наладится.

Подобрать нас должны были в три пополудни. Когда мы уже сели в *юли-юли*, мой двоюродный брат Павел сказал, что у него разболелся живот и ему нужно выйти на камни. Запомнилось мне это как смешное: бедный мальчик спустил штаны, а его отец закричал:

– Скорей! Скорей! – и Павел подпрыгнул и принялся натягивать штаны обратно. Тогда мой папа очень спокойно произнес:

– Не торопись, делай спокойно все, что нужно. – И Павел вернулся к тому, что так отчаянно пытался совершить. Мы потом всегда его дразнили, что себе он воздвиг памятник нерукотворный.

Наконец мы направились к тому месту, где в три часа нас должен был подобрать капитан Бейкер. Волны здесь были выше, ветер – крепче. Мы достигли примерно точки встречи. Я обычно хорошо переношу море, но такое неистовое волнение меня укачало. В лодке было четверо взрослых и четверо детей: мои родители, папина сестра Нина с мужем, я, Ниника, Павел и Светлана. Ожидание было нескончаемо. Мы не знали, почему пароход задерживается. Ждали мы часов пять или больше, пока не стали опасаться, что с борта нас не заметили в густом тумане. Однако возвращаться в город было опасно: велик риск, что нас задержат. У меня все болело, меня тошнило, но я продолжала молиться и упрашивать родителей не сдаваться и подождать еще. Наконец мы услышали низкий пароходный гудок. В тумане было непонятно, откуда звук. Я услышала, как папа в отчаянии воскликнул:

– Мы его пропустили!

Но в тот же миг из тумана выступил огромный величественный корабль, как славное виденье.

С борта нам спустили трап. Мама очень переживала из-за папы – он настаивал, что поднимется самым последним. Знаете такое чувство, как во сне, когда бежишь, но не двигаешься с места, словно зависла в пространстве? Вот так и мне было бежать вверх по трапу.

Потом мы выяснили, почему задержалось судно. ГПУ было так уверено, что папа будет на нем бежать, что искали его везде, даже в двойном трюме. Потом знакомый наш, знавший кого-то в администрации, говорил, что, когда «Гленифер» наконец отчалил, давая гудки, один товарищ сказал:

– Может, им помочь надо?

А другой ответил:

– Да ну к черту. И так столько времени на них потратили. Пусть сами выбирают.

Далянь (Дайрен) в 1931 г.

Это и спасло нам жизнь.

На судне мы ощутили себя в безопасности, лишь когда пересекли советскую границу. Все было новым и странным. Я немного знала английский, но разговаривала не бегло. Нас ждали новые жизненные впечатления. Судно везло нас в Циндао, в Китай.

Никогда не забуду этого героического человека, капитана Бейкера, и его судно «Гленифер». Команде он отдал письменное распоряжение, что за эту аферу всю ответственность несет он один. Такие подвиги не забываются. До самой смерти я буду благодарна этому исключительному человеку.

НАШ ДОМ В ДАЙРЕНЕ, НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ, 1931 г.

Когда стало ясно, что в ближайшем будущем советское правительство постарается избавиться от «Бринера и компании», братья Бринеры начали переводить свои дела в Маньчжурию и Северный Китай. Поскольку у граждан Швейцарии есть право на двойное гражданство, в Советском Союзе моя семья жила по русским паспортам, но как только мы выбрались из страны, вступили в силу швейцарские, и фирма наша работала под швейцарским флагом.

Через три дня после бегства мы достигли Циндао – оживленно-го китайского порта, где в гавани стояло много иностранных судов. Увидев кули, толкавших перегруженные тачки или носивших на спинах огромные мешки, мы с Ниникой переглянулись и сказали:

– Смотри, это правда – их действительно эксплуатируют как рабов, как скот. Рабочих угнетают и эксплуатируют. (Несмотря на домашнее образование, мозги нам все-таки промыли.) Только в СССР рабочий класс свободен и обладает равными правами.

Мы смотрели на этих кули и верили всему, что нам рассказывали. То зрелище и впечатление от него глубоко отпечатались у меня в памяти.

Потом нас привезли в пансион, где все вокруг было странным и непонятным. Общим языком в тех краях был английский. Хотя письменный язык мы изучали, разговорное слово было совсем иным. Помню, на завтрак нам захотелось овсянки, но мы не знали, как ее попросить.

– А, так вам каша нужна! – с радостью воскликнули местные, когда наконец поняли, чего нам нужно.

Дальше у нас по плану были магазины, потому что Владивосток мы покинули в чем были. Совсем не помню, как мы покупали платья; вспоминается лишь, как я выбирала ночнушку. Я ее до сих пор храню как антикварное сокровище. Она бледно-зеленая с белой отделкой, очень простое широкое одеянье из тончайшего батиста. Я никак не могла пройти мимо такой невероятно мягкой и тонкой материи.

Нужно было столько всего впитать, почувствовать и понять. Именно поэтому так много событий и стерлось у меня из памяти.

Из Циндао мы поехали в Дайрен, который должен был стать нашим домом; папа там возобновлял управление новой фирмой «Бринер и компания», главным образом – в части пароходства. Дайрен – порт на Квантунском полуострове в сорока пяти милях от Порт-Артура, где в Русско-японскую войну 1905 года японцы потопили большую часть русского флота. Это средних размеров город, окруженный водой, с нескончаемыми пляжами и бухтами. Сейчас там большой курортный район, который называется Далянь.

По прибытии нас встретил папин друг г-н Васкевич – очень приятный и дружелюбный человек, до революции он служил русским консулом в Японии.

Мы начали поиски дома для себя и нашли его на улице Каэдехо. Смешной на вид домик, с крышей как шляпа у гнома. Мы так его и прозвали – «Домик-Гномик». При нем был розовый сад и лев у калитки. Мы срезали по сотне роз в день и весь дом уставляли букетами.

Дом Феликса Бринера
в Дайрене

Я влюбилась в японскую музыку – она звучала текуче-меланхолично, потому что обладала особой восточной гармонией. Очень быстро я выучилась мурлыкать некоторые мелодии.

В Дайрен мы приехали в разгар весны. Некогда здесь было очень голое место, но теперь все его засадили, преимущественно – акацией и приморской сосной. Неподалеку от нашего дома располагалось два небольших пруда. Один – в приличных размеров парке: верхняя часть парка холмистая и в это время года вся утопала в душистых цветах акации.

Мы познакомились со множеством новых людей. Некоторые были связаны с папой и его предприятием, а кое-кто, помоложе, приходил знакомиться со мной, и мы становились добрыми друзьями. Г-н Васкевич очень старательно сводничал и приглашал к нам знакомиться молодых людей во множестве. Я этого терпеть не могла. В течение всех их визитов я смотрела в пол или куда-нибудь вбок, но не на ухажера.

Затем мы поехали в Харбин, где мне следовало записаться в среднюю школу Христианского Союза Молодых Людей. В Харбине жила моя тетя Маруся с детьми. Так хорошо было снова с ними встретиться. Мы сняли большой одноэтажный дом, где жили вместе с ее семьей. Одна сторона его была наша, другая – Марусина, а бабушка Байга опять жила между нами.

Харбин, конечная станция Русско-китайской железной дороги, был уникальным местом. Там работало множество русских предприятий, а сам город был Меккой русской культуры: опера, симфонический оркестр, оперетта, балет и без счета литературных и поэтических групп. Было там и много русских православных церквей. Главный собор, стоявший в центре города, – замечательный образец деревянного зодчества. К сожалению, он не пережил культурной революции. В тех церквях службу правили замечательные батюшки. Одного при жизни почитали как святого, а недавно его канонизировали как Св. Иоанна Сан-Францисского.

Музыкальная комната в
доме Бринеров.
Дайрен

Феликс Бринер
с женой и
дочерью.
Первое фото
в эмиграции
1931 г.

Средней школой Ассоциации молодых христиан руководил американский директор м-р Хейг, но работала она по образцу старых русских «гимназий». Все основные предметы преподавали на русском. На английском вели английскую литературу, историю древнего мира и гигиену. Аттестат средней школы ХСМЛ позволял выпускникам поступать в большинство университетов США или Англии без вступительных экзаменов. По тем же правилам работал и колледж ХСМЛ.

Перед началом моего учебного года родители сняли большую уютную дачу неподалеку от одного Дайренского пляжа. К нам туда приехали Маруся, Веруся и Юл, а также наш добрый юный друг Алексей Хаев. Я встречалась с ним и раньше в Харбине и с первой нашей встречи влюбилась в него, но он, казалось, всегда был влюблен в Верусю. Он только начинал сочинять музыку. Когда он делал первые шаги в ее изучении, светочем его была моя мама. На следующий год он уехал в Нью-Йорк, где влился в семейство Зилоти и начал серьезное музыкальное образование. Александр Зилоти был знаменитый русский пианист и дирижер, учился у Листа. Впоследствии Алексей стал учеником Нади Буланже в Париже. Он превратился в очень талантливого и уважаемого композитора. Его близким другом был Стравинский. Всю нашу жизнь он оставался членом нашей семьи.

Вспоминая ту дачу, я слышу, как с террасы гремит фортепианный концерт Рахманинова. Уклад нашей жизни во многих отношениях повторялся. В ней властвовала музыка. Веруся брала уроки вокала у своей мамы, и мы все много пели под аккомпанемент моей. Папа, как обычно, тоже много пел, а Маруся – редко. Душевная боль от развода никогда не утихала и рана не желала затягиваться. Всякий раз, когда ее бывший муж Борис, живший в Харбине и работавший в другом отделении фирмы Бринеров, приезжал поглядеться с детьми, для нее это становилось трагедией.

В пяти минутах ходьбы от нас ниже по склону лежал пляж. В хорошую погоду мы проводили на нем по полдня. Пляж был не пес-

чанный, а усыпан большими и гладкими, почти белыми валунами. Море уходило в глубину очень быстро. Раньше я никогда не умела плавать хорошо, но на том пляже пришлось быстро учиться. Впервые почувствовав себя в воде уверенно, я решила удивить папу. Он плывал на небольшом резиновом матрасе. Я подплыла к нему и неожиданно опрокинула этот плотик. До этого момента я держалась на воде просто волшебным образом, но когда папа свалился с матраса, рухнул он мне на голову, и я ушла под воду. Открываю глаза, вижу – вокруг одна вода. Пытаюсь выгрести наверх, но не могу. «Я тону. Бедная мама, ей будет меня не хватать». Тут вдруг чувствую – меня тянет наверх; продлилось это лишь секунду, а потом я снова начала тонуть. И тут у меня с ноги спала резиновая тапка. «Какая разница, я же тону, мне она больше не понадобится». Потом я почувствовала, как чьи-то руки схватили меня за подбородок – и меня вытащили. За мной нырнула Веруся. В первый раз она меня схватила за плавательную шапочку, но та выскользнула из ее хватки; тогда она подцепила меня за подбородок и только так смогла вытащить. Я нахлебалась соленой воды, и меня ею тошнило. Сколько все это длилось, понятия не имею. Мне казалось, что целую вечность, и отчего-то я совсем смирилась с мыслью, что это конец, мне только маму было жалко. Поразительно, до чего быстро работает ум, когда ты в опасности. К счастью, это не отвратило меня от плавания. Напротив, после того раза я стала очень хорошей пловчихой.

Ниже нашей дачи располагалась китайская деревенька, где разворачивалось весьма необычное действие. Дом, в котором кто-то умер, весь украсили ярко-розовыми, желтыми, белыми и зелеными лентами, окружили музыкантами и, вероятно, священниками. В их одеяниях тоже преобладали эти цвета, но цветом траура был белый. Были там профессиональные плакальщики в белом, и рыдали они просто ужасно: вопили, стонали, лили настоящие слезы. Изотров у них капала слюна, текло из носов. Музыканты играли очень громко – пытались отогнать злых духов. Гармонии настолько отличались от наших, что на наш слух звучали какофонией. Для нас все

это было совершенно чуждым. Насколько я понимаю, ритуал этот может длиться по нескольку месяцев. В той деревушке он тянулся несколько недель, день и ночь, и все время курили благовония. Когда наконец процессия была готова отправиться на кладбище, начали жечь шутихи – тоже отогнать злых духов. Если у покойного было имущество, все оно копировалось, и бумажные муляжи тоже набивали шутихами. Шум стоял оглушительный, но церемония эта призвана была обеспечить покойному все его земные блага и богатства. Однажды, несколько лет спустя, в Харбине я как-то очутилась посреди такой похоронной процессии. Должна признаться, было страшно.

СРЕДНЯЯ ШКОЛА ХСМЛ, ХАРБИН, 1932 г.

Настала осень, и нам с мамой пришлось переселяться в Харбин, где у меня начинались занятия в средней школе Христианского Союза Молодых Людей. Нас туда отвез папа, но затем ему следовало вернуться на работу в Дайрен. Однако он к нам приезжал на каждые выходные.

Для меня школа была чем-то совершенно новым. В классе у нас сидело человек двадцать восемь мальчиков и девочек. Поначалу я очень робела. Классов было семь, я поступила в четвертый. Наставником у нас был учитель истории – невысокий, довольно симпатичный мужчина средних лет по имени Михаил Михайлович. У него была длинная борода, и я вскоре выяснила, что в школе его дразнят «Козлом». Он был добр и справедлив. Рядом со мной сидела Маргарита, длинноволосая блондинка. Два моих одноклассника-китайца – девочка Ньюэ и мальчик Юра – происходили либо из смешанных семей, либо их связи с русскими были настолько крепки, что даже между собой они разговаривали по-русски. Хорошенькая девочка Киса всегда попадала в неприятности с Михаилом Михайловичем,

потому что в школу она приходила завитая и с помадой на губах. Завидя ее такой, наш классный наставник неизменно говорил:

– Немедленно ступайте в умывальную, смочите волосы и умойтесь.

Бедной Кисе никогда не удавалось сохранить на себе всю эту красоту. А один мальчик, Алеша, когда не выучивал урок – открывал парту, прятался за ней и горько плакал. Мы все крепко подружились.

Раз в месяц у нас устраивали школьные танцы, пьесы и концерты. Мы носили форму: синяя плиссированная юбка, свободная синяя блузка с белым воротничком и черный галстук-ленточка. Это устроили для того, чтобы не было конкуренции, кто лучше одевается. Танцевали мы, в основном, старомодные танцы – польку, вальс, краковяк, мазурку и так далее. Я была девочкой не очень популярной, а вот наша Веруся покоряла все сердца. Красавица, училась вокалу и пела на всех концертах, а также была невероятно обаятельной. Ни один мальчик не мог перед ней устоять.

Однажды по пути на такой школьный вечер нам преградили дорогу: похоже, прямо у нас перед школой застрелили какую-то женщину. Было очень страшно. Год это был 1931–32-й. Японцы еще не установили контроль над Маньчжурией, и совершалось много преступлений. У сил Гоминьдана не было никакой дисциплины, они намеренно пытались подрывать нормальное течение жизни.

Мы жили всего в двух кварталах от школы. Хозяин с хозяйкой размещались позади нашей квартиры. Они были пожилой парой, их дочь вышла за друга детства моих родителей. Звали его Мариан, но мы его называли *Мухой*. У них был сын Владимир, по-простому – *Вова*. С ним мы понемногу познакомились, и я была счастлива обзавестись другом, с которым можно гулять, читать и беседовать. У Вовы был огромный белый сеттер с несколькими черными пятнами, он с нами повсюду ходил. Сбоку от нашего дома имелся славный садик с громадным кустом сирени, которая цвела весной. Однажды Вова притащил мне здоровенный букет сирени. Этот цветок

остался символом нашей дружбы на всю жизнь. А на следующий день его бабушка горько сетовала, что какие-то хулиганы обломали ей всю сирень. Мы в своем преступлении так и не признались.

Я не была отличницей, училась средне. Любила алгебру и могла заниматься ею просто ради удовольствия, а вот латынь мне не нравилась. Однажды в школе назначили контрольную, и я решила заболеть. Нетрудно было убедить маму, что мне нездоровится – ребенком я была довольно болезненным. Градусник я прикладывала к зажженной лампочке, добивалась нужной температуры и говорила маме, что в школу идти никак не могу. Мне всегда сходило с рук.

И снова Веруся, Юл и я жили как одна семья. Юл был живым и непослушным мальчишкой, его изобретательным проказам не было числа. На все у него всегда находилось решение. Если ему чего-то хотелось, а мать говорила, что у них нет на это денег, он отвечал:

– Ну так сходи в банк и купи денег.

Он много дрался и с мальчишками, и с девчонками, и учителя постоянно жаловались на него матери. Когда Маруся хотела его наказать, моя мама обычно за него заступалась.

Моя дорогая бабушка Байга жила с Марусей и была готова прийти на выручку всем, кто в этом нуждался. Она вязала крючком очень красивые платки из шелка и шерсти. Шерстяные были черные или белые, из шелка – еще и красные. Огромные шали, в них можно было завернуться целиком, некоторые с кистями, некоторые без. Она всегда что-нибудь делала, а под вечер играла в свой любимый солитер.

Вспоминая сейчас, я поражаюсь, до чего много нам удавалось совершить за день. Уроки начинались в половине девятого: первые полчаса – молитва, потом сами занятия. Домой мы возвращались в три, обедали, затем урок музыки или практика, потом домашняя работа. И отчего-то всегда у нас находилось время на игры и веселье, прогулки, общение с друзьями. У нас тогда было больше энергии или же время текло не так быстро?

В конце 1931 года Япония начала захват Маньчжурии. Помню, среди харбинцев воцарилась паника – после того, как нам сказали, что этой ночью китайские войска уйдут, а в город вступит японская армия. Все боялись, что китайцы будут мародерствовать или нападать на белое население. Некоторые граждане для самозащиты вооружились и завалили окна мешками с песком.

Настала ночь, никто не спал – все наблюдали и ждали. И вот они появились, мы видели из окон. На деревянных повозках, влекомых маленькими лошадками или мулами, китайские солдаты сидели в своих грязных ватниках, испуганные и жалкие. Никто ничего не грабил; им хотелось лишь поскорее сбросить эту армейскую форму и спрятаться от японцев. Нам их было жалко.

После этого исхода Япония принялась насаждать империю Маньчжоу-го – возглавлять ее марионеткой посадили императора Пу И¹. Тех, кто не подчинялся новым правилам, арестовывали и пытали. Жесткую линию стали проводить чуть позже, когда Японская военная миссия убедилась в своей силе. Бедный Пу И стал последним китайским императором.

Жизнь наша продолжалась, как обычно. Нас, детей, водили на все культурные мероприятия. Во Владивостоке всю оперу исполняли на русском. А когда в Харбин приезжала на гастроли итальянская труппа, они пели по-итальянски – по-моему, давали «Риголетто». Я не знала сюжета и не понимала языка, скучно мне было до смерти. Для меня опера была все равно что театр, и если я не могла следить за сюжетом, мне переставало нравиться.

Летом мы катались на лодках и купались в реке Сунгари, в Харбине. Зимой веселились на высокой горке, которую строили специально, чтобы съезжать на санках. Но любимым спортом у меня было фигурное катание и танцы на льду. В Харбине у нас был огромный каток, заливавшийся на месте девяти или двенадцати теннисных

¹ Последний китайский император Айсин Гёро Пуи (1906-1967), десятый представитель маньчжурской династии Цин, генералиссимус и главнокомандующий Маньчжурской императорской армией.

Ниника Хвицкая.
Харбин. 1934 г.
Фото из фондов
Государственного
архива БРЭМ.
г. Хабаровск

кортов. В этих краях зимы весьма суровы, до минус тридцати градусов по Фаренгейту или еще холоднее. Приходилось носить толстые шерстяные рейтузы и очень теплые фуфайки, но для фигурного катания мы все равно надевали очень короткие юбки. Помимо тренировок мы устраивали вечеринки с танцами на льду и выставками, даже балы-маскарады. В четырнадцать лет мы с партнером завоевали приз за костюмы. Мы изображали «Трубочиста и его мечту». Партнер мой был весь в черном, в цилиндре и с метлой для чистки труб, а я вся в белом, много блесток, на шее – боа из перьев, и в белой сверкающей шляпке с одним черным страусовым пером.

Веруся уже заканчивала среднюю школу, и вся семья переезжала в Париж, где она должна была поступить в Консерваторию, а Юл – продолжать учебу в школе. Перед отбытием они все приехали к нам в Дайрен, и мы провели наше последнее лето вместе.

СНОВА В ДАЙРЕНЕ: УЧЕБА, ВЫПУСК И ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕВРОПУ, 1933–1936 гг.

Тем летом у меня начались боли в пояснице. Нам сказали, что у меня спондилит (воспаление позвонка), и в харбинскую школу мне возвращаться нельзя. Боль перешла мне в ноги, поэтому пришлось носить черный стягивающий корсет. Две следующие зимы я провела дома с частными репетиторами, а в школу ездила дважды в год сдавать экзамены.

Некоторые мои учителя были довольно примечательны. Николай Николаевич учил меня литературе. С ним было интересно работать, но его привычка весь день жевать сырой чеснок для укрепления сердца превращала эти занятия в муку. Да и проветривать комнату после наших уроков была та еще задача. Помню, он задал мне писать сочинение по цитате из Пушкина: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Сам он всегда выглядел неряшливо и о красе ногтей вовсе не задумывался. Мне очень нра-

вилось с ним заниматься. Когда японцы вступили во Вторую мировую, на людей стали оказывать сильное давление, в том числе – на русских эмигрантов. Точной причины я не помню, но он такого давления не вынес и повесился. А вот учитель математики был совершенно иным. Он желал, чтобы я принимала все его объяснения как непогрешимую истину и никаких вопросов не задавала. Я на такое не соглашалась – мне хотелось понять, почему оно так, а не иначе. И всегда с нетерпением ждала, когда можно будет поехать в Харбин сдавать экзамены.

Со мной ездила мама, и мы снимали комнату у Вовиных родителей, у них в доме. Сам Вова был в Шанхае – учился в университете «Аврора» на врача. Его комната пустовала, и мы селились в ней. Завидев меня, сеттер Рекс тут же перетаскивал свою подстилку к нам в комнату и не отходил от меня, пока мы там жили. Мы с Вовой все время обильно переписывались и обменивались множеством прекраснейших писем о наших отношениях, литературе и прочем животрепещущем для нас.

Странно – об этом периоде я мало что помню. Вспоминается только, что было очень больно, я не могла кататься на коньках и подолгу ходить. Вероятно, инстинкт самосохранения стер все мои воспоминания о тех годах.

Наконец я окончила среднюю школу ХСМЛ. Мы планировали переехать в Швейцарию, где я собиралась поступать в университет Лозанны и школу искусств – «École Cantonale de Dessinet del'Art Appliquée».

Но у нас возникла проблема. Моя бабушка Байга теперь жила с нами. Ей исполнилось семьдесят два, и у нее было очень высокое давление. Она не выносила перемещений. Ей становилось дурно даже от вида волн. Она не хотела рисковать и отправляться с нами в длинный морской вояж в Европу. Мы знали, что папе надо будет вернуться в Дайрен и года не пройдет, но беспокоились, как на это время она останется одна. За ней должна была приглядывать наша близкая подруга Наташа. Байга сказала, что ей все время снится:

она с Наташей и чувствует, что скоро умрет. Ее не отпускали одиночество и страх, которые в наше отсутствие только усилились. Всего через несколько месяцев после нашего отъезда она умерла – точно так, как ей это снилось. Нам всем было трудно с этим смириться, и, наверное, где-то в глубине души мы чувствовали, что виноваты перед ней – оставили одну.

В июне 1936 года мы сначала отправились в Шанхай, где должны были сесть на американский пароход, шедший через тропики, Суэцкий канал и Александрию в Италию. В Шанхае я навестила Вову. Он отвел меня в свой университет и, к моему удивлению, представил меня матери-настоятельнице (университет был католический) как свою будущую невесту. Я разозлилась и сказала, что все это – неправда. У нас с Вовой случился раздор, но после того, как мы оба остыли, переписка наша возобновилась. Я осталась ему другом, но не суженой.

В конце концов вся наша семья отправилась в долгое 42-дневное морское путешествие. Судно называлось «Президент Ван Бюрен». Плыть было довольно интересно: палубные игры, по вечерам – танцы. Каждый вечер нужно было одеваться к ужину. У меня с собой была масса платьев, и, поскольку все это было мне в новинку, мне ужасно нравилось. Но я вскоре выяснила, что не похожа на остальных.

В один из первых вечеров на палубе после ужина сидела группа молодых людей и обменивалась историями о своих любовных похождениях. Когда настал мой черед, я рассказала какую-то наивную байку – звучала она неинтересно и не захватывающе. Рассказы эти еще некоторое время продолжались, как вдруг я заметила, что все разбились на парочки, и за этим последовало такое, что мне стало неловко, и я быстро ушла с палубы. Наутро разразился ужасный скандал. Выяснилось, что на мостик вышел капитан и увидел, как бесчисленные парочки на палубе занимаются любовью. Очевидно, он весьма расстроился – даже больше моего. Вечеров с любовными историями у нас больше не было.

Мне было восемнадцать, но молодые люди на судне звали меня «Бэби». Вела себя я не «по-взрослому». Не принимала приглашений незнакомых мужчин провести вечер у них в каюте. Мои наивность, ошибки в английском и скверное произношение давали им поводы для насмешек. К примеру, я не знала разницы между долгим и кратким «и». Однажды вместо «bedsheets» [простыни] я сказала «bedshits» [постельные испражнения]. Очень расстроилась, когда все разразились хохотом, а я не поняла из-за чего. В конце концов, я подружилась с приятным английским юношей, который не звал меня к себе в каюту и не дразнил за выговор. Должна признаться, с американской молодежью на том судне мне было неудобно.

Путешествие было невообразимо прекрасным, хотя в памяти у меня осталось лишь несколько портов, куда мы заходили. Например, никогда не забуду Сингапур. Наше судно простояло там три дня, поэтому на время стоянки мы поселились в доме антрополога, папиного знакомого. Он занимался топориками каменного века и сам смахивал на пещерного человека. Росту в нем было по крайней мере шесть футов шесть дюймов, весь огромный, с длинной курчавой бородой и длинными волосами. Всегда ходил в запахающей юбке, как местные. Сколько он пил – уму непостижимо, хотя пьяным никогда не выглядел. Перед завтраком он хлестал голландский джин, между завтраком и обедом – пиво, а за обедом и ужином – вино. После каждой трапезы он пил мятный ликер – «почистить зубы», как он выражался. Я ему сказала, что мне нравятся маленькие бананы, но его слуги не понимали английского. Он же велел мне попросить у них самой, а чтобы они меня поняли, пришлось изображать мартышку: чесать грудь и кричать по-мартышечьи, потому что бананы – это пища мартышек.

По всему дому бегало множество ящериц: дом был весь открыт – ни стен, ни окон. Антрополог с большим удовольствием мне говорил:

– Смотри на них внимательно. Когда они меняют цвет и темнеют – это значит, скоро созреют и упадут.

Пока я не сообразила, что многое он говорит просто в шутку, меня это беспокоило, и я тревожно наблюдала за этими существами. Он возил нас в открытой машине – и окрестности посмотреть, и проветриться, потому что в быстро едущей машине казалось прохладнее. Он утверждал, что люди здесь пьют от жары, чтобы компенсировать потерю энергии, сбалансировать метаболизм. Человек он был такой большой, что машину ему делали под заказ. А путешествуя, он с трудом находил себе машины, в которые мог бы поместиться. Через год-два после нашего визита он отправился навестить родню в Голландию – и не выдержал там, настолько привык к жаре, спиртному и своему образу жизни. Я навсегда запомню Сингапур – душистый от тропических цветов, особенно по ночам.

Еще одно яркое впечатление оставил по себе Бомбей: богатые и прекрасно одетые люди резко контрастировали там с бесчисленными нищими и святыми, сидевшими на улицах в медитации. Мимо ходили священные коровы, иногда украшенные цветами. Мы съездили на берега реки Ганг и посмотрели, как люди очищаются душой, погружаясь в ее воды. Они действительно верят в такое очищение.

С борта судна закаты были столь ярки, что иногда казалось – весь горизонт в огне. Я могла сидеть там часами и смотреть, как из воды искристой тучкой поднимаются летучие рыбы и плавно скользят обратно. Ближе к борту подбирались дельфины, плыли за нами, ныряли и выпрыгивали из воды, как будто с нами заигрывали.

У Суэцкого канала мы сошли на берег и в Каир поехали на машине – ночью через пустыню. Я считала, что это будет поэтично – ехать по пустыне в лунном свете. Я ошибалась. Там было дико холодно, дороги ухабистые, а ветер выл и дул песком нам в лица. Машина была старой, с откидным верхом – он, хоть и закрытый, от ветра и песка не спасал.

К сожалению, музей в Каире оказался закрыт, но мы отправились к пирамидам в Гизу и покатались на верблюдах: новое ощущение. Качкое движение верблюда напоминало морскую зыбь, только судно у тебя – верблюд, а море – пустыня. Мы очень повесе-

лились, когда гид показал нам точное место, где, по его словам, под деревом на берегу Нила нашли корзинку с Моисеем. Из Каира мы поехали в Александрию, где снова сели на «Президент Ван Бюрен».

Жизнь на борту стала будто пространством грезы во времени. Палубные игры и прогулки по палубе, которые все предпринимали по нескольку раз в день, были обязательны. Новые платья по вечерам, легкие флирты, ужины, маскарады стали очень важны. Мы все были очень заняты ничегонеделаньем. Вероятно, в каких-то редких случаях люди старались узнать друг друга получше, но мне кажется, как только наш вояж завершился, это пространство грезы пропало. Тем не менее то было великолепное приключение, новое переживание.

У Сицилии мы прошли мимо вулкана Стромболи – он извергался. Вот это было зрелище: языки пламени, потоки лавы. Казалось, некие дьявольские силы стараются вырваться из недр земли. Это красное пламя отражалось в морских водах.

С парохода мы сошли в Неаполе. Папа нанял «ланчу» с шофером, и мы поехали через всю Италию. Заехали на Капри и посмотрели Голубой грот. Как и множество других туристов, спустились в кратер Везувия; а через две недели он взорвался. Странно было ходить по земле, из которой сквозь щели сочились газы, и смотреть, как по склонам медленно ползет раскаленная лава. Местные жители продавали куски остывшей лавы. И здесь, как у Стромболи, чувствовалось, что на поверхность пробивается сама сердцевина земли.

В Италии я впервые познакомилась с классическим искусством и ходом истории. Меня ошеломляло все, что я видела. Больше всего я влюбилась в до-возрожденческий период: Джотто и Фра Анжелико стали моими близкими друзьями. Мы заехали в Рим и Флоренцию, а в Венецию прибыли в ужасно холодном январе. Номера в гостинице не отапливались, а влажность и вонь от каналов вынести было трудно. По ночам мы все втроем забирались в одну постель, чтобы согреться.

Затем мы отправились в Марсель, а оттуда поездом – в Лозанну, где меня ждала новая и волнующая жизнь.

ГЛАВА 6

ЛОЗАННА, ШВЕЙЦАРИЯ, 1936 г.

Лозанна должна была стать нам домом на время моей учебы в школе искусств и университете. Пока папа был с нами, мы жили в отеле «Мирабо» – очень старомодном заведении. Из Лозанны открывается величественный вид на Альпы, но мы увидели горы значительно позднее: туман и облака были настолько густы, что Альп не видно, как будто их вообще там нет.

По-французски я не знала ни слова, поэтому мы нашли учителя и с мамой каждый день стали брать уроки. Мы много ездили: папе хотелось познакомить нас с тем местом, откуда пошли Бринеры, с кантоном Аргау, деревней Мёрикен под Вильдегом. В замке Вильдег один из наших предков служил начальником охраны¹. Мы съездили в Цюрих повстречаться с папиным двоюродным братом Максом и его женой Тони. Макс Линк был художник, его работы выставлялись в Цюрихском художественном музее. Они с его отцом были известные фотографы. Мы сразу крепко подружились.

Наша первая вылазка в горы оставила у меня глубокое впечатление. На большой высоте воздух совсем другой. Если у моря он как бархат, то в горах – как атлас. Помню, рано утром я выходила из дому, и оказывалось, что иду рядом с облаком. Или можно было гулять внутри облака. Незабываемое это зрелище: море тумана, что

¹ Не совсем верно – Иоганн Бринер (1732–1796) был смотрителем замка Ленцбург (Lenzburg) недалеко от Мёрикена. В браке с Жанной Мустер родился единственный ребёнок – сын Ганс-Якоб.

Ирина Бриннер
с родителями в Лозанне.
Швейцария. 1938 г.
Фото из фондов ПГОМ
им. В.К. Арсеньева

расстилается под горой, а иногда забирается наверх и поглощает тебя целиком. Летя в самолете, не удивительно забраться в облако, а на земле это пугает. На определенной высоте снег уже не тает круглый год, и встреча с ним удивительно освежает. Солнце бывает жарким, и приятно набрать в горсть чистого искрящегося снега или окунуться в него лицом.

Затем мы поехали в Париж – побыть с Марусей и ее детьми. Первая встреча с Парижем оставила неизгладимое впечатление. Веруся стала еще красивее, она брала частные уроки вокала и ходила в русскую консерваторию, участвовала в постановках русской театральной труппы, которую возглавляли несколько известных артистов, эмигрировавших из СССР. Юл вырос и превратился в симпатичного молодого человека с волнистыми темно-русыми волосами. Ему нравилось наряжаться, и он был очень элегантен. Выводя нас куда-нибудь на прогулку, он вызывался сам выбрать, что нам надеть. Ему было важно идти с элегантно одетыми спутниками. Мы с ним много времени проводили вместе. Читали книги, а на прогулках он поверял мне свои секреты. Водил меня в свою *garçonnière* – небольшую личную комнатку, где его навещала подруга. Об этом никто не знал, пока не случилась трагедия: девушка забеременела. Но, мне кажется, об этом позаботились, и жизнь вернулась в обычное русло.

У Веруси случилась девическая влюбленность в знаменитого танцовщика Сержа Лифаря, с которым она была лично знакома. Он не только фантастически танцевал, но и был необычайно симпатичен, походил на статую Аполлона. Я вылепила скульптуру его в танце, по фотографии.

Юл учился в лицее Монсей, а по выходным дома ему с учебой помогал один молодой человек. Звали его Ростик Гофман, он служил у Лифаря секретарем, а потом стал известным музыковедом. Всю неделю Юл жил при школе, а потому мог заниматься многим, о чем никто и не подозревал. Он утверждал, что берет парашютные уроки, но впоследствии мы выяснили, что он работает акроба-

том на трапеции в «Cirqued’Hiver». Кроме того, мы не знали, что он сблизился с цыганской семьей по фамилии Дмитриевич. Они его, очевидно, полюбили, научили играть на гитаре и петь цыганские песни. Впоследствии Юл приглашал их сниматься во многих своих фильмах – «Анастасии», «Путешествии» и «Братьях Карамазовых»¹. С Алешей Дмитриевичем даже записал пластинку цыганских песен. Приключения эти продолжались не один год, пока он жил в Париже, и стали известны родне лишь много позже, а для его матери оказались неприятным сюрпризом. Ей нездоровилось, часто случались обмороки, мы волновались за нее. Наконец по маминому настоянию она показала врачу, и выяснилось, что у нее лейкемия.

В Париже мы часто ходили в музеи и театры: на оперу, балет, концерты и спектакли. Тогда-то мы и услышали, как Рахманинов играет свои произведения в «La Salle Pleyel».

Вернувшись в Лозанну, мы впервые увидели всю красоту озера на фоне белых альпийских вершин на другой стороне. Когда мы только приехали в Швейцарию, вся эта красота пряталась в тумане и облаках.

Мы нашли «пансион», куда должны были переехать, когда папа вернется в Дайрен. Сняли в нем две комнаты – одна огромная, с балконом и великолепным видом озера и Альп. Эта комната была моя, поменьше – мамина. Постояльцами в пансионе были еще четверо молодых людей.

Перед тем как здесь осесть, мы еще съездили в Цюрих, к главному специалисту: у мамы обнаружился страбизм, двоение в глазах. И вот там пришло печальное известие о том, что умерла моя бабушка Байга. Помню, я была одна в гостинице, сидела на балконе. Собиралась буря, в небе вздувались и набирали силу огром-

¹ «Братья Карамазовы» – The Brothers Karamazov – фильм 1958 г. по мотивам одноименного романа Ф.М. Достоевского, где Юл Бринер сыграл роль Дмитрия Карамазова.

«Путешествие» – The Journey – драма 1959 г. о событиях в Венгрии в 1956 г., где Юл Бринер играет советского майора, который по долгу службы вынужден заниматься проблемами иностранцев, застрявших на занятой советскими войсками территории.

Ирина и Юлий
Бринеры.
Швейцария. 1938 г.
Фото из архива
Рока Бриннера

ные грозовые тучи. Очень потемнело, гремел гром, и ослепительно сверкала молния. Мне казалось, что я слилась с этой бурей, пока сосредоточенно думала о бабушке. Кончина Байги и эта буря смешались во что-то единое и невообразимо важное. Где бы я теперь ни оказалось в похожую бурю, я вспоминаю тот мой день траура.

В Лозанне вновь начались наши интенсивные уроки французского, и мы зажили новой жизнью. Дама, управлявшая пансионом, была странным существом: уже не молодая, она причудливо делала вид, будто принадлежит к английскому свету, была жадна и несколько полоумна. Кухаркой у нее работала полячка, которая вскоре с нами подружилась. Наша м-ль Л., или tante Энни, как мы ее прозвали, покупать еду вечно ходила сама. Мы обнаружили, что покупала она все на распродажах, где не всегда продавали свежее. Кухарка нас обычно старалась предупредить, чего следует избегать. В четыре часа мы пили чай с тончайшими ломтиками хлеба, слегка заполированными маслом. К чаю хозяйка неизменно выходила в шляпке. Мама с самого начала с нею ссорилась, пытаясь защищать тех молодых людей, что жили в пансионе. Однажды хозяйка испекла торт, но вместо муки по ошибке насыпала стиральный порошок; слава Богу, кухарка ошибку обнаружила перед тем, как мы его попробовали. После еды мы собирались у меня в комнате, играли в игры, просто разговаривали или музицировали.

ШКОЛА ИСКУССТВ И УНИВЕРСИТЕТ, 1936–1938 гг.

Начиналась школа. Я нервничала, все было внове, а я едва понимала язык. Школа искусств называлась «Кантональной школой рисования и прикладного искусства». Поступила я и в Лозаннский университет – на курсы истории искусств.

Как я уже говорила, с раннего детства мне нравилось рисовать и лепить из пластилина. В три годика я рисовала портреты друзей, и они были поразительно похожи на изображаемых. Искусство

Ира Бриннер со школьными друзьями. Швейцария. 1938 г.

всегда было у меня в крови, и логично было желание продолжать им заниматься.

Атмосфера в школе царила дружеская. Поначалу студенты меня все время дразнили за акцент и ошибки. Я им сказала, что пусть им дразнят сколько влезет, лишь бы исправляли.

– Вот увидите, – сказала я, – в конце учебы я буду говорить по-французски идеально, а вы все – с русским акцентом.

Занятия, по-моему, были интересные. Мы рисовали множество геометрических форм, сваленных вместе, учились, как пропорционально строить большую композицию. Рисовали и множество классических гипсовых голов, и живых натурщиков, писали маслом – преимущественно натюрморты, а на занятиях по скульптуре лепили и живых моделей, и свободные композиции. Мне открылся целый новый мир, и я любила его весь до мельчайшей малости. У меня с собой, куда бы я ни шла, всегда были бумага и карандаш. Я не фотографировала – я зарисовывала.

С самого начала мы подружились с Рене. Дружба наша крепла с каждым днем, пока мы с ней не стали как сестры. В этой новой жизни я чувствовала себя свободной и радостной. На каникулах наши семьи старались выезжать в какое-то одно место, или мы приглашали Рене ехать куда-то с нами. Зимой мы катались на коньках, летом ходили в горы. У нее были младшая сестра и старший брат, который за мной ухаживал. Все мы стали добрыми друзьями. И теперь уже больше шестидесяти лет Рене остается моей очень близкой подругой. Однажды мы с моей мамой, она и ее семья полезли вместе в горы. Мы с Рене нашли дикую землянику и так увлеклись сбором, что заблудились. Все двинулись дальше и не заметили, что мы отстали. Куда бы мы ни совались потом – всюду натыкались на непроходимые скалы. Мы уже начали тревожиться. По-моему, спас нас в конце концов Жорж, ее брат. Я никогда ни с кем так не хохотала, как с Рене. Причин для смеха у нас с нею могло и не быть – он нас просто охватывал, и мы ему не противились.

Кроме того, то были дни моей первой настоящей любви. Алоис и Жорж дружили по университету, и Жорж нас познакомил. Сначала мы встречались на вечеринках, потом стали видеться друг с другом и отдельно. Время от времени он отправлялся на военную службу и ходил в такой красивой швейцарской форме. Мы с мамой через некоторое время переехали в другой пансион, над самой железной дорогой, поэтому всякий раз, когда Алоис уезжал или возвращался, я с террасы могла видеть его поезд. На чердаке я сняла себе еще одну комнатку, там раньше жила горничная, а я работала и уединялась. Много времени мы проводили там и вместе. Мы оба испытали, что означает физическое влечение. Когда мы целовались, трогали друг друга и обнимались, нам с ним хотелось стать еще ближе. Несмотря на мою невинность, мы узнали, что такое экстаз любви. Вскоре он попросил меня стать его невестой. Да, да, я была в него влюблена. Он попросил благословения у своего духовного наставника – монаха из аббатства Св. Морица в Швейцарских Альпах. Тогда-то я и узнала, что любви и желания Алоиса недостаточно для нашей помолвки. Его родители меня не одобряли, потому что я была русского происхождения. Их знакомые им рассказывали, что видели Алоиса с восточной на вид девушкой, мной, а это они считали неудобным, семью такое шокировало. У Алоиса был брат, карлик, он меня презирал. Я редко испытывала на себе такую ненависть, какая была у него ко мне. Наконец родители заявили ему, чтобы выбирал между мной и их поддержкой его учебы. В то время мой папа снова был с нами. Друзья сказали нам, что по швейцарскому обычаю мой папа должен прийти познакомиться с его родителями и рассказать им, какое важное положение он занимает, ведет дела в Китае и прочее. Ну а я и слышать обо всем этом не желала. Я не желала, чтобы меня принимали только из-за того, что у моего папы предприятие. И вот однажды, вернувшись с каникул, я столкнулась с Алоисом и другой девушкой. Ее ему выбрали родители, и она в приданое им приносила два дома. Я была раздавлена,

мне хотелось поговорить с ним, понять, но меня отговорила другая моя подруга, Ирэна С.

Те годы в Швейцарии были временем моих поисков внутренней дисциплины в религии. Русской православной церкви в Лозанне не было. Все мои друзья оказались католиками, и через них я познакомилась с добрым и очень набожным священником, аббатом Полем Тёрья, и отправилась к нему за советом. Странно, что, несмотря на близость с мамой, этой частью своей жизни я с ней никогда не делилась. С М. L'Abbé я изучила катехизис и решила стать католичкой. Маму мою это очень ранило, но я не отступилась. С аббатом Тёрья мы оставались близки до самой его смерти. Католичество очень помогло мне в трудные периоды жизни; во время войны «Миссионеры Мэриноул» стали практически моей второй семьей.

В те мои годы в Швейцарии у меня случались мгновенья экстаза, не менее мощного, чем открытие физической любви. Незадолго до того, как я встретила Алоиса с другой девушкой, мы были на каникулах в Венгене, возле перевала Юнгфрауйох, очень красивой горы. Наш балкон смотрел на эту величественную гору, поэтому по вечерам мы наблюдали за волшебными превращениями света на ее девственно белой красе. Начиналось все с бледно-розового, как лепесток розы, становилось ярче, а затем темнее, пока, наконец, не начинало походить, будто вся гора охвачена пламенем. Такие зрелища не забываются.

Когда родители ложились отдохнуть на сиесту, я уходила из нашей гостиницы к лесной опушке. За поваленным деревом там сосновая хвоя выстлала мягкий удобный пяточок, на котором хорошо было лежать или сидеть. Рядом раскинулся зеленый луг с полевыми цветами, а шагах в десяти ручеек бормотал свою успокаивающую мелодию. Я подолгу пряталась там – писала свой дневник или письма, читала. В то время я читала много Поля Клоделя. Однажды я там любовалась горами сквозь ветви деревьев, и началась гроза. Сперва лишь дождь, от которого меня защищали деревья. Затем

Китайская
девочка.
Акварель
Ирины Бриннер.
Фото из фондов
ПГОМ им. В.К. Арсеньева

грянул гром, посыпались молнии. Эхо грома среди окружающих гор звучало такой мощной симфонией, что я заслушалась – и, сидя под такими высокими деревьями, вовсе не думала, что это опасно.

В 1937–1938 году, перед тем, как папа вернулся в Европу, у Юла возникли проблемы со здоровьем, и он приехал из Парижа пожить у нас¹. Хотел побыть с моей мамой, а также навещал специалистов, которые его лечили. Мама стала ему ближайшим другом, с нею он мог делиться всеми своими проблемами. Она с ним была строга, но никогда не давала волю чувствам. Он говорил, что ей и не нужно злиться – достаточно было на него посмотреть, и он понимал, что сделал что-то не так. В тот год мы с ним по-настоящему сблизились.

ПОЕЗДКА В ЮГОСЛАВИЮ. ВИЛЛИ. 1938–1939 г.

Летом 1938-го мама, папа и я отправились в круиз в Югославию, и с собой мы взяли Верусю. Далматинское побережье живописно – горы, бухты. В Дубровнике вечера под пение соловьев завораживали. Веруся флиртовала со всеми симпатичными мужчинами. Забавно было за нею наблюдать. Если она сидела напротив, а за моей спиной – еще какие-то люди, я всегда понимала, если среди них оказывался мужчина, которого она считала привлекательным: она неимоверно оживлялась и принималась кокетничать, распространяя вокруг свои чары. Мы с ней очень друг от друга отличались. Когда мы ходили по магазинам, Веруся накупала кучи безделушек, а я пыталась взять что-то красивое, но одно. На пароходе мы познакомились с Вилли – швейцарским специалистом по текстилю. Мы с ним очень сдружились. Он начал за мной ухаживать, мне это нравилось и, видимо, вообще требовалось после фиаско с семьей Алои-

¹ В Париже Ю.Б. Бринер в возрасте 17 лет пристрастился курить опий. В 1937 г. он приехал к своей тете Вере в Швейцарию, где лег в частную больницу на детоксикацию. Для посторонних была выдумана история о его якобы эндокринном расстройстве, от которого лечат радиацией. В Лозанне он прожил целый год в семье Веры и Ирины Бринер.

са. Чувствовать, как в тебя влюбляется симпатичный и приятный молодой человек, восхитительно. Любая двадцатилетняя девушка наслаждалась бы такими знаками внимания, и он мне нравился – вел себя уважительно и нежно. К концу путешествия он попросил у папы моей руки. Мама же не сразу доверяла людям, особенно если дело шло о ее дочери. Поэтому решили, что перед отъездом в Маньчжурию мы – папа и я – познакомимся с его родителями, а потом Вилли приедет в Дайрен работать в папиной фирме.

На том пароходе было много немецких юношей, и мне с ними бывало нервно, неприятно даже разговаривать. С горящими глазами они превозносили Гитлера и все, за что он выступал, а возражать им было бесполезно, потому что они лишь больше распалялись.

Последняя остановка в нашем путешествии – Венеция. Мы с Вилли отправились покататься на гондоле; было так поэтично. В этой поездке он подарил мне красивый золотой браслет филигранной работы. Сам сделал и подарил мне сувенирный альбом о нашем путешествии. По нашему уговору, мы с папой зимой отправились к нему в горную деревушку Лихтенштайг. Вокзал располагался выше его дома, поэтому папу с вещами он посадил в такси, а мы поехали на санях – счастливые, скатились по бесконечной тропе в деревню. Никогда я не ездила так долго в санях. Он крепко держал меня в объятьях. Был очень в меня влюблен. А я? Мне казалось, я тоже, но теперь, оглядываясь, я уже не так в этом уверена. Его отец работал на почте. Не помню ничего существенного о них – я не ощутила с ними никакой особой связи.

Но настала пора прощаться с моей любимой Лозанной, с друзьями. На сердце у меня потяжелело, до того счастлива я с ними всеми была. Мы снова отправились в Марсель, а оттуда – на борт «Феликса Русселя», который должен был нас доставить в Шанхай. Но уже начиналась война, и на полпути нам пришлось пересест с французского парохода, который мобилизовали под перевозку войск, на английское судно. Но хотя и там устраивали игры и танцы, все было далеко не так весело. Все думали о войне, нависшей над всем. Стоя-

Феликс Бринер.
1941 год. Дайрен.
Фото из фондов
ПГОМ им.
В.К. Арсеньева

ла вторая половина 1939 года, когда мы приехали к себе в Дайренский новый дом, который папа выстроил, пока мы были в Европе.

НАШ НОВЫЙ ДОМ В ДАЙРЕНЕ, ГОДЫ ВОЙНЫ. 1939–1941 гг.

Покидая Лозанну, я очень грустила. В то время Дайрен я себе представляла пустошью. У нашего дома стоял большой японский храм. По вечерам у храма били в огромный гонг, и мне мнилось, что колокол этот звонит по мне. Но я оказалась неправа и вскоре обзавелась новой компанией друзей и новой жизнью.

Все в нашем доме говорило о папиной любви и желании сделать нас счастливыми. У меня комната была очаровательна: стены цвета слоновой кости и такая же матовая мебель с теплой темно-красной обивкой из текстурированного шелка. На полу – темно-красный, почти коричневый афганский ковер в тон мебели. В комнате стояли кровать, два кресла и удобная тахта. Был там небольшой рабочий стол, а в стены встроены книжные полки. Дверь и окна выходили на просторную террасу, заплетенную могучей глицинией. На окнах – красные шелковые портьеры, тоже в тон обивке. Над нашим домом через дорогу был холм, заросший соснами и акацией. У меня появилась своя ванная комната с окном, в глубине дома, а между ней и моей комнатой располагался огромный гардеробный чулан. Все это и комнаты моих родителей с их ванной были на втором этаже; выше устроили гостевую комнату, мою студию для живописи и лепки и фотолабораторию.

Папа учел все, чтобы нам жилось удобно. Нижний этаж переносил нас в сказку. В огромной столовой стоял застекленный буфет для нашего хрусталя «Баккара», купленного в Париже. Пол застелен сине-бежевым китайским ковром. Вся мебель гостиной обита старыми японскими *оби* – широкими шелковыми с золотом поясами, которые носят с парадными кимоно. Походило на музей. На стене над диваном висела громадная японская картина с цветами. Везде

стояли антикварная китайская мебель, старинный фарфор, вазы династии Мин, а пол укрывали толстые китайские ковры. За углом от гостиной был мамин музыкальный салон с ее фортепиано. Под округлыми окнами стояла тахта, обитая черным китайским шелком, а его оттеняла шкура белого медведя на полу. Окна смотрели нам в сад, где росли разнообразные розы и прочие цветы. Все было сделано с таким вкусом и таким глубоким пониманием красоты, что нас ошеломило. Я полюбила свою комнату, такую уютную и уединенную.

В 1940 году папу назначили исполняющим обязанности французского и швейцарского консула, а позднее он стал полноправным консулом Швейцарии¹. Это вынуждало нас устраивать множество приемов. Мама их терпеть не могла, и я часто ее заменяла в таких обязанностях. Как-то так вышло, что мы всегда были в близких отношениях с американскими дипломатами; это началось еще до нашего отъезда в Европу. Мы ходили на множество приемов вместе с нашими близкими друзьями – Стюартом и Сандрой Грумонами. Стюарт учил русский язык, и мы ему в этом предприятии помогали. Я до сих пор дружу с их дочерью.

У меня среди друзей было много русских сверстников, как холостых, так и семейных, и я с ними проводила много времени. Мы устраивали пикники и выезды на пляж, ходили друг к другу в гости. У некоторых друзей уже были дети, с ними всегда бывало весело.

Когда папу в самом начале 1941 года назначили швейцарским консулом, нас в Дайрене посетил посол Швейцарии. Лет тридцать спустя, когда я навещала его в Швейцарии, он прочел мне выдержку из своего дневника, сделанную после посещения нашего дома: «Унылый и богом забытый городок, где даже нельзя найти цветов для миссис Бринер».

Но вся наша жизнь обернулась иначе. Очень скоро русская община организовала любительский театр. Некоторые в нем раньше

¹ Ф.Ю. Бринер 13 октября 1931 года получил верительную грамоту полномочного агента консульства Франции в Дайрене, в 1941 году был назначен на пост швейцарского консула, а в 1942 году стал консулом Королевства Норвегии в Дайрене.

были актерами, некоторые просто хорошо разбирались в театре. Но раз в месяц мы ставили пьесу или какие-нибудь мелкие водевили. Все мы активно в этом участвовали, и драмкружок, разумеется, обогатил нашу жизнь. Среди больших наших постановок был «Лес» Островского, в котором я играла Аксюшу – одну из главных ролей. Каждый из нас поочередно брал на себя инициативу – поставить такую ежемесячную пьесу. Мы это занятие очень любили, и публика любила нас.

Я начала учиться живописи у одного ученика русского художника Репина. Но, несмотря на такую традицию, на меня все равно очень большое влияние оказали импрессионисты, которых я видела в Европе и очень с ними сжилась. А скульптурой занималась сама – лепила и портреты, и воображаемые композиции. В живописи мне очень нравились ростовые портреты.

В жизни у меня не было совершенно никакой дисциплины. Писала я, лишь когда мне хотелось – это никогда не было обязателькой. Я была очень подвержена переменам настроения. Могла быть милой и обаятельной, а могла – просто-напросто несносной. С друзьями в Европе мы поддерживали переписку. До нас пытался доехать Вилли, но повсюду бушевала война, и приезд его оказался невозможен.

С нами по-прежнему жил наш повар Николай, только теперь он уже обзавелся семьей. Жена его была высокой красавицей с маленькими перебинтованными ногами, как бывало принято в старину. Их дочери уже исполнилось четыре года.

– Николай, как так – у тебя дочери уже четыре года? Ты жил с нами в Дайрене, а жена твоя – в Чифу!

– Я был тут, а за семьей там брат приглядывал.

– Ну, – говорила я, – и вот теперь у тебя ребенок.

– Какой такой ребенок? Просто девчонка маленькая.

Когда Сянь исполнилось пять, я отдала ее в школу миссии «Мэриноул». Она в ней проучилась, пока Николай не решил вернуться в Чифу. После папиной смерти ему трудно было терпеть власть двух

женщин, и он предпочел нас покинуть. Для нас это стало большим разочарованием.

В 1939-м, пока это еще было возможно, нас в Дайрене навестили Юл и его мать Маруся. Она уже очень сильно болела – лейкоемия. Для нее это гостевание у нас стало очень трудным периодом. Юлу исполнилось девятнадцать, и только теперь, впервые в сознательном возрасте ему выпала возможность познакомиться с отцом – Борисом. Раньше тот жил в Харбине, Юл – в Париже. А теперь часто ездил к нему в Харбин в гости. Вторая жена Бориса Катерина была актрисой. Естественно, Юлу с нею было интересно – он намеревался сам пойти по этой стезе. Марусе было трудно свыкнуться с близостью сына к Катерине; ей было больно, и здоровье у нее ухудшалось. Очень часто она лишалась чувств. Но ее сына ничто не могло остановить в его интересах. С отцом он ездил в Пэйпин и Корею. В Корее они навещали Янковского, которого мы раньше знали по Сидеми. Он был знаменитый охотник на тигров, и Юла просто завораживала такая жизнь. Родословная Катерины, близкой с нашей бурятской (монгольской) бабушкой, впоследствии вдохновила его на множество историй и о его собственном происхождении; например, в своем генеалогическом древе он разместил даже Чингисхана.

Пока они у нас гостили, мы устроили вечеринку и темой ее выбрали богему. Все разделись как художники и их натурщицы. Нарисовали много юмористических плакатов, пели, танцевали, и, несмотря на положение в мире, нам удалось великолепно повеселиться.

В Америку они уехали в 1940-м – к Верусе и ее мужу Валентину Павловскому, пианисту и аккомпаниатору виолончелиста Пятигорского. Пароход оказался последним, шедшим с Дальнего Востока в Америку. Их встретил Алексей Хаев. Юл попросил его отвезти мать к ее сестре, попрощался и отправился в актерскую школу Михаила Чехова, в глубинку штата Нью-Йорк. Нам с ним удавалось общаться через швейцарские власти.

Вскоре после нашего приезда из Европы один друг – Дмитрий, работавший в конторе у папы, – пригласил меня на вечеринку. Я

тогда еще не знала, что это за вечеринки такие. Все сводилось преимущественно к питию – крепких напитков или коктейлей, сражались они наповал. Вскоре я уже чувствовала, как все вокруг плывет, я вся онемела. Осязание мне отказало, а это не очень приятно. Тогда Дмитрий решил, что нам нужно пойти еще куда-то.

– Куда?

– О, увидишь – там можно потанцевать.

И мы отправились. Оказалось – действительно танцзал, только в нем было полно проституток. Все накрашены, одеты очень откровенно. Некоторые сидели на коленях у своих клиентов, кое-кто целовался. Хотя я не слишком отчетливо соображала, ибо несколько напилась, мне увиденное не понравилось. Инстинкт подсказывал, что все это неправильно. Надолго мы там не задержались, но этого хватило, чтобы назавтра мой папа пришел в ярость, когда ему рассказали, где его дочь провела один из первых своих вечеров, выйдя развлекаться. Своей ошибки я никогда больше не повторяла. Большинство моих русских друзей пило умеренно, не напивался никто. После этого свидания с Дмитрием я навсегда излечилась от неумеренного пития.

В Дайрене, как и во Владивостоке, друзья заходили к нам в гости, когда желали. Приглашения не требовалось. В доме все время звучала музыка. Я не только активно музицировала, не только переворачивала ноты, но и запела сама. Мы с папой брали уроки вокала у милой дамы-гречанки Марии Георгиевны. Должна признаться, уроки эти не сильно изменили мою манеру пения. Мама продолжала устраивать свои трио, а также играла сонаты с соло струнных. Виолончелистом бывал Мишенька Г., специалист по японскому языку и литературе, работавший в Японской военной миссии. Одним скрипачом бывал отец Джон – католический священник из миссии «Мэриноул», а вторым – врач-японец Хара. Устраивали благотворительные концерты для больниц. Мы с папой пели, с нами также выступала одна японка. Пели классику всех стран, включая японскую. Тогда как раз основали Дайренский симфонический оркестр. Пер-

вые концерты его были катастрофическими: все музыканты – любители, днем они трудились врачами, механиками, разнорабочими. Их преданность музыке была необычайна, но знали и умели они немного. К примеру, не могли настроиться всем оркестром сразу. Что бы ни пытались они играть, выходила какая-то ультрасовременная какофония. После года работы в их исполнении начала возникать какая-то гармония. Вероятно, дирижер знал больше, но все равно недостаточно, поэтому не сумел помочь музыкантам сразу.

С театром и музыкой наша жизнь наполнилась интересом. Я продолжала заниматься искусством, а также пела в церковном хоре. У Мишеньки мы брали уроки японского, и я уже разбирала японскую азбуку – это помогало общаться с группой японских певцов.

И вновь ожили наша дружба и любовь с Вовой. Любовь у нас была страстная. У его семьи под Дайреном был дом возле моря, и я стала проводить там все больше времени. Мы снова были влюблены. Трогали друг друга, обнимались, целовались, гуляли, беседовали – и все это было до крайности важно. Его отец – Муха – вечно поддразнивал нас, что крольчонок поведал ему все наши тайны, но никаких шокирующих тайн у нас и не было. Всякий раз, когда я готова была сдать, меня удерживала вера, что девственность следует сохранять до свадьбы. Однако наши духовные и интеллектуальные отношения – помимо нашей страсти – очень обогащали. После того лета Вова поехал врачом в Харбин, познакомился там с актрисой и женился на ней. Но мы остались очень близки. Несмотря на всю нашу любовь и дружбу, меня в наших отношениях часто сдерживала его, как я подозревала, садистская склонность – он любил делать и говорить такое, от чего мне бывало больно, и он это знал.

В нашу жизнь вторгалась война. Мне было трудно вынести вечера с нескончаемым обсуждением ее. Я часто просто уходила из комнаты – не могла принять всех ужасов, что творились в мире. Как в корзине, наша жизнь и война, а также все остальное происходящее переплетались друг с другом. Невозможно было не думать

обо всех этих страданиях. Это действовало на всех нас, однако мы как могли продолжали жить нормально.

В 1941-м начались учебные воздушные тревоги. Нам говорили, что следует быть готовыми – определенным образом одеться, подготовить ведра с песком, веревку и спуститься в подвал, как только завоют сирены. В форму входили огромные широкие штаны, назывались *момпи*. Шили их так, чтобы японки, работая, могли заправлять в них кимоно. Некоторые наши соседи копали канавы, как неглубокие могилы, – укрытия.

Японцы становились все агрессивнее. Стало не хватать продовольствия, хотя нашему повару Николаю удавалось раздобывать еду на черном рынке. Ездить в деревню и покупать овощи прямо у крестьян было рискованно. Кого ловили, полиция их избивала деревянными штыками. У них любимым наказанием было такое: подвесить виновника за ноги и окунать головой в ведро с водой; бедняга никогда не знал, вытащат его или он захлебнется.

Мясной паек был осьмушка фунта мяса раз в месяц; его обычно заменяли *тофу*. Овощи резали тоненькими ломтиками, яйца – только детям. Однажды закрывалась булочная, и там распродавали измельченный кокос. Мы купили, сколько смогли. Потом много лет после войны я терпеть не могла даже запаха кокосов или тофу.

Но наша активная жизнь – с театром и музыкой, живописью и скульптурой – не прекращалась. Любимым летним занятием было плавание. Вокруг Дайрена множество разных красивых бухт, в которых чудесно купаться. Нас туда возил наш шофер. По пути на один такой пляж – Фукасё, по-моему, наш любимый – мы проезжали мимо овощных полей. Там росла кукуруза, а также *гаолян* – растение, похожее на другие злаки, с кисточкой темно-бурых семян на верхушке. Из него получалась вкусная каша, а из прессованных стеблей – строительный материал. Его изобрел мой дядя Борис, а изготовляла наша фирма.

Крестьянствовали, в основном, китайцы, а они удобряли посе-вы человеческими экскрементами. Возили их в железных бочках.

И по пути на пляж нам всегда приходилось мучиться при таких вонючих встречах. От такого способа удобрения все продукты с полей были опасны при потреблении. Все овощи приходилось мыть с марганцовкой для дезинфекции, а потом еще ополаскивать кипяченой водой.

На пляж мы с собой брали все для пикника и обычно задерживались там допоздна. Осенью под Дайреном вода светится. Купаться ночью в такой воде – волшебство. От каждого движения, каждого взмаха рукой в воде вспыхивали фейерверки. Рыбачили тоже по вечерам. Мне нравилось ловить угольную рыбу – очень длинную, узкую и серебристую. Троллить ее нужно было с лодки – все время следовало дергать за лить, и вдруг на крючок попадалась серебристая рыбина, похожая на саблю, два-три фута длиной.

Часто мы брали с собой друзей, а некоторые приезжали к нам сразу на пляж. Летом мы часто собирались так вместе.

НАПАДЕНИЕ НА ПЁРЛ-ХАРБОР. ПАПИНА СМЕРТЬ. 1941–1942 г.

Когда 7 декабря 1941 года атаковали Пёрл-Харбор, швейцарское правительство тут же назначило папу особым уполномоченным по защите британских и американских интересов. Работа с Японской военной миссией изматывала нервы. Японский губернатор Дайрена был папиным другом и делал все, что было в его силах, чтобы помочь.

Всех британских и американских граждан интернировали. Интернировали и католическую миссию «Мэриноул». Красный Крест должен был предоставлять им пищу и заботу, но этого почему-то так и не произошло. Эти обязанности выпали на долю моей семьи. Раз в пару дней мы грузили в большие корзины еду и отправлялись их навестить. Из-за папиной должности меня пускали каждое воскресенье на церковную службу. Все священники и монахини были мне как родные, и такое их положение меня очень удручало. Япон-

ские власти стремились разыграть худший сценарий из возможных. Миссии следовало прилагать невообразимые усилия, чтобы добиться разрешения японцев на то, чтобы удовлетворили какую-нибудь лишнюю нужду. Для папы работа была тяжелой и напряженной.

В мае 1942 года началась эвакуация. В миссии «Мэриноул» разрешили остаться и работать немцам и японцам. Остальных отправили в Шанхай, а оттуда эвакуировали.

Пришлось эвакуировать и британское и американское консульства, и папе следовало договариваться о самых приемлемых условиях. К несчастью, за процесс отвечала, главным образом, Японская военная миссия, хотя губернатор Дайрена снова делал, что мог, чтобы папе было легче. 28 или 29 мая папа отвез работников обоих консульств на судно, которое должно было доставить их к месту назначения.

Вернулся он с жуткой болью в груди. Вызвали врача, тот поставил диагноз: грудная жаба. Немного помогли лекарства, а также горячая грелка на грудь. Приступ был сильный. Назавтра папе стало намного лучше, к нему даже пустили посетителей.

А на следующее утро, в половине седьмого, он позвал: боль стала невыносимой. Мама бросилась к нему, начала считать пульс... На седьмом ударе он затих. Папина голова откинулась назад, он задышался. Мама сделал ему укол камфары, но было слишком поздно. Я вызвала врача.

Я пыталась сделать ему искусственное дыхание. У него были такие тяжелые руки. Я закрыла ему глаза, подвязала подбородок полотенцем, чтобы не открывался рот. Своими руками разгладила лицо. Мне хотелось, чтобы оно выглядело покойно, а не кривилось от боли. И вдруг поняла, что двумя месяцами ранее я предвидела все это во сне. Сейчас я все переживала вторично.

Маму это доконало. Она так горько плакала, что я никак не могла ее успокоить. Просто вся растворилась в своей скорби. Я вызвала шофера, сказала, что случилось, и отдала распоряжения, кого следует немедленно об этом известить и что сделать. Дмитрий Федо-

рович, наш водитель, потом говорил мне, до чего я его поразила тогда своим крайним спокойствием. Но когда подоспела помощь и мама уже была не одна, я свалилась. У меня случился нервный припадок – частое и слабое сердцебиение, рвота, полное измождение.

Посреди ночи я задремала – и тут услышала, как за домом что-то пилят и сколачивают. Я встала посмотреть, что происходит. Из окна своей ванной я увидела гигантскую тень гроба, падавшую от света из окна столовой, в которой на столе по русскому обычаю лежал папа. В Дайрене можно было раздобыть лишь китайские гробы, поэтому папины сотрудники решили сделать ему настоящий русский. И делали они его за нашим домом, и я теперь видела его тень. Больше полувека прошло с той ночи, а она по-прежнему у меня перед глазами, точно это случилось вчера.

Лежа той ночью в постели, я вспоминала, как папа причесывал меня во Владивостоке, а из гостиной лилась музыка. Я видела, как он сбегает по лестнице – очень быстро, чуть ли не вприпрыжку. Я так старалась походить на него даже в этом. Он был очень спокойный человек, очень добрый, всегда готов помочь людям. Мы даже не знали о многих его делах, он не выставлял их напоказ. Всегда говорил, что ждет старости, ибо это время для созерцаний и размышлений. Когда Феликс нас покинул, ему исполнилось всего сорок девять. У меня он перед глазами: сидит в гостиной, нога на ногу, а рукой, как часто бывало, тербит себе волосы. Я помню, как они пахли, – этот запах я снова чуяла от его подушки.

Православный священник провел службу дома, у его тела, и длилась она три бесконечных дня. Мама вся ушла в свою скорбь; если не возле папиного тела, то сидела у него в комнате.

Дело было на Пасху, и в церкви во время заупокойной – а это одна из самых красивых и душераздирающих служб – хор пел «Христос воскрес». В церкви было полно народа, все – с зажженными свечками. Ради мамы я плакать не смела, и от этого сердце у меня рвалось на части. Труднее всего было, когда гроб опускали в могилу

и все бросали по комку земли. Это ужасный звук, когда земля стучит в дерево, он казался слишком громким и слишком окончательным.

Жизнь моя должна была неизбежно и круто измениться. Папа старался оградить меня от безобразия и многих трудностей жизни. Теперь же передо мной оказалась реальность, а папиной защиты не стало.

Мама теперь спала со мной в одной комнате. Нам требовалась эта близость: маме в ее непомерной скорби и мне, чтобы как-то справиться с тем потрясением, что я перенесла, и с кошмарами, снявшимися теперь почти каждую ночь. Я засыпала – и резко просыпалась, вздрогнув, словно меня выдернули из сна. Открывала глаза и видела прозрачные серые тени, что смутными фигурами толпились вокруг моей кровати. Всякий раз я кричала во весь голос – и от этого совершенно просыпалась. В такие времена мамина любовь и само ее присутствие были важны для сохранения моего рассудка.

Освобождение наступало, когда я выглядывала наружу и видела весну в самом разгаре: склон перед домом, всю улицу укрывали душистые цветы белой акации, – или смотрела на клетку с канарейками, которых разводила: гнездышко их наполнилось крохотными уродцами-птенцами, они широко раскрывали клювики, требуя еды. Вылупились они в тот день, когда умер папа. Отчего-то все это мне сообщало какую-то непрерывность.

На могилу мы ходили каждый день. У нас был свой участок на кладбище, где похоронили мою бабушку Байгу, а теперь вот – папу. Но между ними располагалась могила неизвестного солдата, павшего в Русско-японской войне 1905 года. Поговаривали, что некоторые такие могилы – уловки хитроумного предпринимателя. Если он предъявлял пуговицу с офицерского мундира и кость, этого хватало, чтобы заплатить за погребение неизвестного солдата. Мы решили раздобыть необходимое разрешение и перенести эту могилу в другое место, а участок сделать семейным.

Для меня то была нелегкая работа – приходилось обивать пороги официальных контор, а я этим никогда не занималась. Почти

всякий такой визит вызывал у меня нервные припадки: пульс за 150, рвота. Когда я попросила нашего врача-японца прописать мне что-нибудь от этих приступов, он ответил:

– Нет, такого я не сделаю ни за что. Мне слишком нравятся ваши скульптуры и картины. А если я вас слишком успокою, вы можете перестать творить.

НАС ПРЕСЛЕДУЮТ ЯПОНЦЫ. 1943–1944 г.

Японские власти посмертно решили, что Феликс был американским и британским шпионом. У нашего дома поставили часового-китайца, он торчал там с утра до ночи. Мы попросили одного друга семьи ночевать у нас – нам было неспокойно.

К сожалению, ситуация эта вызвала еще одно досадное недоразумение в нашей жизни. Одной нашей так называемой «подруге» вздумалось сочинить историю. Моему дяде Леониду – старшему папиному брату, который тогда жил в Шанхае, – она рассказала, что этот друг семьи, который у нас ночевал ради нашей безопасности, – на самом деле мой любовник, а папа очень противился нашей с ним связи, мы поссорились, и от этого ему стало плохо с сердцем. Полная выдумка – между нами была лишь дружба, вообще никакой романтики. Человек этот был лет на двадцать меня старше. Отвратительно было осознать, что люди, которым я доверяла, ни с того ни с сего пожелают опорочить мою жизнь.

И наше желание переместить могилу неизвестного солдата тоже обернулось против нас. Мы ходили по всем церковным и правительственным инстанциям, чтобы это перезахоронение нам разрешили. Но мы не знали, что в числе этих инстанций хотела быть и Японская военная миссия. Они натравили на нас кое-каких русских эмигрантов. На папину могилу приходили компании жестоких людей, когда там были мы, и принимались нас оскорблять:

– Ах, так вы считаете, что за деньги можно все купить, вы даже готовы осквернить останки воинов, что отдали за нас свою жизнь.

Потом к нам приехали старший брат Леонид и Борис. Они решили, что из дома нам придется съехать. Хотя папа построил его нам, при строительстве он согласился добавить к нему еще одну квартиру для управляющего фирмой. Папа написал так: «Я согласен добавить пристройку к своему дому, но та его часть, что возводится для моей семьи, останется моей пожизненно».

– Ну вот, – сказал Борис, – он написал «моей пожизненно», а потом умер. Это как игра – можно проиграть, можно выиграть.

Я ушам своим не поверила. Впервые в жизни я выругалась нехорошими словами. Я сказала:

– Всегда знала, что ты мразь, но не осознавала, до какой степени.

Затем вмешался еще один дядя – Шура, муж папиной сестры Нины: это их семью мы взяли с собой, когда бежали из Владивостока. Он вызвался защищать наши интересы. Поскольку о ведении дел мы ничего не знали, мы его предложение приняли. И первым делом он занял двадцать тысяч долларов, которые Феликс держал в Шанхае. Папин наказ нам был – не трогать эти деньги, брать их, только если мы уедем из страны. Мы сказали об этом Шуре, но он ответил, что ситуация изменилась. Поскольку мы чувствовали себя у него в долгу – он же согласился нас защищать, – мы согласились. Тех денег мы больше не увидели, но эта история случится уже намного позже.

ГЛАВА 7

ПОЕЗДКА В ХАРБИН, 1942–1944 гг.

Война гремела повсюду, и мы уже не знали, учебные это воют сирены или настоящий воздушный налет. Все равно приходилось натягивать штаны и бежать в подвал. Под конец лета над нами стали пролетать американские самолеты, хотя тогда нас еще не бомбили. Позднее, когда мы уехали из Дайрена, несколько бомб американцы все же сбросили.

Повседневная жизнь у нас стала довольно однообразна: почти каждый день мы ходили купаться, а на обратном пути заглядывали на кладбище; мне нравилось собирать полевые цветы папе на могилу. Через несколько месяцев после папиной смерти к нам наведалься Мишенька. Он шел с официального банкета Японской военной миссии. Японцы, на которых он работал, были им недовольны – он все больше сближался со своими русскими друзьями. Им же от него хотелось побольше японского патриотизма. Женился он на японке, у него было уже две дочери-подростка. Хорошая семья, но его все больше тянуло к русским корням. На русский он перевел много японской классики. Редко можно отыскать настолько точные переводы, какие были у него. Полностью его звали Михаил Григорьев.

В тот день, когда Мишенька заглянул к нам, он жаловался на слабость. Мама измерила ему пульс и поняла, что сердце у него работает с перебоями. Дала ему дигиталиса, а я отвезла в больницу к врачу. Врач счел, что сердце у него стучит так от усталости. Вер-

нувшись домой, еще немного посидели, а потом мы отправились на кладбище, а он – домой.

Побыли у могилы мы недолго – увидели, что к нам бежит шофер. Он сказал:

– Скорее, надо к Мишеньке ехать. Позвонила его жена – по дороге домой ему стало плохо, он взял рикшу и в коляске умер.

Мы бросились туда. Он лежал на столе, а жена и дочери были в слезах. Мы им рассказали, что произошло у нас дома, что я возила его в больницу, где врач сказал, что он, вероятно, переутомился.

Власти очень поспешили его кремировать, всего через полсутки после кончины. А через несколько дней к нам заявила полиция. Они обвинили маму в том, что она отравила Мишеньку теми каплями, которые ему дала. Мы им показали пузырек с дигиталисом, а я вдобавок вызвала и врача, который, в свою очередь, подтвердил, что мама, вероятнее всего, продлила Мишеньке жизнь, а убить его этим никак не могла. Все как в дурном сне. Инцидент этот подкрепил наши подозрения, что Мишеньку отравили японцы, а вину попытались переложить на кого-то другого. Ему было всего сорок два года.

В нашей жизни его смерть стала большой утратой – мы были к нему очень привязаны. С мамой он играл на виолончели дуэтом, а также и трио с нами. Мы вместе читали, рисовали, много ходили гулять, и мне кажется, я отчасти была в него даже влюблена. С ним мы учили японский. Он был необычайным другом.

Меж тем еды отчаянно не хватало. К нашему счастью, к осени начиналось обилие грибов, мы собирали их прямо на холме возле дома – в большие корзины, три фута в высоту, полтора фута диаметром. Ползая по всему холму, мы быстро их наполняли. Это было настоящее чудо – многим они помогали прокормиться. Целыми часами мы нанизывали грибы на нитки для сушки.

А по вечерам, бывало, сидели на террасе, с которой я любила рассматривать звезды и изобретать всякие теории вечности: как образы наших жизней улетают к звездам, рассуждала я, и дости-

гают их лишь через много столетий, и вот так события нашей жизни продолжают существовать в космосе. Любимой звездой у меня была Венера – всегда такая живая и такая яркая.

Приближалась зима, вокруг нас все мрачнело и жить становилось труднее. Тетя Нина и дядя Шура позвали нас пожить какое-то время у них в Харбине – там таких перебоев с продовольствием не было. Мы приняли их приглашение, попробовали забыть о трудностях и просто наслаждаться более нормальной жизнью. Я много пела с мамой, каждый день ходила кататься на коньках на тот же каток, что и в школе. Для танцев у меня было два партнера и одна подружка, с которой хорошо было заниматься парным фигурным катанием. Для меня большим удовольствием стала выставка моих картин в залах ХСМЛ – той школы, что я окончила. На открытие пришел учитель естествознания Тарас Петрович, которого я очень любила. Я увидела, как он сидит перед одним натюрмортом с цветами. Он укоризненно посмотрел на меня и сказал:

– Как же ты могла так нарисовать цветы, тут все неправильно – а я-то считал тебя своей первой ученицей.

Не имело смысла объяснять ему, что это не иллюстрация биологического вида, а творческая работа.

Очень забавно было оказаться в учительской, посмотреть школу изнутри. Все учителя казались человечнее – в них чувствовалось больше юмора, вообще с ними стало веселее.

Мы очень подружились с Колей – шурином моего двоюродного брата Павла. Вместе катались на коньках и велосипедах. Когда настала весна, мы устраивали себе множество экскурсий и ходили купаться на Сунгари.

Где-то в январе у меня случились неприятности с зубом мудрости – он полез горизонтально, поперек уже выросших. В Харбине был хороший стоматолог, эмигрант из Германии, и он решил этот зуб удалять. Операция длилась больше двух часов. У меня распухла шея, вся покрылась синяками. Как будто я вообще ее лишилась. Дома мне было очень плохо, боль от удаленного нерва никак не

стихала. Назавтра мы вернулись к стоматологу. Он делал все возможное, чтобы не болело, но ничего, похоже, не помогало. Тогда он вспомнил, что буквально только что получил новое болеутоляющее от «Байера». Я его приняла и отправилась домой. Мама от меня не отходила. Через час я впала в кому – должно быть, на это лекарство у меня была аллергия. Прибежал наш семейный врач, тоже из Германии. Время от времени сознание ко мне возвращалось, а потом я снова погружалась в небытие. Будто меня качало на волнах. Всякий раз опускаясь на дно, я думала: «Нельзя оставлять маму одну – папа же умер всего семь месяцев назад». И я старалась выкарабкаться, снова забраться на гребень волны. Головой я шевелить не могла, она начинала кружиться, подступала тошнота.

Врач сидел у моей постели и не сводил с меня глаз – словно гипнотизировал, помогал мне выбраться на гребень каждой волны. Как вдруг я ощутила, что эта волна у меня – последняя, все стало успокаиваться. Врач сказал: это чудо, что мне удалось выкарабкаться.

Отравление было до того серьезным, что побочным действием его стали абсцессы – я вся была в них, и снаружи, и изнутри. На поправку ушло несколько месяцев. Мама кормила меня всякими вкусностями, потому что я очень исхудала. Любимой едой у меня был *гоголь-моголь* – взбитые яичные желтки с сахаром и чуточкой коньяка.

Как только это стало возможным, мы с Колей возобновили свои экскурсии. Приближалась Пасха, и мы решили зайти в как можно больше православных церквей. Ходили на все службы и всякий раз – в другую церковь. Коля был моложе меня на пять лет, и его мать переживала из-за его нежной дружбы со мной. То была прекрасная, невинная любовь. Причина же нашей задержки в Харбине была в том, что японские власти отказывали нам в разрешении вернуться в Дайрен. Мы очень по этому поводу недоумевали. В конце концов, через семь месяцев нам разрешили вернуться. Тут-то мы и узнали, что происходило в Дайрене, пока нас не было.

Пятерых наших близких друзей арестовали. Их пытали – подвешивали, не давали пить, надеясь, что они выдадут подозреваемую,

однако воображаемую, шпионскую деятельность моего отца. Когда мы вернулись, оказалось, что друзей у нас не осталось. Общаться с нами стало слишком опасно. Если мы шли по одной стороне улицы, люди переходили на другую, чтобы только с нами не встречаться. С одной парой – их арестовывали обоих – нам удавалось встречаться на пляже. Мы заплывали как можно дальше и вот так ходили друг к другу в гости.

Примерно в то же время арестовали и нашего друга Муху, отца Вовы; его обвинили в спекуляции. Бросили его в крохотную бетонную камеру, набитую людьми, как сардинами в банке. Места прилечь не было. Много месяцев он провел в заключении, пока не заболел тифом и не умер. Когда тело его вернули семье, они увидели волосатого и бородатого старика с такими длинными ногтями, что они загибались. Трудно терпеть подобные напасти.

В феврале мы получили телеграмму из швейцарского посольства: 4 февраля в Нью-Йорке скончалась моя тетька Маруся. Для нас это стало еще одним сильным ударом – особенно для мамы. Маруся умерла от лейкемии, и чтобы оплатить ей лекарства и больницу, Юл пел баллады и цыганские песни в домах у богатых людей.

К нам пришел папин друг, губернатор Дайрена, и сказал, что нам нужно уезжать: Японская военная миссия и дальше собирается чинить нам неприятности. В нашу честь он устроил чудесный банкет, посадил на полностью светозамаскированный пароход, и мы поплыли в Тяньцзинь, а наш прекрасный дом в Дайрене снова оставили как есть – и больше его никогда не видели. Для мамы это был уже третий раз, для меня – второй.

НАША ЖИЗНЬ В ТЯНЬЦЗИНЕ, 1944–1946 гг.

В Тяньцзине мы должны были жить в одном доме с тетей Ниной и ее семейством. Они переехали сюда из Харбина, ибо ситуация была нестабильной – грозило вторжение СССР в Маньчжурию.

Оно и случилось в августе 1945-го. Мы приехали в Тяньцзинь в 1944-м. Половина паев дома принадлежали нам с мамой, четверть тете Нине и еще четверть Нинике. Это четырехэтажное здание приобрели загодя, когда здесь открывалось отделение «Бринера и компании». Внизу располагалась контора, на втором этаже – гостиная, столовая и комната Нины и Шуры. Непосредственно над ними были две наши комнаты. На том же этаже жила мать дяди Шуры и ее сиделка. Этажом выше располагались Светлана, Павел, Зоя (его жена) и их дети Маша и Саша, а также их нянька. Всего под одной крышей жило двенадцать человек. Столовались мы все вместе.

Поначалу все проистекало мило. Мы, молодежь, много играли в теннис – и один на один, и парами. По вечерам часто ходили в казино, где можно было посмотреть хай-алай, поиграть и потанцевать. Игра меня не интересовала, а вот танцевать я любила. Был там один молодой человек, наш сверстник, кларнетист – играл в тамошнем джаз-оркестре. Женя стал моим верным спутником, а впоследствии – и моим молодым человеком.

Летом в Тяньцзине очень жарко и душно. Есть там такие периоды, мы их называли *футянь* – «неподвижный ветер». Ничто не движется, все окутано влажной жарой. Кондиционеров тогда не было. Комнату можно было охладить, только завесив окно мокрой шторой и если на потолке работал вентилятор. Я была молода, меня это не слишком беспокоило. Перемещались мы везде на велосипедах. Я в городе почему-то никогда не уживалась с этим транспортным средством – вероятно, из-за того, что ездить приходилось по оживленным улицам, среди других велосипедов, рикш и немногих автомобилей. Мне вечно везло с чем-нибудь столкнуться. Однажды я въехала прямо в полицейского, который регулировал движение.

Со временем мы стали более независимы друг от друга. В самый жаркий месяц лета мы навещали Пэйтиайхо – морской курорт с чудесным купанием. Мой молодой человек Женя ездил туда с нами каждое лето. Его родители очень хотели, чтобы мы поженились.

«Дядя Шура»
– Александр
Степанович
Остроумов.
Фото из фондов
Государственного
архива БРЭМ.
г. Хабаровск

Часто мы с мамой катались в Пекин, который теперь называется Бэйцзин. Я полюбила этот прекрасный город с необычайными древними зданиями и мраморными храмами. У входа на каждый участок всегда установлена стена, защищающая его, как ширма. Я любила Храм неба с его роскошной крышей из синей черепицы и белым мрамором. По форме он круглый и окружен стеной. Если стоять по разные стороны храма и шептать, стена передает звук, как через микрофон: так они подслушивали, ловили изменников. И еще – Летний дворец с его Мраморной ладьей. Императрица повелела построить ее на деньги, собранные для создания военного флота. Запретный город в то время был невероятно богатым музеем китайских сокровищ. Древняя история там повсюду.

К сожалению, дружелюбие у нас в доме истощалось. Я попросилась у дяди Шуры поработать в конторе, чтобы начать разбираться в делах «Бринера и компании». Он согласился, но оказалось, что это унижительно, поскольку учить меня никто не собирался. Это было какое-то издевательство. Когда я это поняла – перестала выставляться дурой и ушла из конторы. Потом – без всякой причины – меня возненавидела тетя Нина.

Дядя Шура любил делиться мыслями с моей мамой – оба они были очень интеллигентные люди, и на какое-то время между ними установилось некоторое подобие дружбы. Он был очень интересный и умный юрист, но время от времени заявлялся домой совершенно пьяный, а поскольку мы жили прямо над ними, нам были слышны все его дебоши – там кидались предметами и так далее. Я все это запомнила как кошмар.

Мало-помалу наше положение в этом жилье стало довольно странным и напряженным. Хотя расходы мы делили поровну, они, устраивая вечеринки, произвольно решали, когда пригласить на них нас с мамой, а когда не приглашать. Иногда мы спускались к чаю и видели, что у всех на тарелках есть печенье, а у нас нет. Бродя бы мелочь, но она, повторяясь чересчур часто, стала гигантской проблемой. У нас с тетей Ниной отношения стали до того натяну-

тыми, что мама моя даже болела. У нее все время кружилась голова, врачи утверждали – от нервного напряжения. В те годы ей столько всего пришлось вынести, что еще больше терпеть было трудно.

В Китае экономика тогда была хрупкой, их доллар постоянно менял курс. Например, сегодня рикша мог стоить десять долларов, завтра такая же поездка – сто, а послезавтра – тысячу. И так все время. Потом все возвращалось на круги своя и началась следующая эскалация. Не прекращалась спекуляция золотыми слитками. Золото в больших и малых количествах покупали в слитках. Когда его цена повышалась, слитки эти продавали с выгодой. Поскольку цена золота постоянно колебалась, возникали возможности и для спекуляции. Тогда-то мы и начали замечать кое-что странное. Нам подсовывали на подпись чистые бланки и ничего не объясняли. Потом дядя Шура продал много наших золотых слитков какому-то швейцарскому банкиру, а тот в обмен дал нам свои чеки. Когда позже в Америке мы пытались эти чеки обналичить, они возвращались. Пришлось привлечь этого швейцарского банкира к суду – и в суде выяснилось, что он банкрот. Стоимость тех слитков в те дни была больше двадцати тысяч долларов. А после папиной смерти дядя Шура занял у нас еще двадцать тысяч. Общая сумма по тем временам солидная.

В 1945 году в Китай отправили американцев, заканчивать войну, но японцы сдались до их прихода, поэтому в Тяньцзинь они вошли героями-победителями. Что вокруг творилось – трудно понять. Русские женщины в Китае обезумели, словно эти американские мальчишки были богами. Некоторые бросали семьи, молодые девчонки выскакивали за американцев замуж – и когда солдатам настала пора возвращаться на родину, эти женщины понимали, что их под шумок бросили, оставив записку: «Спасибо, милая, с тобой в Китае было хорошо».

Изнасилований и нападений было так много, что женщине опасно было выходить вечером на улицу одной. Высокопоставленные американские офицеры и генералы ездили по городу на рик-

шах с восьмилетними проститутками на коленях. В меня однажды швырнули связкой подожженных шутих. Объясняли это так: в конце войны в США в армию завербовали много заключенных из тюрем – думали отправить их на передовую, но война закончилась, и все они явились к нам героями.

Но и приятных солдат и офицеров было много. Я познакомилась с одним журналистом, мы с ним стали добрыми друзьями. Однако образы мыслей у нас были разные. Однажды мы отправились покататься на джипе и заехали заправиться на базу. Залив бак, мой друг выплеснул остатки бензина из канистры на землю. Я пришла в ужас. Бензин достать невозможно, а он выливает. Тогда я и почувствовала, что у нас совершенно разное, вероятно, само отношение к жизни.

Поразительно было наблюдать, как всякие неуполномоченные американцы продавали всякое военное имущество китайским коммунистам: джипы, грузовики, самолеты, оружие. В тот период здесь еще находились войска Чан Кайши, и коммунисты пытались одержать над ними верх. В нищих деревнях случалось такое, что крестьяне, у которых ничего не было, умоляли уходящих американцев оставить им грузовики и джипы. В таких просьбах им отказывали, потому что это было незаконно, а технику потом топили в море или реке, чтобы она не досталась никому. Через два месяца после того, как американцы вошли в Китай, подобные действия сделали их до крайности непопулярными.

Война закончилась, и мы были готовы ехать в Америку. Вилли все время писал и просил меня приехать в Швейцарию, но ему хотелось, чтобы я приехала одна, без мамы. Он писал: «Когда обустроимся, пусть приезжает, когда угодно». Я ему сказала, что мы едем в США, и если он хочет меня видеть, может приехать ко мне туда. Такое наплевательство на наши с мамой отношения меня возмутило до глубины души.

ГЛАВА 8

В АМЕРИКУ, 1946 г.

Напряжение дома стало невыносимым. Наша контора, которая занималась бронированием билетов для клиентов, не желала сделать этого для нас, поэтому мне пришлось все устраивать самой. В то время как раз проходила забастовка моряков, нам пришлось лететь. В Америку летала только одна компания – «Филиппинские авиалинии». Сначала нам пришлось сесть на маленький одновинтовой самолет из Пекина до Шанхая через Циндао.

У меня это был первый в жизни полет. Вдоль стенок в самолете стояло две лавки, а вся середина салона до потолка была завалена мешками, клетками с курами, пакетами и чемоданами, все кое-как перевязано веревками. Летели ухабисто, меня укачало.

Наконец мы оказались в Шанхае, где у нас было много знакомых. Здесь жила Ниника со своим очаровательным мужем Анатолием и четырехлетним сыном Андрюшей. Мы были очень рады видеть всю ее семью – тут-то вновь и ожила наша детская дружба. Почти все время в Шанхае мы провели с ними. Города этого я никогда хорошенько не знала – может, поэтому так мало про него и запомнила.

Наш самолет в Сан-Франциско улетал в начале ноября. В аэропорту ко мне подошел мужчина и спросил, не дочь ли я Феликса Бринера. Я ответила, что да. То был голландский капитан одного парохода, который раньше заходил во Владивосток. Судя по всему,

я так походила на папу, что он и осмелился уточнить. Для нас с мамой это была чудесная встреча. Человек этот стал нашим ангелом-хранителем на все путешествие.

Самолет, в который мы садились, был старым «Ди-Си-47». Пассажиры сиденья в нем установили с одной стороны, а на другой оставили транспортные скамьи. Дамам выписывали пассажирские места, а мужчины сидели на скамье и по очереди ложились на пол отдохнуть. Самолет, по-моему, брал пассажиров двадцать. Сиденья стояли так близко друг к другу, что если кто-то наклонял кресло, то его соседу сзади тоже приходилось это делать, чтобы не сталкиваться.

Еда у нас была с собой: большой пакет с жареной курицей, хлебом и водой. Сомневаюсь, что на борту имелся холодильник, и курица к концу у нас испортилась, а вода закончилась.

При посадке нам запретили брать с собой в салон даже небольшую сумочку. В ноябре мы оделись потеплее, а в тропиках, куда мы направлялись, это было ни к чему. Первая посадка у нас была в Маниле – но остановка оказалась не короткой, мы сидели там долго. Было очень жарко, теплая одежда была явно лишней. Следующая остановка – Гуам. Там нам пришлось сидеть в грязном и жарком аэровокзале шесть часов. Мы с мамой хотели вымыться в душе, но там оказалось грязно и неприятно, а у нас не было полотенца, только носовые платки. Дальше сели на атолле Кваджалейн. Я сбилась уже со счета, сколько мы там просидели. Когда нас вызвали наконец на посадку, член экипажа попросил всех сообщить имена и адреса родственников или друзей, чтобы в крайнем случае их можно было предупредить. С нашим самолетом что-то было не так. Лететь мы должны были в Гонолулу.

Прошло какое-то время, и до нас стали доноситься странные звуки с одной стороны самолета. Вытащили какие-то большие желтые тюки. Я спросила, что это, и мне объяснили:

– Это спасательный плот. Наш двигатель при каждом обороте стачивает вал. Надеюсь, до атолла Джонстон дотянем, но нужно готовиться к приводнению.

Как обычно бывало в любых крайних случаях, я была совершенно спокойна и не боялась. С нами летели монашенки-католички, они все время повторяли:

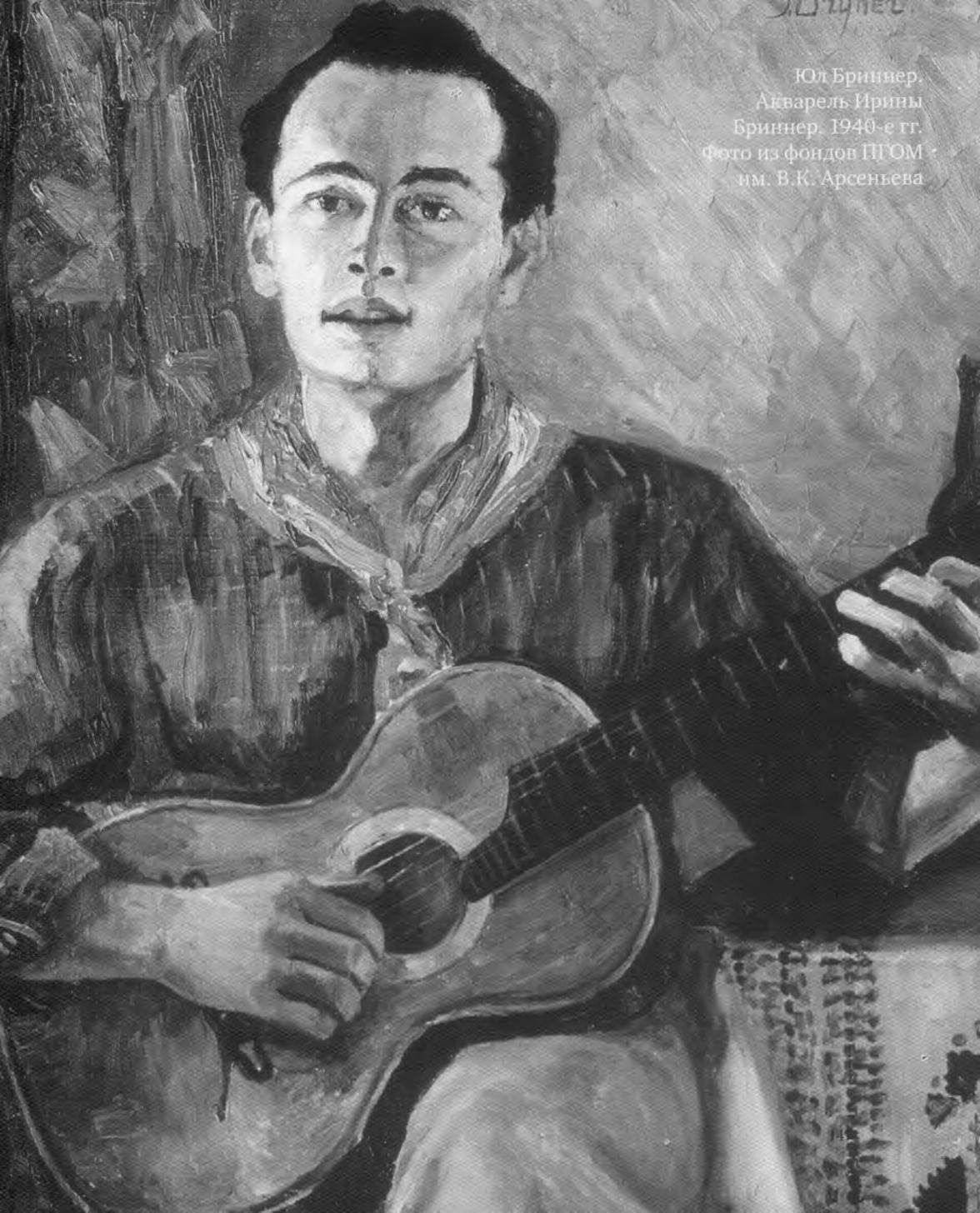
– Не волнуйтесь, мы молимся, все обойдется.

Уж не знаю, их молитвами или нашей общей надеждой на лучшее, но до острова мы долетели.

А остров был в милю длиной и три четверти мили шириной. При посадке самолету пришлось описать два круга по земле, чтобы остановиться. Остров был искусственный: на коралловые рифы накидали мешков цемента, чтобы сверху построить военную базу с казармами для солдат, лавками и кинотеатром. Нас отвели в корпус Женской вспомогательной службы. Какая же это была радость – проведя больше семидесяти двух часов в полете, сидя, принять душ и выспаться на настоящей кровати. Вода вокруг была зеленовато-синей от коралловых рифов, и там, как в причудливом аквариуме, плавали необычайные тропические рыбы.

Наконец нам удалось сбросить теплую одежду. Там я купила себе первые в жизни джинсы и матросскую шапочку, а одна пассажирка подарила летнюю блузку. Мы сходили в кино. Все было таким новым, интересным. Там нам пришлось дожидаться другого самолета – наш был неисправен. На острове мы провели полных два дня, но меня это ничуть не расстроило.

В конце концов самолет прилетел, и мы отправились в Гонолулу. Полет прошел без приключений – если не считать самого прибытия. Спускались мы, предвкушая: Гавайи – это же так блистательно! Нас попросили не покидать мест. Открылась дверь, вошел человек с баллоном ДДТ и принялся нас обильно опрыскивать. Мы возмутились, но нам сказали, что раз мы прилетели с востока, нас следует дезинфицировать. Потом дверь закрылась, и самолет взлетел снова. Мы не понимали, что происходит. В порядке оправдания

Юл Бриннер.
Акварель Ирины
Бриннер. 1940-е гг.
Фото из фондов ПГОМ
им. В.К. Арсеньева

нам сказали, что ждут приливную волну, но я так и не поверила. В воздухе мы болтались еще с час. Все это происходило в четыре утра. В пять нам разрешили наконец выйти из самолета. Отвели в небольшой кабинет администрации и там заперли – рано, еще никто не работает. Ждали мы до девяти.

Мы с мамой были единственными пассажирами, которые прилетели по квоте, поэтому опрашивали нас последними. А перед этим взяли отпечатки пальцев. Моя дорогая мамочка очень рассердилась. Наконец около полудня нас вызвали на допрос. У нас сложилось впечатление, что расспрашивают нас так, точно мы какие-то преступники.

– Вы когда-нибудь кого-нибудь убивали?

– Пока нет, – ответила мама.

– Вас когда-нибудь арестовывали? Состоите ли вы в коммунистической партии? – И так далее. Совершенно ужасно. Такое чувство, что нас оскорбляли и унижали – и это в свете показаний, что само правительство США предоставило нам в благодарность за панину работу, выполнение которой стоило ему жизни.

Наш голландский капитан ждал нас, чтобы проводить в огромный отель на самом берегу – там среди пальм были разбросаны маленькие бунгало. Мы решили задержаться на Гавайях минимум еще неделю, а уже потом лететь в Сан-Франциско рейсом «Пан-Ам».

А кое-кто из пассажиров полетел дальше на том же самолете. Отправились они часов в семь вечера. В полночь мы услышали голоса. Все вернулись – через час в воздухе у самолета загорелся мотор. Большое счастье, что им удалось возвратиться в Гонолулу.

Нам очень нравилось там ездить на экскурсии, смотреть народные танцы и разглядывать гавайские поделки. Все было новым и интересным. Но нам уже не терпелось добраться до Сан-Франциско. Десять дней спустя, в конце ноября 1946 года, мы наконец достигли места назначения.

НАЧАЛО НАШЕЙ ЖИЗНИ В США, САН-ФРАНЦИСКО. 1946–1949 гг.

В Сан-Франциско нас должен был встретить один знакомый по Дайрену, где он представлял «Дженерал Моторз». Он женился на другой нашей знакомой и уехал в Америку, а там стал фоторепортером и сделал множество исторических снимков на встрече ООН в Сан-Франциско в конце войны. Он снимал портреты всех больших политических фигур. Мы его звали Алексаша. У него в Сан-Франциско имелось два двухэтажных дома, и мы должны были поселиться у него в одной из квартир.

Когда мы прилетели, в аэропорту его не было. Наш голландский капитан ушел, и я не знала, что делать. Решила позвонить, но когда вошла в телефонную будку – сообразила, что понятия не имею, как пользоваться платным телефоном. Пока раздумывала, появился Алексаша, и хлопоты наши на время закончились.

Красота Сан-Франциско тронула меня глубоко. От белого города, окруженного водой, захватывало дух. Мы должны были поселиться в районе Ричмонд – на Палм-авеню, это довольно интересная часть города.

Нам досталась небольшая квартирка с одной спальней. Мама расположилась в ней, а я – на раскладной кровати Мёрфи в гостиной, что мне было в новинку: я очень боялась, что кровать захлопнется со мною вместе.

Воспоминания о том первом периоде нашей жизни там отчего-то очень смутны. Помню, правда, как ходила первый раз на рынок и принесла домой дюжину яиц – у всех были двойные желтки, я таких раньше никогда не видела. У нас на кухне стояла старомодная плита на высоких металлических ножках. Счищать с нее жир было делом незабываемым. Я жаловалась:

– Где же эта современная Америка, где нажмешь кнопку – и все для тебя делается?

Такую Америку мне только предстояло открыть.

Вскоре после нашего прибытия мы пережили и первое свое землетрясение. Стояла такая жара, что по дому я ходила в одной комбинации, и когда все здание затряслось, я изготвилась выско-чить на улицу в чем была. В тот раз спокойствие сохранила мама и не пустила меня.

Нам оказалось трудно понять эту жизнь. Все здесь устроено иначе. Нам очень нравилась возможность заходить в элегантные магазины и покупать приличную одежду. С этой стороны все ка-залось легко и приятно. Вскоре по прибытии мы познакомились со многими русскими из первой эмиграции – через мамину подругу Милу, врача. Мила была старше мамы, но они вместе учились в ме-дицинской школе в Петрограде. Представляя кому-нибудь маму, она всем повторяла:

– Мы вместе трупы препарировали в петроградском медучилище.

Мы бывали во многих домах, и меня часто просили что-нибудь спеть. Я пела много военных и послевоенных русских песен. Но все эти люди скоро начали разочаровывать нас. Все их разговоры и меч-ты сводились к тому, как бы им вернуться в Россию, вернуть себе собственность, богатство. Тошно слушать. Россия только что про-шла через ужасы войны, а они думали только о своем утраченном состоянии. Если в песне, которую я пела, упоминался Сталинград или серп и молот, они меня просили менять слова. Я отвечала, что в этих песнях поется о тяготах войны в Советской России, так чего ради я стану менять в них слова? Вскоре мы с большинством этих людей перестали видаться, но Мила осталась нам близким другом до самой своей смерти.

Мы с мамой вскоре поняли, что не можем жить, как птички на дереве. С собой мы привезли двадцать тысяч долларов, и из Китая не просто получали мало – почти ничего не получали. Друзья сове-товали нам приобрести домик на две квартиры, чтобы самим жить в одной, а другую сдавать. Но не успели мы этим заняться, как пе-реехали в другую часть города.

Район Ричмонд – очень туманный. Когда я начала брать уроки скульптуры у одного русского скульптора, который жил на Русском холме, я заметила, что как ни приду к нему – там светит солнце, а у нас в Ричмонде туман. И мы решили переехать поближе к студии моего учителя и к солнцу.

Нашли сдаваемую квартирку на очень крутом склоне, на Филберт-стрит, совсем рядом с учителем. В одном большом саду стояли пять маленьких домиков. Каждый поделен на две квартиры – внизу и наверху. Мы поселились в верхней: средних размеров гостиная, крохотная спальня для мамы, маленькая кухня и ванная. Мы уже купили кабинетный рояль, и он занимал немалую часть гостиной. Комната эта была Г-образная, поэтому в узкой части мы устроили себе столовую, и там же по вечерам я раскладывала свою кровать. Чтобы добраться от рояля к кухне, в ванную или в мамину комнату, приходилось перелезть через нее. Но мне было удобно жить по соседству с учителем – Мишелем. Вскоре мы обнаружили, что поселились в лесбийской общине: хозяйкой этой недвижимости была одна из них. Понятия не имею, почему она сдала нам эту квартиру. Непосредственными соседями у нас были две молодые женщины с сиаемскими котами. Лин стала нашей близкой подругой, и мы с нею дружим до сих пор.

Каждый день я трудилась у Мишеля в студии. Был он очень милый смешной человечек, очень привязан к другой своей ученице, Хелен – красивой рыжеволосой женщине. Она приходилась внучкой Томасу Эдисону и была замужем за одним певцом, его звали Ёли. Странная у них была пара. Мне кажется, она делила себя между обоими мужчинами – но это было их дело, я в него не лезла. Мы с ней стали добрыми подругами, вместе работали и позировали друг другу. Я многому научилась в лепке, освоила форму. Там чувствовался хороший настрой, все было посвящено лишь скульптуре. То время осталось очень мне дорого. Я начала осознавать скульптурные формы, открывала их для себя, работая с человеческим телом. Не существует способа тоньше для того, чтобы научиться самовы-

Скульптурный
портрет матери Веры
Дмитриевны. Работа
Ирины Бриннер.
Бронза. Экспонат
из фондов ПГОМ им.
В.К. Арсеньева

ражаться в трех измерениях, нежели тело человека. Для меня то был период открытий и просветления.

Год спустя я познакомилась с замечательным человеком – известным и любимым скульптором Ралфом Стэкпоулом. Он стал самым дорогим моим другом, учителем и наставником. У него в мастерской я начала работать по камню. Сначала лепила небольшие глиняные модели, а затем принималась резать камень. Я любила и работу, и весь дух, царивший в студии. Там одно время жил и работал мексиканский художник Диего Ривера; над входной дверью он написал мать – она держит дитя, а дитя писает на дверь.

Ралф водил меня по музеям и учил воспринимать современное искусство и ценить его. Впервые я смогла его оценить, когда увидела картины Миро – я их полюбила. Ралф был изящный миниатюрный мужчина, необыкновенно восприимчивый к искусству и жизни вообще. Жена его была во Франции, а он жил со своим приемным сыном. Он вошел в нашу жизнь, помогал мне адаптироваться в стране. Мы с мамой нежно его любили. Между нами было нечто большее, чем просто дружба, – особая трогательная любовь. Когда он, в конечном итоге, уехал в Париж к жене, у меня в сердце осталась огромная пустота, и мы переписывались и оставались друзьями до самой его смерти.

Живя на Филберт-стрит, мы все время искали дом, который бы предоставил нам финансовую обеспеченность. Мы не могли просто истратить те небольшие сбережения, что привезли с собой. И наконец нашли искомое – в районе Марины, в двух кварталах от бухты и в одном – от Дворца изящных искусств (в то время это была развалина, оставшаяся после Всемирной выставки 1915 года, ныне полностью реконструированная).

Я принялась искать работу. Тут все было непросто. Я уже преподавала рисование в частных католических школах – это было крайне унижительно и очень раздражало. К своему немалому удивлению, я обнаружила, что в некоторых таких заведениях монахини очень мало уважают учителей. До той школы я добиралась полтора

часа, и зачастую класса, где я должна была вести занятие, на месте не оказывалось: он отправлялся на пикник, а мне приходилось возвращаться без оплаты и проводить в дороге три часа. Я легко бы могла стать светской портретисткой – либо скульптором, либо живописцем, ибо у меня был дар создавать удивительно точное подобие модели. Но от художников, занимавшихся такой работой, я узнала, что угодить заказчику не всегда бывает очень приятно. Мне же хотелось такой работы, что не только бы нас кормила, но и приносила мне удовольствие и удовлетворение. Мама меня в этом полностью поддерживала.

Занимаясь этими поисками, я зашла к католическому священнику у нас в приходе и спросила его, не посоветует ли он, как мне зарабатывать на хлеб. Узнав, что я скульптор, он сказал:

– Но это же замечательно – научитесь резать буквы и будете делать надгробья. Люди всегда умирают, работа вам гарантирована.

Я сочла его предложение довольно отталкивающим, но в то же время немало повеселилась.

Затем я решила попробовать себя в ремеслах. В скульптуре я много лепила из глины, поэтому я подумала о гончарном деле. В Школе труда я записалась на гончарные классы, а также на рисование с натуры и так далее. Школа была политически левой и входила в «черный список»; из-за этого я тоже попала в черный список, стали подозревать, что я коммунистка. То было время Маккарти. Вот, в частности, почему просматривали всю нашу почту из Китая. Она добиралась до нас по многу месяцев, и все конверты бывали официально распечатаны.

Оказалось, что керамика мне не подходит: меня стесняло лепить одни лишь сосуды или контейнеры.

Но однажды я увидела произведение современного ювелирного искусства работы скульптора Клэр Фалкенстайн: ожерелье с мобиле, подвешенной у него с одной стороны. Свободное, прекрасное и – скульптура. Не нужны никакие компромиссы, надо просто ухи-

Одна из
скульптурных работ
Ирины Бриннер

триться уменьшить скульптуру и сопоставить ее с человеческим телом, а не с пространством или архитектурой.

Я начала работать с женщиной-ювелиром. К сожалению, это больше походило на эксплуатацию, а не на ученичество. Мне приходилось выпиливать из серебра бесконечные дубовые листики. Я таким раньше никогда не занималась, поэтому ломала много полотен у пил, а ее это очень расстраивало. Затем приходилось шлифовать. У шлифовального круга не было защиты. Никогда ни до, ни после не работала я с кругом, который швырял столько грязи в лицо шлифовщику. Если я ничем не прикрывалась, все лицо у меня чернело. Работа меня интересовала, но вот условия никуда не годились, а платили мне шестьдесят центов в час. Когда я достаточно многому научилась – начала высказывать свое мнение, и она меня уволила. До этого расставания я у нее проработала два месяца, а потом устроилась к Францу Бергманну – он был и гончар, и ювелир. Мне он разрешал заниматься ювелиркой, а сам лепил гончарку. С ним было так приятно работать – такой обаятельный культурный человек, я им просто восхищалась. Мне он платил половину того, что выручал с продаж. У нас были очень милые отношения, и, когда мы прекратили работать вместе, он посоветовал мне и дальше трудиться в этой области.

Тем временем мы купили себе новый дом на Бродерик-стрит в Марине. Себе взяли квартиру на втором этаже, а нижний стали сдавать. Я решила покрасить все шесть комнат в доме сама. Я понятия не имела, как это делается. Купила кисть шириной в четыре дюйма и какую-то водоземлюсионную краску. Времени все это заняло порядочно, но я выкрасила весь первый этаж и приступила к нашей квартире. Америка не поразила меня как страна, в которой очень уж легко живется, и нам приходилось больше экономить.

Меня удивили некоторые особенности американской психологии: все дома в Сан-Франциско были из дерева, но люди почему-то желали, чтобы они выглядели кирпичными, каменными или оштукатуренными. Однако лишь передняя стена здания преобразалась

под эти материалы, а боковые, иногда скрытые соседними зданиями, оставались деревянными.

Потом мне пришлось сходить на похороны. Гроб стоял открытый, и я, к своему ужасу, увидела раскрашенное лицо своего знакомого. Щеки у него были розовые, губы – красные. Меня это шокировало и повергло в смятение. Как-то эти фальшивые фасады и раскрашенные трупы у меня в уме слились в одну особенность: люди здесь не желают или боятся видеть правду, реальность.

Мне трудно было понять, почему люди, расставаясь, говорят друг другу: «Увидимся», – хотя у них может и не быть намерения когда-либо видеться еще. Когда я собиралась на серьезный концерт или лекцию, мне желали «хорошенько повеселиться». Наверное, у меня лет пять ушло на то, чтобы все эти мелкие детали вошли в мою жизнь и перестали меня беспокоить.

Квартиру мы сдавали итальянской семье. Раньше дом принадлежал рыбаку, и в цоколе за гаражом была еще одна комната, где он что-то с этой рыбой делал. Мне требовалась студия, и я снесла перегородку, а досками от нее обшила стены – комната стала гораздо больше, и в ней я начала преподавать детям скульптуру.

НАЧИНАЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ ЮВЕЛИРА, 1950 г.

Я взялась работать над собственными ювелирными изделиями, но на оборудование мастерской у меня не было денег. Нашла старую железную доску для глажки, на которой можно было паять, и пользовалась бунзеновской горелкой или примитивной спиртовой. Шлифовальный круг я себе сделала из старой стиральной машинки.

Работу свою я любила, и воображение меня не подводило. Закончив три изделия, я предложила их шикарной лавке декоративного искусства – «Фрейзер». Лишь одно произвело необходимое

впечатление. Меня спросили, нет ли у меня еще запонок и не могу ли я их поставить им еще как можно скорее.

– Конечно, могу, – быстро ответила я, побежала домой, надела еще запонок – и почувствовала себя при деле.

В Сан-Франциско был небольшой, но очень влиятельный ювелирный магазин, назывался он «Нэнни». Им владела Нэнни Бендерсон – восприимчивая добрая женщина с обостренным чутьем и отличным вкусом. Через ее покровительство проходили все талантливые молодые ювелиры. Она внушала нам уверенность, вселяла в нас мужество и поддерживала наше существование. Я буду признательна ей вечно.

Мы организовали первый в Сан-Франциско «Фестиваль искусств под открытым небом». Началось все с малого, но он потом стал важной профессиональной организацией. Вообще-то из нашей группы, которую возглавляла пионер современного ювелирного дела Маргарет де Патта, развилась до сих пор действующая организация – Гильдия металлических искусств.

Первой нашей попыткой превратить все это в нечто профессиональное стала выставка в старом Дворце изящных искусств в Марине. Я сидела в большой стеклянной витрине, а ремесленники приносили показать мне свои работы. Мы все входили в только что созданную группу и принимали или отвергали то, что они нам приносили. Выставку нам помогли организовать и несколько архитекторов.

Чтобы выйти из безвестности к признанию, потребовались большие усилия и стойкость. Нам всем пришлось преодолеть множество душераздирающих событий. Мне очень повезло, что пресса меня признала довольно рано.

Случались и трагикомедии, вроде моей первой лекции с показом слайдов. У меня их было всего четырнадцать, и перед показом я должна была рассказать немного о себе. Ну а президент женского клуба решила меня представить, рассказав все, что я сама собиралась о себе говорить. Я слушала ее, и меня тошнило. «Что же

Серьги из серебра.
1950 г.
Работа
Ирины Бриннер

Колье и серьги.
Работа Ирины Бриннер

Золото. Серьжки с жемчугом.
Работа Ирины Бриннер

я теперь скажу всем этим дамам? Моих четырнадцати слайдов не хватит на всю лекцию». Удалось растянуть их на полчаса, но потом мне стало так плохо, что пришлось удалиться в ванную, где меня вырвало. Блистательное начало для истории успеха в Америке.

Через два с половиной года после того, как я начала работать в ювелирном деле, меня наняла школа образования взрослых – вести по этому делу занятия. Тот же класс, в который я сама ходила после своего ученичества. Преподавание там стало лучшей школой для меня самой, для моей собственной работы, а также для понимания тех людей, кого я учила. В классе у меня занималось тридцать пять человек. Мы делали все – канделябры, глубокую посуду, всевозможные украшения.

В первом классе у меня было много новичков – от двадцати лет до семидесяти. Один пожилой человек показал мне свою работу, кольцо, и я уже открыла рот раскритиковать, но он улыбнулся и произнес:

– Это у меня первое кольцо, и я им сильно горжусь.

Критика застряла у меня за зубами, и я сказала:

– Отлично, я очень за вас рада, но в следующий раз все должно получиться намного лучше.

Те годы преподавания подарили мне понимание того, как протекают творческие процессы у необученных людей. Иногда мне приходилось буквально уловками убеждать их, что вся инициатива к созданию их первой работы принадлежит им целиком и полностью, а моя помощь в этом минимальна. И вдруг в них, казалось, открывался какой-то клапан, из которого принимались хлестать идеи и желание чего-то достичь.

Я любила эти занятия, и когда в 1957 году уехала в Нью-Йорк, в первых рождественских поздравительных открытках говорилось, как они там по мне скучают и что когда я была с ними, все они были талантливы. А с новым учителем, писали мне, талант есть мало у кого.

Как же дорожу я этими людьми, которые так стремились учиться и сами не понимали, сколько знания дают мне.

НАШ НОВЫЙ ДОМ НА КУЛЕБРА-ТЕРРЭС, 1954 г.

В Марине мы прожили до 1954-го. В 53-м или даже раньше на Русском холме, на Кулебра-террэс, я увидела просто фантастический участок. Склон там очень крутой, градусов сорок пять. Я тут же влюбилась в него и решила, что мы должны построить на нем дом.

Несколькими годами раньше я познакомилась с очень талантливым архитектором. Мы влюбились друг в друга, и он стал моим первым возлюбленным. Он унаследовал студию Ралфа с мастерской под открытым небом, где я продолжала работать даже без Ралфа. Тот нас и познакомил вообще-то.

Фрэнк был мне любовником девять лет. Высокий – шести футов четырех дюймов ростом, – старше меня года на три-четыре; у него было трое детей, и поэтому наши с ним отношения принять мне было трудно. В мою жизнь он принес множество новых идей, очень помог мне определиться профессионально. Я понятия не имела, как писать деловые письма, составлять счета и прочее. Через него я познакомилась со многими интересными людьми. Иногда отношения у нас бывали напряженными, но сколько раз я бы ни пыталась его бросить, всегда в итоге возвращалась. Маме было трудно понять, что в двадцать девять лет мне уже пора стать более зрелым и независимым человеком. Когда я впервые привела Фрэнка домой и сказала ей, что он остается со мной на ночь, мама возмущенно посмотрела на меня и сказала:

– Я тебе что – мадам?

– Нет, мама, мне кажется, я выказываю тебе уважение, потому что не хочу от тебя ничего скрывать. Надеюсь, в таком духе ты это и воспримешь.

Лучше ничего случиться и не могло. С того раза, как только мама видела, что мне нужно уединение, она просто скрывалась у себя.

Фрэнк должен был построить нам этот дом. Проект у него был прекрасный. Мы решили сделать в доме три квартиры: на первом

этаже студию, на втором – квартиру с одной спальней, а третий должен был стать нашим жильем. Первые два этажа мы намеревались сдавать, а на третьем жить сами. Комната мамы с отдельным входом и удобствами и моя спальня были на три ступеньки выше основной части дома. Моя спальня выходила в мастерскую, где имелся световой люк. В двух верхних квартирах – балконы с видом на мост Золотые Ворота, и каждый вечер мы могли бы смотреть на великолепнейшие на свете закаты. Во всех трех квартирах установили камины. Наши спальни выходили в садик на двух уровнях. А дальше тянулись сады у домов выше по улице, и складывалось ощущение одного огромного парка.

Еще один наш друг, Боб, ландшафтный архитектор, распланировал нам этот сад. Задние лестницы скрывались за бамбуком. На приподнятых клумбах мы высадили розы, одна была необычной разновидности, называлась «пурпурно-серая красавица» – распускалась она бледно-лавандовыми цветками. Красные и пурпурные бугенвиллии бежали вдоль стен, а вверх по лестницам к крыше вился ломонос. У входа в квартиру на втором этаже у нас росла поразительная бугенвиллия цвета сомон.

Но прежде чем добиться всех этих чудесных результатов, нам пришлось вытерпеть ад. Бюджет наш был очень ограничен, заем огромен, но мало того – казалось, что все идет не так, и стоимость всего проекта с каждым днем все росла. Напряженность между мамой и Фрэнком тоже быстро усиливалась, но это мы пережили, все втроем. Последним ударом стал отпескоструенный потолок. Делали его из ламинированного бруса сечением два на четыре дюйма. Брусья эти тянулись от сада до навеса над балконом. Получилось просто изумительно. А над мастерской у меня каждые два из трех брусьев пришлось вынимать, чтобы сделать световой люк. Чтобы подчеркнуть текстуру, Фрэнк решил их отпескоструить. Ну и долго еще после этого чертов песок сыпался с потолка и оставлял везде налет тонкой пыли. Но само здание я полюбила. Впервые я почувствовала себя в нем дома.

Вера Дмитриевна и Юл.
Гримерка Юла. Нью-Йорк.
1950-е гг.

Я наслаждалась его красотой и уютом. Жильцам нашим он, похоже, тоже нравился. В конце года Американский институт архитекторов присудил нам награду за дизайн и архитектурное качество нашего дома.

Мастерская у меня была – просто мечта. Над всем рабочим пространством – световой люк, через него лился дневной свет. К тому времени у меня уже было настоящее оборудование, и я работала с природным газом и кислородом. Я училась тонкой работе и постоянно что-то для себя открывала. Помню, как впервые попробовала сковать золотую проволоку для ожерелья. Я понятия не имела, что золото послековки становится жестким и пружинистым. Волшебным было видеть, как полоска сгибалась в кольцо – и сохраняла эту форму. Но стоило мне разомкнуть кольцо, как полоска вновь выпрямлялась. Не нужно больше сражаться с застежками. То был волшебный способ проб и ошибок, путь накопления опыта, на котором я неуклонно искала собственный способ самовыражения.

Я начала участвовать в международных выставках. Сделала небольшой буклет, который рассылала в сувенирные лавки по всей стране. Заказов было много. Мама, регулярно работавшая со мной бок о бок, очень мне помогала.

В то время Юл приехал в Сан-Франциско со спектаклем «Король и я». С ним была вся его семья – жена Вирджиния и сын Роки. С нами они проводили много времени. Роки очень гордился папой. Стоял, бывало, возле дома и сообщал всем соседям, что он сын Юла Бриннера, а он – Король. Иногда Юл приносил гитару и пел баллады и цыганские песни. Я сажала его у камина, чтобы через дымоходы его могли слышать все жильцы. А почти каждый вечер мы ходили на представление. Много раз оставались за сценой, но, бывало, и сидели в первых рядах. Очень радостно было так часто смотреть эту пьесу.

Однажды ведущая актриса мюзикла Пэт Морисон в шутку наклеила мне фальшивые ресницы. Когда я зашла в гримерку Юла, он посмотрел на меня и рассвирепел:

Ирина с братом Юлом на
съемках фильма «Десять
заповедей». 1955 г.
Фото из фондов ПГОМ
им. В.К. Арсеньева

– Что это такое, немедленно сними и больше так не делай.

Я очень удивилась. Даже папа со мной так никогда не разговаривал. Юл хотел оберечь меня от всей этой поверхностной вульгарности.

Нам у себя в доме было надежно, пусть даже еще занавесок на окнах не было. Из окон наших спален мы видели только деревья, и оттого казалось, что мы в уединении. Через несколько месяцев после того, как мы сюда въехали, я проснулась часа в четыре-пять утра от странного ощущения, что у меня в комнате кто-то есть. Я открыла глаза – в изножье моей кровати стоял человек, рылся в сумочках. Я подумала: «Так вот, значит, каково бывает, если в комнате вор». Я села и спросила:

– И что это вы тут делаете?

В ответ мне к носу поднесли револьвер, и человек сказал:

– Заткнись, сучка дурная, а то по башке пистолетом дам. Руки вверх.

Я ответила:

– Но это же глупо, у меня нет пистолета под подушкой.

Мне снова сунули револьвер в лицо и сказали:

– Заткнись и все. Ты тут одна?

– Нет, у меня мама в другой комнате, но если вы ее обидите или причините ей вред, будете передо мной по-настоящему отвечать.

– Скажи матери, что я сейчас найду, пусть отвернется.

Мама спала, поэтому я позвала ее и сказала, чтобы не боялась, потому что у нас в доме вооруженный мужчина. Представляю, каково ей было так просыпаться. Когда он пошел в мамину комнату, я последовала за ним. Тут-то я и поняла, что он, должно быть, следил за нами в незанавешенные окна. Он точно знал, где мама держит деньги. Забрал их и мамин цейссовский бинокль. Видя, что я не отстаю от него ни на шаг, он велел мне вернуться в комнату. Все это время его трясло, как лист. Он уже так нервничал, что, выгоняя меня к себе, стал грозить мне маминым биноклем. Но револьвер не убрал, поэтому я сочла за лучшее повиноваться его командам.

А у меня в комнате он решил, что безопаснее будет меня связать моими же ремнями – и связал мне руки и ноги. Когда занимался ногами, перехватил их так туго, что мне стало больно. Я попросила его ослабить, он тут же послушался. Все время, пока он обшаривал мою комнату, я с ним разговаривала очень вежливо. У меня был очень красивый сундучок Булля, в котором я хранила всякие побрякушки. Он его открыл и говорит:

– Это что еще за дрянь?

– Вы правы, они вашего внимания не стоят.

Мама время от времени сообщала мне из своей комнаты:

– Ирина, я сейчас кричу.

– Нет, мама, не кричи, пожалуйста.

Наконец он ушел – после того, как загнал нас обеих в ванную.

Пока он был у нас, я хранила спокойствие, и голова у меня соображала быстро, но едва ушел, у меня заколотилось сердце, я даже полицию вызвать не смогла. Побежала к соседям, постучалась к ним в окно и попросила мне помочь.

Гастроли «Короля» сделали из всего этого приключения сенсацию. В шесть утра мне начали звонить газеты. В вечерних выпусках напечатали большую статью: «Ограбили родню Юла Бриннера». Потом я как-то зашла на почту, так все надо мной подшучивали – спрашивали, как мне удалось сфабриковать такой рекламный трюк. Так себе шуточка.

Наверное, вор так и не сообразил, что я ювелир, и не заметил моей мастерской, хотя располагалась она рядом со спальней. Все у нас на улице были в шоке – здесь такого никогда раньше не бывало.

Вскоре после приезда в Сан-Франциско я стала добровольно подрабатывать капельдинером в Оперном театре, – это значило, что мне полагалось бесплатное место на спектаклях. Потом я постепенно стала так подрабатывать и в других театрах. Работала я в ложах, и временами добывала маме место на балконе, а потом провожала ее в ложи. Очень важная это была привилегия – иметь возможность смотреть все оперы и балеты, слушать оркестры и солистов.

Ирина показывает
брату Юлу, Эдварду
Дж. Робинсону и
Сесилью де Миллю
свои ювелирные
изделия, сделанные
для фильма «Десять
заповедей».
Фото из архива
Рока Бриннера

Я пыталась брать уроки вокала у двух разных учителей, но не чувствовала, что они как-то меняют мое пение.

Наша ювелирная семья была очень активна. Продолжались ежегодные Фестивали искусств под открытым небом, и раз в месяц мы собирались и обсуждали различные подходы и методы работы с металлами. У нас даже были классы по изготовлению глубокой посуды. Мне это помогло лучше постичь трехмерный аспект моей ювелирной работы. Все мы были очень близки и дружили. Никакого конкурентного напряжения я никогда не испытывала. Нашим наставником на всех таких встречах была Маргарет де Патта. Она была пионером современного ювелирного искусства – выпускница чикагского Баухауса, красивая щедрая дама, чьи великолепные качества отражались в ее необычайных работах.

ЕДУ В НЬЮ-ЙОРК ИСКАТЬ ГАЛЕРЕЮ ДЛЯ СВОЕЙ ВЫСТАВКИ, 1956–1957 г.

В 1956 году я решила съездить в Нью-Йорк поискать место, где смогу показывать свои работы. До этого в Сан-Франциско приехал директор «Горизонта ремесел», солидного издания для ремесленников, и я очень вдохновилась. Он тогда взял у меня интервью, и в издании вышла статья о моей работе.

Нью-Йорк совершенно меня покорило. От силуэтов освещенных небоскребов голова шла кругом. Я остановилась у своей кузины Веруси, которая вышла замуж за Роя, и у нее была маленькая дочка по прозвищу Дуська.

Первым делом я отправилась в Музей современного искусства. Попросила там провести меня к кому-нибудь из отдела декоративных искусств: я уже шесть лет занимаюсь ювелирными изделиями и хотела бы показать их специалисту. Так я и познакомилась с покойной Гретой Дэниэлз, которая стала дорогим моим другом. С ее помощью я нашла галерею «Уокер и Эбелинг» – исключитель-

но ювелирную, – и та предложила мне устроить первую выставку в этом великом городе.

В Нью-Йорк я приехала одна, без мамы, и в той поездке ощутила необычайную свободу. Там был один друг, с которым я познакомилась в Сан-Франциско, и он мне очень нравился. Он пригласил меня к себе на выходные. «Почему бы и нет», – сказала я себе. Я была свободна делать все, чего бы ни пожелала. Это моя жизнь, моя свобода. Тех выходных я не забуду никогда. Я пришла в уютную теплую квартиру, в ней веяло романтикой. Все, что я знала прежде о любовных ухаживаниях, и сравниться не могло с теми страстью и возбуждением, что тогда пережила. Теперь, думая о той ночи, наполненной не ведомой мне раньше чувственностью, я вижу перед собой темные глаза – они приближаются, и в них такое желание, что оно затопляет все мое существо. Наутро мы выглянули из окна и увидели совсем другой Нью-Йорк, весь белый. Ночью обильно выпал снег. Такой контраст тому теплому сиянию, что было между нами. Отношения наши не продлились дольше тех выходных, но остались с нами навсегда, и мы по-прежнему хорошие друзья. Веруся и Рой отнеслись с большим пониманием. Все это путешествие у меня было наполнено приключениями и любовью. Казалось, что я стою под самым фейерверком, а вокруг искрится вся моя жизнь.

Когда я вернулась домой, лишь одна мысль была у меня на уме – переехать в Нью-Йорк. Это нужно было сделать во что бы то ни стало.

– Ну его, этот дом, – сказала я маме. – Будем его сдавать и получать доход.

Мама, как обычно, и в этом меня поддержала. Поэтому мы начали подыскивать жильцов себе в квартиру и готовиться к переезду. В Нью-Йорке мы должны были поселиться у Веруси и Роя, куда не найдем себе жилье.

ГЛАВА 9 ПЕРЕЕЗД В НЬЮ-ЙОРК, 1957 г.

В Нью-Йорк мы переехали в 1957-м. Уговор был такой: как только у нас появится адрес, фургон перевозчиков доставит все наши пожитки к двери. А тем временем охота за жильем набрала невероятные обороты. Мы искали в газетах, я ходила по кварталам, которые мне нравились, спрашивала в домах, есть ли жилье на сдачу. Пока же мы жили с Верусей, Роем и Дуськой.

Я была полна решимости найти нам новый дом в районе Западных 50-х. Как обычно, на выручку мне пришли мои «чудеса». На Западной 55-й улице, 46, я увидела крохотное объявление: сдается. Сдавался весь пятый этаж. Две комнаты поменьше сзади, кухня и ванная посередине, и огромная комната спереди. В одну стену были даже встроены книжные полки. Аренда – 125 долларов в месяц. Мы сочли, что дороговато, но решили брать.

Мама расположилась сзади, в спальне и комнате с пианино; я – спереди. Комната была Г-образной, поэтому я смогла устроить перегородку в три четверти высоты и сделать себе в одной части практичную и удобную студию. Пол мы застелили толстым слоем газет, потом – старыми половиками, на них положили фанеру и покрыли пробковой плиткой. Под нами в этом месте была детская спальня – на том этаже жил хозяин дома. Студия у меня была полностью звукоизолирована, они никогда не слышали, как я в ней стучу молотком.

ИРИНА ДМИТРИЕВА

Ирина с мамой
Верой Дмитриевной
возле мастерской
на 55-й улице.
Нью-Йорк

46

Моя любовь к Нью-Йорку вспыхнула крепче прежнего. По ночам меня завораживали горящие окна высоких зданий. Сам воздух города был пропитан энергией. Я чувствовала себя такой живой, меня переполняли новые замыслы.

В Музее современного искусства была выставка архитектуры Гауди, которая невообразимо повлияла на мою работу. Экспозицию устроили как пип-шоу: глядя в небольшое отверстие, можно было видеть части улиц и площадей с домами, построенными Гауди на них. Меня это просто ошеломило.

Гауди был гений – без предшественников и без последователей. Жил он в конце XIX – начале XX века. Причудливые, мощные и органичные, дома его покорили мое воображение. Во мне вспыхнуло новое видение дизайна, в котором я и обрела свою истинную суть.

В первые годы своей ювелирной работы я испытывала на себе влияние современной архитектуры. А через несколько недель после выставки Гауди работа моя начала меняться. Мне трудно самой было в это поверить, но когда я начала участвовать в международных конкурсах, в мои дизайны стало проникать что-то барочное, органическое.

Директор Музея современного ремесла Дэйвид Кэмпбелл отнесся ко мне хорошо с самого начала. В первое лето он пригласил нас с мамой погостить у него в Нью-Хэмпшире, в доме, который он сам выстроил. Иногда Дэйвид приезжал и возил нас кататься, водил меня на разные выставки ремесел, знакомил с коллегами. Я никогда не видела и не слышала таких гроз, как здесь. Мы наблюдали за ними из окна гостиной Дэйвида. По крайней мере с час гром и молния не прекращались. Я обожаю грозы – они вызывают во мне сильные чувства и воспоминания.

Вскоре по приезду в Нью-Йорк меня пригласили участвовать в коллективной выставке в Музее ремесла. Потом мои работы показывали в американском павильоне на Всемирной ярмарке в Брюсселе. До выставки 1973 года в Монреале, Канада, я участвовала во всех Всемирных ярмарках. После того как я уехала в Швейцарию,

меня автоматически исключили из состава американских участников, а швейцарские ювелиры включили меня в число своих участников лишь через десять лет.

Из головы у меня фонтаном били новые идеи, но у меня не было заказчиков. Я решила арендовать переднюю часть вестибюля в том городском особняке, где мы поселились: витринные окна его выходили на улицу. Дэйвид – знаменитый и талантливый архитектор – разработал мне очень симпатичную лавку; он же некогда спроектировал и построил первый Музей современного ремесла в Нью-Йорке. Размеры лавки были пять на девять футов – как у сигарной коробки, но она была умело отделана орехом и зеркалами. Окно, которое мы использовали как витрину, также было обрамлено орехом, а белыми буквами там значилось мое имя.

Эта лавка была самым чудесным приключением всей моей жизни. Музей современного ремесла стал мне вторым домом – таким он был и для множества других ремесленников. Когда бы к ним ни приходил художник, музей отправлял его ко мне. Перед открытием собственной лавки у меня прошла выставка в галерее «Уокер и Эбелинг», о чем я уже упоминала, а это эксклюзивная ювелирная галерея. Так вот меня и показали новой клиентуре. «Горизонт ремесел» и «Дом и сад» написали положительные рецензии.

По утрам я занималась хозяйством, с часу до пяти или шести сидела в лавке, а затем работала у себя в мастерской. Как обычно, мама во всем этом участвовала. У нее ухудшилось зрение и кружилась голова, поэтому на улицу одной ей выходить не разрешалось, и мы всегда ходили с нею вдвоем. Но она делала, что могла, помогала мне в работе или по дому.

Жили мы очень близко от Карнеги-холла, поэтому как минимум три раза в неделю ходили туда на концерты. Когда после нескольких лет перерыва снова заиграл Горовиц, я простояла в очереди за билетами с семи утра до полудня. У самой кассы выяснилось, что у них осталось всего два билета – на последний ряд самого верхнего балкона, в правом проходе. С такой удачей меня даже сфотографи-

ровали и напечатали снимок в газете. А второй раз, когда я стояла за билетами на него, все было иначе. Я вышла после концерта и увидела молодых людей со спальниками у стены Карнеги-холла. Спросила, в чем дело, и мне ответили:

– Мы записываем в очередь за билетами на Горовица. Сначала записывается, а потом каждый час приходите отмечаться.

– Отлично, – сказала я. – Приду. – И всю ночь ходила домой, отдыхала по пятьдесят минут, а потом бежала в Карнеги. Зато в очереди оказалась 87-й, и мне достались билеты в пятый ряд партера, в центре.

Серию концертов давал Ростропович с оркестром Лондонской филармонии. Это было такое счастье, что я решила его поблагодарить и сделала ему ландыши на золотом стебельке, а цветками служили высверленные жемчужины. После того как он получил подарок и мы встретились, он был просто в экстазе. Его ошеломила красота моего подарка. Так у нас с ним началась многолетняя дружба. Однажды Слава со своим аккомпаниатором заявили к нам без предупреждения в пять утра. У них состоялся очень успешный концерт в Филадельфии, и они решили заехать и поделиться с нами. К сожалению, с расцветом Славиной известности дружба наша угасла. У него есть много моих работ, и много лет я делала ему специальные запонки, покрытые кожей, чтобы гасился звук, если они касались инструмента.

В 1964 году Дэйвид Кэмбл умер от сердечного приступа. Он помог мне установить профессиональную репутацию, а также стал одним из ближайших наших друзей. В моем сердце осталась яркая и теплая память о нем.

Работа у меня ладилась очень неплохо. Витрина всегда была очень красива и исключительна, вскоре она заработала репутацию. У меня были чудесные заказчики, в большинстве своем они стали добрыми друзьями.

Ирина Бриннер за
работой в своей
мастерской.
1950-е гг.

ПРЕПОДАЮ ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ МУЗЕЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА, 1964 г.

В начале 60-х на меня вышел глава отдела образования Музея современного искусства Виктор Д'Амико и предложил место преподавателя в классах непрерывного обучения при Художественном институте музея. Предложение меня обрадовало. Он давал мне полную свободу в организации занятий. Мне назначили ассистента – он помог заказать нужное оборудование и спланировать устройство класса. Дик работал в музее и семь лет был моим координатором, пока Институт не закрылся, а Музеем не потребовались складские помещения.

Было это больше тридцати лет назад, но до сих пор некоторые мои ученики приходят ко мне за советом. У меня занималось множество знаменитостей. Нашим дорогим другом стал доктор Генри Аллен Моу, свою ювелирную работу начала у меня на занятиях Нома Коупли. В списке ожидания на класс в двенадцать человек у нас было двадцать соискателей. Виктор Д'Амико был замечательный педагог, для меня большая честь с ним работать. Когда я потом уехала в Европу, он написал мне письмо, в котором говорил, что чувствует себя виноватым – он так и не организовал мою выставку в Музее современного искусства, но всегда считал меня выдающимся художником и преподавателем. Уровень знаний у меня был теперь иным, нежели когда я преподавала в Сан-Франциско, да и ученики стали рангом повыше, и делиться умениями и навыками я научилась за эти годы глубже. А кроме того, происходил обмен вдохновением между учителем и учениками, чего раньше я не испытывала.

Ко мне обратилось издательство «Ван Ностранд Райнхольд» – написать учебник по ювелирному делу. У меня уже была рукопись, в которой рассказывалось о моем развитии в этой области искусства. Я им показала написанное и предложила включить объяснение методов работы над ювелирными изделиями в виде фотографий с подписями. Им такая мысль понравилась, и они мое предложе-

ние приняли. Книга «Современный дизайн и методы изготовления ювелирных изделий» вышла в 1968 году; в 1979-м ее переиздали, расширив и дополнив после моей ретроспективы в Женеве. Называлась она по-новому: «Ювелирное дело как форма искусства». Множество раз после этого известные, заслуженные ювелиры мне рассказывали, что моя книга их вдохновила. Слышать такое всегда было приятно.

В 1959 году состоялась моя персональная выставка в Музее современного ремесла в Нью-Йорке. В том же году мне вручили золотую медаль Баварской ярмарки ремесел. Из Дармштадта меня пригласили участвовать в выставке «Двадцать пять всемирно известных художников». Первая строка приглашения гласила: «Арп, Бриннер, Брак и т.д.». Я была в восторге. Одну мою брошь с этой выставки купили и включили в постоянную коллекцию Дармштадтского государственного музея. Каждый год мои работы показывали на каких-нибудь важных мировых выставках. Жизнь моя была полна, интересна и возбуждала.

Мы часто смотрели представления кукольного театра «Маленькие лицедеи». Им управляли двое молодых людей – Фрэнк Пешка и Гордон Мёрдок. Устроен он был как репертуарный театр с пятью актерами-кукловодами. Фрэнк пел и говорил за всех. Мы близко дружили как с самими артистами, так и с их куклами. Смотреть их представления было высокохудожественным переживанием.

В тот период я перенесла две серьезные операции. Одна – гистерэктомия, от нее я утратила ощущение своей полноты, и это повлияло на мои отношения с друзьями-мужчинами. Вторая прошла на желчном пузыре. В той больнице случился комический инцидент. В первый день мне принесли ужин с карточкой, на которой значилось: «мягкая диета». Я сняла крышку с подноса и увидела вареную морковь, картошку и три ломтика мяса. Я вызвала диетолога и спросила, в курсе ли она, что мне показана *мягкая* диета.

– Ну да, – ответила она. – Хорошенько пережевывайте, и еда станет мягкой.

Как-то летом я решила поработать со сварной скульптурой. Сначала я работала со скульптором в городе – сделала там свою первую сварную скульптуру «Реквием Земле». Она состоит из сферы – вроде глобуса, который открывается и являет центр со множеством полых и заполненных пространств. Я хотела сказать: вот что станет с нашей планетой, когда мы с нею наиграемся. Потом мы сняли бунгало в Ливингстон-Мэнор, штат Нью-Йорк. У его хозяина Бада было большое ателье, где можно было варить крупные конструкции. Я увлеклась этой работой, потому что мне нравилась силаковки и сварки огромных скульптурных форм; быть может, мне требовалось противопоставить это своей отточенной, крохотной и нежной ювелирной работе. Я сделала три абстрактные композиции, одна была семи футов в высоту. Как раз тогда человек полетел на Луну. Очевидно, в моей работе это отразилось: скульптуру я назвала «Беременная ракета».

К сожалению, после десятидневных дождей крохотный ручеек по соседству разлился огромной бурной рекой. Вода прибывала очень быстро. Мы ужинали с Бадом и его женой Мадлен в большом доме. Когда я вышла к нам в коттедж переложить все пожитки на столы, вода уже доходила мне до колен. Но минут десять спустя, когда я возвращалась, ее уже было по пояс. Нас пришлось эвакуировать оттуда, а наутро у нашего коттеджа не осталось крыльца, и весь пол покрывало несколько дюймов ила. Отпуск пришлось прервать.

В 1965 или 1966-м у моей двоюродной сестры Веруси нашли рак груди. Несколько лет она жаловалась на то, что всегда ужасно устает. Врачи прописывали ей гормоны, утверждая, что это у нее симптомы менопаузы. А потом она обнаружила огромную опухоль в груди. При операции выяснилось, что рак там развивался уже некоторое время. После операции она протянула всего четырнадцать месяцев. Сердце рвалось от Верусиного вида: она так горела желанием жить – и знала, что умирает. В первое лето после операции казалось, что на лечение она реагирует хорошо, и мы с мамой отправились в Европу.

НАШИ ПОЕЗДКИ В ЕВРОПУ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, 1965–1967 гг.

То был наш первый визит в Европу после моей учебы в школе. Остановились мы у Юла в Лозанне. Он тогда уже развелся с Вирджинией и женился на Дорис. У него было две квартиры, одна – для них с Дорис, которая была беременна. Пока мы там жили, она уезжала в Париж. А поселились мы в гостевой квартире.

Было так восхитительно увидеться со всеми моими милыми друзьями и Monsieur l'Abbé Theuria. Я сходила в церковь, где месье аббат управлял григорианским хором. Ностальгически я вновь слушала эту изысканную музыку. После репетиции я дождалась его у выхода из церкви. Сначала он меня не узнал, но когда пригляделся, был очень счастлив снова меня видеть. Я никогда не забуду этого человека, чьим делом жизни было создание дома для незамужних матерей. Когда мы впервые тихо встретились у него в кабинете, я призналась, что стала плохой католичкой – пропускаю много служб, а молитвы мне часто заменяет работа. Перед ним лежали мои ювелирные изделия. Он посмотрел на меня с огромными любовью и состраданием и сказал:

– Дитя мое, о чем вы говорите? Что, по-вашему, эти произведения искусства, как не молитва Господу? Молиться и беседовать с Богом можно множеством способов.

Как же точно он это сказал. Много раз в жизни, когда я что-то делала в искусстве, у меня бывало ощущение, что некое присутствие гораздо больше меня пользуется мною как своим инструментом. Однажды, уже позднее, я делала *панагию* – изображение Богоматери – для одного греческого епископа. Я вырезала ее из окаменелого пальмового дерева. И всякий раз, касаясь ее алмазным треугольным долотом, я могла бы все испортить, но Кто-то направлял мою руку – я чувствовала Его присутствие.

В 1965-м мы отправились в Советский Союз – в Москву, Ленинград, Киев и Ялту в Крыму. Интурист нас почему-то в аэропорту не

встретил. Кто-то помог – посадили нас в автобус. Сначала мы должны были ехать в Ленинград, поэтому следовало из одного аэропорта перебраться в другой. Мы сидели лицом к пассажирам автобуса, и всем было любопытно, кто мы такие и откуда. И всю поездку мы разговаривали с этими людьми. Очень много чувства в этом было, ведь мы вернулись в Россию впервые после нашего бегства. Все были к нам добры и дружелюбны. По приезде в другой аэропорт – снова без Интуриста – носильщик, помогавший нам с багажом, спросил, куда мы едем, куда ему доставлять чемоданы, и мы рассказали ему всю историю. Он нашел там контору Интуриста и отвел нас туда. Когда я у него спросила, сколько мы ему должны, он ответил:

– О нет, вы наш гость. Деньги мне не нужны.

В Ленинграде мы навещали мамину подругу детства и ее семью, где нас очень хорошо привечали.

Мы без конца ходили по музеям и театрам. От скифского золота в Эрмитаже у меня захватило дух. В результате я подружилась с директором этого музея и другими работниками. Мне выписали профессиональный пропуск, по которому я могла беспрепятственно ходить на все выставки и фотографировать. Кроме того, я прочла работникам Эрмитажа лекцию о своей ювелирной работе.

Затем мы отправились в Киев – прекрасный город с особой теплотой в своей атмосфере. Все, с кем мы там встречались на улицах, были открыты и разговорчивы. Какие-то старушки у церкви пытались убедить мою маму, что ей следует вернуться в Россию: негоже, мол, умирать на чужбине.

В Крыму же меня повсюду шокировала разница, с которой обходились с русскими туристами, просто ужас. Русским приходилось стоять в очередях раз в десять длиннее, даже меню у нас с ними были разные.

В Москве каждый вечер мы ходили в театр. Красота Кремля и множества старых зданий поражала величием. Гуляя по улицам Москвы, я обнаружила относительно небольшой домик семейства Романовых – ныне музей вышивки, – выстроенный в русском фоль-

кlorном стиле: крохотные изукрашенные окна, низкие двери. Это открытие меня заворожило.

Большой театр во всей его огромности, с красными и золотыми интерьерами, поразил меня так же, как и в детстве.

Снова в Россию мы отправились в 1967-м, а по пути заехали в Швейцарию к Юлу. Они с Дорис теперь жили в местечке под названием Шаниваз на Женевском озере¹, в большом доме с огромным садом. Их дочери Виктории уже исполнилось три – обворожительное дитя. Дорис снова уехала в Париж, как только мы прибыли. У Юла было много животных – больших и маленьких собак, а также отвратительная маленькая обезьянка. Я почему-то не переносила, когда она хваталась за меня своими человеческими ручками. Кроме того, у Виктории была крохотная лошадка из Аргентины. С Юлом мы очень мило повидались – катались на быстроходном катере, купались в озере. Однажды нам искупаться не дал их семейный лебедь: у них жил лебяжий выводок, а мы для них были чужаками.

Проведя с Юлом несколько недель, мы отправились в Советский Союз, на сей раз – только в Москву и Ленинград. Оба раза у нас бывали трудности с приличным размещением. Водитель отвез нас в Останкино (за Москвой). Мы приехали по люксовой визе, выданной Интуристом, и наши требования были там обозначены в письменном виде и оплачены заранее. Когда же после долгих пререканий мы приехали в гостиницу «Интернационал», нас заселили не в номер-люкс, а в два совершенно отдельных номера. Я потеряла один день, но в итоге добилась желаемого – стояла на своем и даже грубила Интуристу.

В первый наш день там был праздник, все музеи закрыты. Мы попросили машину и поехали по Москве. Шофер, молодой человек, затем предложил съездить в лес, к реке. Дело было в июне, погода стояла чудесная. Он подобрал по пути друга с гитарой, и в лесу они расстелили нам куртки, мы все уселись и пели русские народные песни. Это

¹ Шаниваз – Jardins de Chanivaz – общее название нескольких вилл, расположенных в деревне Бушилон (Buchillon) округа Морж кантона Во на берегу Женевского озера.

было очень приятно. Затем шофер пригласил нас к себе в квартиру неподалеку, где три человека жили в двух комнатных с кухонькой. Поведение молодого человека в тот период в Советском Союзе было отчаянно храбрым. Нам в гиды его больше никогда не давали.

Мы повидались с Ростроповичем, который повел нас слушать «Войну и мир» Прокофьева с Галиной Вишневской в главной партии. Нас пригласили к ним домой, где познакомили с дочерьми. Галину, его жену, мы уже знали по Нью-Йорку.

В Ленинграде нас опять встретили друзья. Я пошла в Эрмитаж и попросила директора меня принять – мне хотелось опять получить разрешение снимать и еще раз прочесть лекцию с показом слайдов. Я все ждала и ждала, пока не начала жаловаться: у меня не очень много времени, несправедливо заставляя меня столько ждать. А потом обнаружила, что они меня приняли за советскую гражданку с Дальнего Востока.

Стояло время белых ночей, когда в полночь еще так светло, что читать можно, не зажигая света. Отчего-то в воздухе там разлито столько энергии, что спать никому и не хочется.

Я получила профессиональный пропуск в Эрмитаж и фотографировала там, в основном – скифское искусство. Наша дружба с работниками музея все больше укреплялась, и я им прочла лекцию со слайдами об американских ювелирах.

На обратном пути мы остановились в Финляндии. Я никогда еще не видела столько крохотных островков. Хотя пейзаж очаровывал, мне было трудно общаться с людьми: язык там до того отличается от всех прочих, что даже «кофе» звучит странно.

Затем мы остановились в Стокгольме, Швеция, где посетили необычайный городок на острове Готланд в Балтийском море, наполненный мешаниной шведских домиков с цветами на подоконниках и руин средневековых церквей. Однажды мы там гуляли вечером и слышали из руин музыку. То была репетиция концерта, который состоялся несколько дней спустя. Всем пришедшим на него раздали одеяла – было очень холодно. Исполняли средневеко-

вую литургическую пьесу, это как опера. Висбю остался у меня в памяти гораздо крепче Стокгольма.

Затем мы переехали в Голландию – посмотрели дом Анны Франк, посетили Рейксмюзеум, где увидели их коллекцию Рембрандта.

От Веруси пришло письмо – она писала, что неважно себя чувствует, ей страшно и не могли бы мы вернуться.

СНОВА В НЬЮ-ЙОРКЕ, 1967 г.

Наконец мы вернулись домой в Нью-Йорк – к моей мастерской, к работе. У Веруси со здоровьем стало хуже. Юл не разговаривал с сестрой с тех пор, как она выдала так называемую «подлинную историю» его жизни газетчикам: случилось это года за два до болезни. Всю свою жизнь в искусстве Юл рассказывал газетам множество разных фантастических историй о своем происхождении: что мать его была цыганкой, умерла его родами и так далее. Такие истории его сестру всегда оскорбляли. Забыв о том, что с самой ее беременности Юл платил за профессиональное обучение Роя и фактически содержал их, она рассказала все, что знала, когда одна газета попросила у нее эту подлинную историю. Но, несмотря на это, услышав, что сестра его очень больна, Юл кинулся к ней, отбросив все свои скверные чувства.

Рак уже расползся везде, она очень страдала. Но ее воля к жизни и желание жить ошеломляли. Она едва могла двигаться, но все время твердила:

– Я хочу жить, даже если я инвалид, я все равно хочу жить.

Последние две недели перед смертью она провела дома, мы с мамой ездили к ней каждый день; Юл тоже бывал. Скончалась она 12 декабря 1967 года. С таким тяжелым ударом справиться трудно. Ее пятнадцатилетняя дочь осталась в растерянности и опустошении. Она злилась на мать, не хотела принимать меня как друга. Я тут могла мало что сделать.

Я с головой ушла в работу, мой бутик процветал благодаря крепнущей репутации и группе постоянных клиентов. Близкими друзьями и покровителями стали для меня Лэрри и Элли Блодел. Дважды в год Лэрри покупал у меня что-нибудь для своей жены – ей на день рождения и к Рождеству, поэтому в итоге у них собралась фантастическая коллекция. Они жили в Уильямстауне, штат Массачусетс, и я время от времени их там навещала – любовалась их буквально музейной коллекцией искусства XX века. В 1971 году я участвовала в конкурсе на соискание Всемирной алмазной премии – сделала ожерелье из золотых самородков, цветных алмазов и 22-каратного золота. И эту награду выиграла. Эта премия в ювелирном искусстве – сродни «Оскару». К сожалению, работу два года спустя украли из галереи Ли Норднесса, но это уже другая история.

Такая радость была делать работы под заказ разных людей. Зная их вкусы и характеры, я могла разрабатывать произведения, отражавшие их личности. По моему мнению, получалось обоюдосторонне: ювелирное изделие украшает того, кто его носит, а владелец украшает собой работу. Владелец не должен чувствовать, что это украшение: оно должно восприниматься как его или ее неотъемлемая часть.

Живя в Нью-Йорке, мы каждое лето выезжали куда-нибудь в деревню. Однажды поселились в домике под Тэнглвудом, на западе Массачусетса. Рядом располагался мраморный карьер, заполненный дождевой водой, – он служил потрясающим плавательным бассейном. Еще мы ездили в разные места на Лонг-Айленде.

Одно такое лето оказалось для меня особо мучительным, потому что я переживала тяжелую менопаузу. Спазм диафрагмы был такой, что создавалось ощущение – я не могу дышать, если сознательно не буду об этом думать. Все это очень выматывало.

Вскоре после смерти Веруси у меня в правой груди обнаружились кисты. Я испугалась, но та оказалась доброкачественной. После больницы за мной начал ухаживать один семейный врач. Наполовину албанец, наполовину итальянец, очень симпатичный мужчина. Тем не менее я быстро поняла, что отношения эти – чисто физи-

Серьги работы Ирины Бриннер. 1970 г.

ческие. Духовной связи меж нами не было. Все было неправильно, и я эту связь потом прекратила.

Серьезно я привязалась к Оппи – крайне талантливому ремесленнику и писателю, он знал бесчисленное множество влиятельных художников со всего мира. Мне очень нравилось с ним всем этим делиться, но к прочной связи я была не готова. Мы просто оставались чудесными друзьями. Затем Оппи уехал из страны и женился на финской дизайнерше.

Конец шестидесятых и начало семидесятых были нелегкими годами. Мы с мамой жили одни в нашем городском особняке. К нам наверх ходил крохотный и ненадежный лифт, и по вечерам у нас не было способа общаться с внешним миром в случае нужды. В результате, возвращаясь домой после концерта или спектакля, мы не могли подняться в нем вместе, приходилось ехать по очереди. Кроме того, мы понимали, что вломиться в дом с крыши не очень сложно.

Меня окружали кнопки сигналов тревоги – и в маленькой моей лавке, и в квартире. Часто тревога срабатывала ложная, и сотрудники охраны пугали меня до смерти, приезжая посреди ночи. Дважды кто-то пытался украсть у меня из лавки мои работы. Милый полисмен, навещавший меня в бутике, все время повторял:

– Я за вас беспокоюсь – вы тут как мишень в тире.

Стоимость аренды поднялась, и доходы наши сократились; мы боялись оставаться одни в доме. Наконец мама сказала мне, что она от всего этого устала.

– Давай переедем в Швейцарию. Женева – международный город, ты сможешь там работать.

Я была очень против такого переезда. Начинать сызнова трудно, а ехать для этого в Европу казалось слишком крутой мерой. Поскольку у меня было двойное гражданство, проблем с работой у меня бы не возникло. Хотя я и сомневалась, но все же начала писать коллегам в Швейцарию, спрашивать совета.

Но наконец я сдалась, и мы стали готовиться к переезду. У меня было чувство, что я своими руками уничтожаю все созданное за

семнадцать лет в Нью-Йорке. Мне кажется, это было едва ли не самое трудное мое решение в жизни. Я любила Нью-Йорк, любила своих друзей, любила свою лавку. Я знала, что никогда больше не суждено мне такого иметь.

ЖЕНЕВА, 1972 г.

В 1972 году мы переехали в Женеву. Я попросила друзей подыскать нам квартиру-студию – останавливаться в гостинице было бы очень дорого. Знакомая из Локарно нашла нам такую. Приехала на нее взглянуть: на первом этаже там располагался ночной клуб. Но когда она встретилась с риэлторами, те заверили ее, что сдают квартиры только семьям. И она подписала за нас договор с ними на год. На самом деле оказалось, что это бордель. Клуб снизу пользовался этими квартирами для своих шлюх и их клиентов. По ночам там дрались и орали. Однажды ночью кто-то начал швыряться на лестнице кастрюлями и сковородками и непристойно ругаться. Мужчины звонили мне по телефону и предлагали прийти провести со мной ночь. А несколькими годами ранее в заведении и вообще кого-то убили. Мою бедную маму все это до того расстраивало, что мы уходили гулять часа на три, лишь бы не сидеть дома.

В то время найти хорошую квартиру под съем было невозможно. Я начала искать квартиры на продажу и довольно быстро нашла одну такую в приличном жилом районе. Решение нужно было принимать немедленно – на нее уже было несколько покупателей. Я отправила телеграмму Юлу с просьбой одолжить мне двадцать пять тысяч долларов и обещанием вернуть как можно скорее, когда выставлю на продажу мой дом в Калифорнии.

Это нас спасло, и мы стали владельцами квартиры: две комнаты, посередине прихожая, кухня. С помощью адвоката нам удалось расторгнуть договор аренды прежней квартиры и въехать в новую.

ГЛАВА 10

ОБУСТРАИВАЕМСЯ В ЖЕНЕВЕ, 1972 г.

Поразительно, с какой энергией мама взялась за устройство нашего нового гнездышка. Откуда брались только силы у этой 82-летней женщины? За три недели квартира приобрела обжитой вид, стала теплой и знакомой. За мебелью мы отправлялись в большие универсальные магазины. Поскольку книг у нас было неисчислимое множество, первым делом нам требовались полки. Кровати у нас уже были – с выдвигаемыми ящиками под низом. Магазин, в котором мы покупали, был на грани закрытия, поэтому они с радостью предоставили нам особые цены и даже оделили подарками. Мне требовался верстак. Настоящий ювелирный стоил в Швейцарии дорого. Так этот магазин подарил мне один свой прилавок, и я сама переделала его в верстак: вырезала полукруглую выемку, добавила кожаный фартук ловить металлическую стружку и чтобы ничего не падало на пол. Верстак получился изумительный.

Прибыли наши пожитки, и квартира стала напоминать настоящий дом. К сожалению, контейнер с вещами протек, и от этого пострадало только пианино. Мама была безутешна. Мы обратились к представителю «Стайнуэя» в Женеве, и они едва не погубили инструмент: все до единой ноты теперь звучали иначе, у всякой ноты была иная окраска. Потом я связалась со «Стайнуэем» в Лейпциге. Они сообщили имя частного мастера, который за год восстановил прежний звук.

Мы наслаждались множеством новинок, которых не было у нас в Нью-Йорке. Дважды в неделю на улицах устраивали продовольственный рынок – свежие деревенские фрукты, ягоды и овощи, в них почему-то чувствовалось больше вкуса, нежели мы ощущали в Америке. За первые две недели я так объелась ягодами, что у меня болел живот.

Следовало думать о работе. В Женеве жил очень знаменитый ювелир Жильбер Альберт. Я позвонила ему и попросила о встрече.

– Вы очень известны здесь, я – в Нью-Йорке, – сказала я. – Мне кажется, нам нужно познакомиться.

Он был чарующ, предложил помочь мне советами, которые были мне нужны. К сожалению, выяснилось, что советы его не очень полезны. Впоследствии, когда я прочнее обосновалась в этом городе, наши отношения совсем расстроились.

И снова мне на выручку пришло «чудо». Пока я никого здесь не знала, но решила одна сходить в американский клуб, где устраивали бал на День труда. На мне было черное открытое платье – мне его связала мама, – и я надела свою большую брошь с подвеской, черным опалом в шестнадцать карат. Видя, что я одна, пожилая британская пара пригласила меня за свой столик. За ужином к нам бросилась молодая женщина и очень возбужденно спросила, кто изготовил мою брошь.

– Я известный ювелир из Нью-Йорка, это моя собственная работа.

– Вот моя карточка, позвоните мне завтра, пожалуйста.

Женщину эту – Дэйзи – только что наняла в Женеве влиятельная ювелирная фирма заниматься связями с общественностью. Ей дали задание – отыскать нового современного ювелира, чтобы показывать его работы в демонстрационном зале их магазина. Времени мне дали до середины ноября – закончить все новое, что требовалось для этой выставки. Я работала, как безумная, и подготовила очень красивую коллекцию. Мы заключили соглашение: я даю им

твердую цену, которой они манипулируют, как хотят, если только я получу запрошенную сумму.

Открытие было чудесным – собралось сотни три гостей. Там был Юл; его присутствие они так раздули, что меня даже немного раздражало. Я в шутку спрашивала у них:

– Вам что важнее – лысина Юла или мои украшения?

Выставка бы удалась и мне бы представилась чудесная возможность начать работу в Женеве, но хозяева затеяли мерзкую игру. Через несколько дней после открытия выставки они, сияя, пришли ко мне: уже появился клиент, который хочет купить одно из моих важных ожерелий.

– Но возникла небольшая проблема. Мы дали ему скидку в тысячу франков.

– Это ваша проблема, не моя.

После чего мне заявили, что, если я не хочу играть с ними в эти игры, они предпочтут понести убытки, но не пустят на выставку больше ни одного клиента. Целый месяц я просидела там, как в гробнице. Никого туда не отправляли посмотреть мои работы. Я так и не поняла, в чем был смысл такого странного поведения. Но люди все равно узнали мое имя. Мне просто нужно было найти другие способы показать им свою работу.

В Женеве я была очень несчастна. После любимого Нью-Йорка она казалась мертвой. Мы начали ходить на концерты в Зал Виктории, по которому женеvцы так ностальгируют. Я это темное помпезное место просто возненавидела. И публика в нем выглядела столь же напыщенной. После Нью-Йорка мне все казалось каким-то второсортным. Там был славный музей древних инструментов. Они давали концерты средневековой музыки, на которые мы с мамой регулярно ходили и где даже подружились с музыкантами. А вот театральные представления я сочла просто не очень интересными.

Женева – унылое место, и я это чувствовала очень остро. Я много плакала, у меня бывали приступы депрессии. Это мне совсем не свойственно. Мне просто было очень трудно найти себя в этом хо-

лодном и равнодушном мире – красивом снаружи и ледяном внутри.

Наконец я нашла способ участвовать в выставках ремесел. Так сложился шаблон, которому я следовала все годы, пока жила в Женеве: несколько небольших выставок каждый год в небольших галереях по всей Швейцарии поддерживали меня на приемлемом уровне комфорта. Но вскоре возникла еще одна проблема. Швейцарская ремесленная организация решила не принимать меня к себе.

– Нет, – заявили мне, – вы американский ремесленник, а не швейцарский. Вы не можете участвовать в Национальной выставке.

– Но я же гражданка Швейцарии, и сейчас я живу здесь.

Однако из этого ничего не вышло – пришлось утереться и продолжать жить по-своему.

Я стала обзаводиться новыми друзьями и знакомыми, находить новые галереи. А кроме того, начала учиться икэбане (это японские цветочные композиции). От этих занятий я получала грандиозное удовольствие и завела там много прекрасных друзей. Наш преподаватель Сюку Икэда стал моим дорогим другом.

В Женеве есть красивая русская православная церковь, и мама, хоть и не была особо набожна, всегда любила туда ходить слушать музыку: ей нравилась вечерня по субботам. Я по-прежнему оставалась католичкой, поэтому по субботам ходила с мамой, а в воскресенье шла в католический храм. Мне все равно, в какую церковь ходить, и те две стали обе для меня очень важны.

Как я уже говорила, мама ослепла на один глаз, а на другом у нее была катаракта – она даже не могла больше играть на фортепиано. В США врачи предпочли не делать ей операцию – они знали, что если та не удастся, мама ослепнет совсем. А вот врач в Женеве убедил ее пойти на риск. Он ей сказал, что ему кажется, она должна ее сделать и наслаждаться дальше жизнью вокруг. И мы решили согласиться.

Больница, в которой маму оперировали, располагалась в симпатичном старом здании. Мне нужно было дойти до конца улицы, пересечь дикое поле – и я была в ней: огромные отдельные палаты с широкими балконами смотрели на очень красивый сад.

Операцию предполагали делать под местным наркозом, поэтому я не волновалась. К несчастью, маме вкололи слишком большую дозу, и после операции она всю ночь провела не в себе. Мне было трудно с этим всем справиться. Пришлось просить больничную сиделку остаться с мамой, чтобы я смогла вернуть себе равновесие.

На второй день врач снял бинты. Мама огляделась – и рассмеялась. Восемь лет все было для нее серым, а тут вдруг она увидела, какого цвета небо, зеленые деревья. Она была ошеломлена.

Врач – Джон Б. – продержал маму в больнице неделю. И он сам, и его жена, и старшая медсестра – все они стали нашими дорогими друзьями.

Юл тоже был в городе и навещал нас в больнице, а потом приехал отвезти ее домой. Операция прошла успешно, и я давно не видела маму такой счастливой. Они подружились с доктором Джоном. Она была ему очень благодарна за то, что теперь видит гораздо лучше прежнего: всю жизнь она была весьма близорука. Каждый день мы с ней ходили в парк смотреть на белок, птиц и звезды ночью. Теперь она вновь могла играть, а это для нее и для меня было большим источником радости. Я снова могла петь под ее аккомпанемент, что дарило нам радость всю жизнь.

Казалось, жизнь меняется к лучшему. Я работала, мои произведения выставляли в галереях. На занятиях по икэбане раз в год устраивали выставки цветочных композиций. Круг моих друзей рос.

Одной из ближайших моих подруг была Розмари, красивая молодая дама. Она была ткачихой, художницей, делала декоративные металлические панели. К сожалению, когда мы с ней познакомились, она уже боролась с рассеянным склерозом, и мне было трудно смотреть, как она сражается с болезнью. Она заставляла себя хо-

доть. Я могла бы написать целый отдельный рассказ о ее упорстве и мужестве.

Мы с мамой вступили в русский литературный клуб – часть русской школы переводчиков. Каждый месяц перед нами выступали свежеприбывающие литературные силы Советского Союза. Говорили они, в основном, о собственной работе или творчестве современников. Поэты читали свои стихи. Иногда такими гостями оказывались актеры, и мы могли углядеть, что собой представляет русский театр. После лекции мы встречались в кафе и теснее общались с этими замечательно мужественными людьми. Там я познакомилась с Наташей – большой и типично русской блондинкой, душевной и добродушной; она была замужем за итальянцем. Жили они в Женеве, куда переехали из своего прежнего жилья в Югославии. Она была мне очень верным другом всю мою жизнь там.

Лючия, женщина из Локарно, нашедшая нам нашу «знаменитую» первую квартиру, которую мама называла нашей «альма-матер», часто приглашала нас в гости в их симпатичный дом в Локарно. Она была замужем за окулистом Юлианом.

Через год после маминной операции мы их навестили. Вечером, когда нас позвали к ужину, мама отдыхала. Хотела встать, но не смогла. Она утратила равновесие. Это было страшно. Лючия вызвала врача, и, когда все объяснила, тот сказал, что нам нужно готовиться к серьезной ситуации.

Несколько месяцев спустя, уже дома, в кухне мама вновь потеряла равновесие. Я начала разговаривать с разными врачами. Мне не нравился их подход:

– Ну, перемены в таком возрасте неизбежны.

Ей было восемьдесят три. Наконец я нашла чудесного молодого врача по имени Ив. Он оказывал мне прекраснейшую поддержку все время, пока мама болела.

Чтобы поставить ей диагноз, ее положили в гериатрическую клинику – огромное современное здание, очень хорошо оборудованное, с чистыми приятными палатами, в основном – индиви-

дуальными. В вестибюле у них стоял большой аквариум с просто невероятным ярко-красным крабом. Никто не мог пройти мимо и не посмотреть на разнообразных рыб и прочих существ в этом аквариуме.

В первый день меня попросили не приходить до вечера. А когда я пришла, от увиденного у меня защемило сердце. Дома мама всегда ела за обеденным столом в столовой и одна. Мне не нужно было ее кормить. Вечером же, придя в больницу, я увидела, что она сидит в кругу с другими старушками.

Сидела она неловко, как-то боком, жевала. Я спросила, в чем дело.

– Они решили, что я ем слишком медленно, поэтому принялись совать еду мне в рот, я не успевала глотать.

Я пришла в ярость: за один день мою маму состарили на несколько лет.

Почему-то ходить за этими и без того смятенными женщинами ставили медбратьев. У мамы он был черный, очень милый парень, которого она звала «Сафари». Потом кличку она ему поменяла на «Лумумбу». Я сочла, что это доказывает – чувства юмора она не потеряла.

Большинство врачей в той больнице были интернами. Врачиха, назначенная маме, в основном пыталась показать пациентам и их родне свою власть. Я в больнице проводила все время с девяти утра до девяти вечера. Однажды маму увезли на томографию в другую больницу, а мне с ней поехать не разрешили. Сказали, что вернется к полудню. В пять ее еще не было, и я ужасно волновалась. Когда ее привезли, вся ее плотная вязаная шерстяная юбка была такой мокрой, что с нее текло. Весь день ее ни разу не отвели в туалет, не поменяли подгузник. Я расплакалась, видя такое отношение. А однажды, когда я позвала сестру, чтобы помогла мне с маминым туалетом, она повела себя со мной так резко и грубо, что я попросила ее выйти вон из палаты. Она отправилась жаловаться к врачихе, и та меня отчитала за то, что я мешаю сестре работать.

Пришли результаты томографии. У мамы обнаружили опухоль в правой фронтальной доле мозга. Та же врачиха сказала мне, что маму нужно оперировать. Никакого сострадания в ней не было – ни к больным, ни к тому, что их окружало. Я такого хамства и грубости терпеть больше не могла и заявила ей:

– Извините, но решать, как поступать с моей матерью, будем мы с моим врачом. Ваше отношение к пациенту все равно неэтично, и я сожалею, мадемуазель, но считать вас врачом никак не могу.

Выйдя из той клиники, мама была очень слаба, к тому же подхватила пневмонию в легкой форме. Мы с нашим врачом пришли к решению, что мучить ее операцией на мозге не следует. Я пошла поговорить с главным хирургом Женевской больницы. Его мнение было: оперировать нужно, это может продлить ей жизнь на несколько месяцев. Я ответила:

– Нет, спасибо.

Еще пять месяцев я ухаживала за мамой дома сама. Последние три месяца приходили ночные сиделки. Наша любящая соседка, которую мы звали *Няечка*, была социальным работником. Она помогала мне мыть маму, а иногда заходила посидеть с ней, чтобы я могла выйти из дома.

В начале маминой болезни я много плакала. Поэтому мама меня позвала и сказала:

– Я не хочу жить в постоянной трагедии. То, что у меня сейчас, лучше не станет, станет только хуже. Пожалуйста, сходи к врачу и попроси его тебе помочь.

Таблетки антидепрессантов, которые он мне прописал, позволили не превращать всю жизнь в трагедию и дали мне возможность работать по профессии.

Еще в начале маминой болезни мне предложили возможность сделать выставку моих ювелирных работ в сочетании с цветочными композициями: «Икэбана, вдохновленная ювелирными изделиями Ирины Бриннер». Она должна была состояться в цоколе «Le Petit Palais». Все стены этого помещения, сохранившегося еще со

Средних веков, были сложены из огромных каменных глыб с большими и малыми нишами в них.

Спонсором выставки была Тереза, жена того окулиста, который оперировал маму, и состояться она должна была в начале марта. Мне следовало подготовить новые работы, поэтому, когда мама отдыхала, я работала.

В то же время еще одно предложение поступило из Парижа. Знаменитый парикмахер Александр открывал новый салон «Александр Матиньон». Пока мама еще была в клинике, я слетала в Париж – лишь пообедать и все обговорить с месье Александром. Мы решили, что раз моя ювелирная работа – такая особая, органичная и романтическая, выставить ее надо на шелковых шарфах, перчатках и африканских деревянных головах. Я пообещала сделать им головные украшения. Ту выставку тоже назначили на весну.

Все эти предложения помогли мне не утратить непрерывности происходящего; я не могла остановиться, нужно было продолжать.

Мама с каждым днем все больше слабела, у нее пропадала связь с реальностью. Казалось, что все дорогие ей люди из прошлого присутствуют у нее в воображении. Однажды я пыталась снова научить ее вязать – она всю жизнь очень умело вязала; а теперь не справилась с координацией и решила подождать свою маму – та придет и ей поможет. Или когда я спросила, хорошо ли она спала, она ответила:

– О да, приходил Иосиф Гофман, поиграл мне.

А он раньше был ее любимым пианистом.

Однажды я ей сказала, что хотела бы спеть что-нибудь, если она мне поиграет, мы же давно с ней вместе не музицировали. Да, ей этого тоже очень бы хотелось, но у фортепиано она взяла одним пальцем ноту и спросила, почему я не пою. Поэтому я пела сама, а она время от времени брала то одну ноту, то другую. Потом устала. Все это было мучительно.

Юл предложил мне оплачивать горничную, чтобы всю свою энергию я расходовала на маму. Я нашла энергичную и заботли-

вую баскскую женщину по имени Аврора – просто подарок судьбы. Она работала у меня до моего отъезда из Швейцарии и стала моим ближайшим другом. График у нас был строгий. Трижды в день мы питались в кухне. Каждый день я вывозила маму в каталке в парк погулять.

Начиная с декабря у нас регулярно дежурили ночные сиделки. Несколько были приятными, нескольких я б лучше в жизни не видела. Однажды я отправилась на лекцию, а маму оставила с сиделкой. Когда вернулась, маме было очень плохо, ее рвало. Посреди ночи я услышала, как сиделка ее шлепает и кричит:

– Дышите, дышите!

Я вбежала. Мама перестала дышать. Я велела сиделке сделать ей искусственное дыхание. Та ответила, что без техники не умеет. Поэтому я сама сделала, что могла, и мама ожила. С большими сложностями мне удалось наконец вызвать нашего врача. У мамы была пневмония и высокая температура. Ив настаивал, что ее нужно немедленно госпитализировать. Я согласилась, но при условии, что поеду с ней, однако в больнице такое не разрешалось.

– Тогда я буду заботиться о ней дома.

Мой врач в то время волновался, хватит ли мне сил и выдержки. Я его заверила, что мне будет гораздо лучше, если она останется со мною дома, чем без меня в больнице. Ив пообещал, что сделает все возможное, чтобы нам обоим было удобно.

Я стала спать у мамы в комнате. Она была очень слаба, глаза у нее блестели, лицо пылало. Я спросила, как она себя чувствует, и она ответила: очень хорошо. Не похоже было, чтоб она в этом сомневалась. Когда пришла Нянечка, мама ее за все поблагодарила.

Однажды ночью она не могла пошевелинуться и попросила, чтобы я пришла и легла с нею. У нее не было сил поднять руку. Она попросила ее обнять и с необычайной нежностью произнесла:

– Я так тебя люблю.

То стали ее последние слова, сил говорить у нее больше не было.

На следующий день, в субботу, она уже не могла глотать, мне пришлось смазывать ей во рту тампоном. Я знала, что она умирает. Вызвала врача, и он пообещал приехать как можно быстрее.

Приехали мои подруги Наташа и Лючия, в доме была Нянечка вместе с Марианной, медсестрой из больницы. Все они сидели в глубине комнаты, а я – у мамы на кровати. Она посмотрела на меня так, словно хотела запомнить меня навсегда. Я знала, что она по-прежнему со мной, потому что, глядя на нее, я закрывала глаза и она отвечала мне тем же. Эту связь мы поддерживали до конца.

И вот приехал врач. Все наши друзья вышли из комнаты, мы остались одни. Мамины глаза были закрыты, она слабо постанывала. Ив вколол ей миорелаксant. Мы сидели с двух сторон кровати. Вдруг мама тихо вскрикнула, похоже было на «да, да, да», и лицо ее стало кривиться. В тот же миг рука Ива закрыла мне глаза. Такое чувство, что рядом был брат, оберегал меня от боли. Мамы не стало. Я поцеловала ее, сняла с пальца кольцо, которое она всегда носила, и надела себе на руку. Позвали друзей. Все собрались у маминой кровати. Я потеряла сознание, и меня унесли в мою комнату. Потом вышла снова – еще раз поцеловать маму. Потом сказала:

– Я не хочу больше видеть ничего другого.

Закрывает дверь и вышла наружу, лишь когда мамино тело уже увезли.

Назавтра все наши друзья собрались в похоронной конторе, где ее кремировали. Я не пошла; я не хотела видеть гроб. Осталась дома – держала ее портрет и играла русский православный реквием, *панихиду*. На следующий день пошла и забрала мамин прах – урна семь лет простояла в ногах моей кровати, пока я не переехала в Нью-Йорк и не захоронила ее на том же участке, где погребли ее сестру Марию и племянницу Верусю.

ГЛАВА 11

ОДНА, МОЯ РАБОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ, 1975 г.

Я вступила в новый период своей жизни. Я осталась одна. В начале это одиночество ошеломляло. С первой же ночи после маминой смерти со мной никто не оставался. Отчасти я была этим довольна. Можно было лежать на маминой кровати и плакать, тихо или громко, меня бы никто все равно не услышал.

Однако в первую очередь следовало жить дальше. Моя выставка в «Le Petit Palais» открывалась через две недели. Мама умерла в субботу, а в воскресенье я попросила Лючию, задержавшуюся в Женеве, помочь мне составить списки приглашений. Мне было легче от того, что я могла это сделать. После чего мне пришлось встречаться со всеми, кто участвовал в подготовке выставки.

Свои ювелирные работы я разделила на группы по цвету: белые (с жемчугом), опалы, разноцветные камни, золото и серебро. Миниатюрные букеты, размещенные на плоских витринах, отражали эту цветовую гамму. В стенные ниши и на столы расставили большие декоративные композиции икэбану. Мне было трудно, но в то же время необходимо – так вынужденно сосредоточиваться.

Открытие – *вернисаж* – было прекрасным, со всеми этими невероятными цветочными композициями. На него пришли все мои друзья, они буквально осыпали меня всю своей теплотой, любовью и сочувствием, просто как бальзам на раны. За организацию выставки отвечала Тереза, и это очень помогло мне прийти в себя.

Юл сказал мне, что Аврору я могу оставить у себя еще на целый год, – он об этом позаботится. Это невероятно помогло тоже. Она ухаживала за мной, как за своей родней, чтобы я могла работать, не беспокоясь о повседневных делах.

Я за всю жизнь так привыкла всем делиться с мамой, что заполнить пустоту было трудно.

Месяца за два до маминой смерти я купила магнитофон. Я пыталась записывать наши с ней разговоры. Мама не очень шла на такие беседы, приходилось ее подталкивать. Но у меня осталась целая пленка с ее голосом. Я очень любила возиться с магнитофоном, пытаюсь понять, как им пользоваться. Чтобы запечатлеть свои сны, я обнаружила, что, если не открывать глаза, я их запомню и запишу на кассету. По вечерам я вспоминала, что делала за день, – как будто с мамой разговаривала. Было начало весны, на заре птицы пели свою любовные песни, даже когда еще не рассвело. Все это попадало в мои истории о жизни. Что-то вроде психоанализа. Я говорила, а потом слушала, что сказала. Делала я это регулярно больше двух лет. По-моему, это очень мне помогло.

Я носила мамины платья. Она всегда одевалась в черное, и ничего другого я в то время тоже больше не носила. Каждый день надевала длинную золотую цепочку, которую сделала ей. По-русски я написала стихотворение, которое переводится так: «Мама милая, прихожу домой, а тебя здесь нет. Как мне жить без тебя? Я облачаюсь в твои платья, ношу на шее твою цепочку. Но у нас дома так пусто». Мне нужно было почувствовать, что она рядом. Пришло это чувство не сразу, но потом она всегда была со мной – я физически чувствовала ее присутствие и ощущаю его до сих пор.

Приближалась моя выставка в Париже. Перевозить экспозицию из одной страны в другую в Европе нелегко. Например, для того, чтобы заслужить право продавать свои работы с выставки, мне следовало заплатить таможене эквивалент двух третей стоимости моих работ. Сумма составила семьдесят пять тысяч швейцарских франков – столько денег у меня не было, поэтому мне не разрешили

ничего продавать непосредственно. Я могла лишь собирать заказы и высылать их после окончания выставки.

На границе мне пришлось пройти через швейцарскую таможеню; затем меня ссадила с поезда французская – осмотреть мои работы. Я знала, что поезд ждать вечно меня не станет, и поэтому нервничала. То был настоящий кошмар. Наконец я снова села в поезд и поехала дальше в Париж.

Там я сняла крошечный номер в семейном отеле «Шатобриан». Окна выходили в лифтовый колодец, но за пятьдесят франков в сутки номер меня устраивал. Отель располагался между Фобур-Сентр-Оноре и Рон-Пуан-де-Шанз-Элизе. До выставки у Александра Матиньона – меньше полквартала.

Наутро я была на месте со своими экспонатами. Подходя, увидела грузовик с овощами. Ждали месье Александра.

– Зачем? – с тревогой спросила я.

– Тут будет ювелирная выставка, и все будет выставляться на овощах.

Все наши разговоры о демонстрации моих работ на шарфах, мехтах, перчатках и африканских головах канули в небытие. Я пришла в панику. Я умоляла месье Александра передумать, но тщетно. Это была катастрофа: пьедестал из тыквы, в него засунут пучок зеленого лука, а сверху – кочан капусты, украшенный моей диадемой. Браслеты и кольца – на перцах. Я никогда не видела ничего нелепее.

Почетными гостями у нас были три княгини – княгиня Монако Грейс, княгиня Наполеон и княгиня Орлеанская. Событие это было внушительным и престижным, но все внимание уделялось овощам и княгиням, на их фоне мои украшения остались незамеченными. Едва я пыталась подойти побеседовать с моими друзьями, мне говорили, что княгинь без внимания оставлять нельзя. Мне было лестно видеть таких прославленных дам почетными гостями на своей выставке, но я не привыкла ко всему этому протоколу. Это очень напрягало.

На выставке я познакомилась со множеством интересных и очаровательных знаменитостей, среди них – миссис Устинова, супруга актера Питера Устинова. Через несколько дней после открытия все овощи испортились, и мои кольца провалились в гнилые перцы. Я очень радовалась, когда выбрасывала гнилые овощи и заменяла их цветной бумагой, на которую мы положили куски антрацита. Украшения разместили на глыбах угля или рядом с ними. Наконец-то моя ювелирная выставка стала элегантной. Она получила невероятную рекламу. Моей работой заинтересовались дизайнеры вроде Баленсиаги, но я с удивлением поняла, что им хотелось только массового производства, а я производить такое была не готова. В какой-то момент я так разнервничалась от всего духа в салоне, что мне стало плохо, и я провела ночь в американской больнице.

Затем княгине Грейс захотелось взять домой кое-что из моих работ, чтобы выбрать. Я вызвалась поехать с нею, чтобы лучше что-то объяснить и подогнать, но это почему-то оказалось неприемлемо. Когда через несколько дней я пришла забирать свои работы, их на месте не оказалось. Княгиня Грейс по ошибке отдала их своей горничной, та по ошибке – шоферу, и шофер по ошибке увез их в Монако. Мне пришлось задержаться в Париже еще на два дня, чтобы забрать их позже. И после всего этого она предпочла не покупать моих работ.

Такова была история моей парижской выставки, после которой я вернулась к себе в пустой дом и продолжала жить и работать. Не всегда мне бывало легко. Я себя чувствовала не только одинокой, но и совершенно ненужной, нежеланной. Я так привыкла к тому, что мама от меня зависит. Несколько раз я даже думала, не лучше ли покончить со всеми моими жизненными бореньями. К счастью, инстинкт самосохранения не позволил мне свести счеты с жизнью.

ГЛАВА 12

НУГЗАР, 1977 г.

Я решила на некоторое время съездить в Нью-Йорк – там я сняла комнату у одной старушки, нашей знакомой еще по Дайрену. У ювелира я арендовала верстак, работала очень напряженно, и вскоре мне начали поступать заказы. Я была счастлива вновь оказаться в Нью-Йорке, снова общаться со своими заказчиками. Неожиданно сюда приехала моя женевская подруга Наташа. Мы с ней случайно встретились в русской православной церкви. Так странно было ее там увидеть. Я стояла с закрытыми глазами, молилась или думала о чем-то, как вдруг открываю их – а у алтаря Наташа. Сначала я решила, что это у меня воображение разыгралось, это просто кто-то на нее похожий. Но нет – то была она, моя подруга, в Нью-Йорке.

Все время, что она пробыла в Нью-Йорке, мы с нею были вместе, и через ее друзей я познакомилась с киноактером из Советского Союза по имени Нугзар. В Америку он эмигрировал уже некоторое время назад, работал на «Голосе Америки» в Мюнхене. В «Великолепной семерке» он дублировал Юла на русский. Услышав, что в Нью-Йорке сейчас родственница Юла, он решил, что должен со мной встретиться. Возвращался в Мюнхен он на следующий день. Он пришел ко мне домой – не мужчина, а гигант, длинноволосый, бородатый грузин с Кавказа. Когда я вернулась в Женеву, мне стали приходиться от него любовные письма. Для меня это была просто шутка – я твердо верила, что никакая половая жизнь меня больше не интересует.

А потом в Мюнхене у меня состоялась выставка, и я отправила Нугзару приглашение. Он позвонил и пригласил меня пожить у него. Я отказалась, а он ответил, что сам съедет из дома, вся квартира будет в моем распоряжении, и я согласилась.

Когда я приехала, они встретили меня на вокзале с другом Георги, большим симпатичным болгариним. Я посмотрела на этого огромного толстого Нугзара и подумала: «Нет, такое не по мне». Мы поехали к нему домой. Я никогда не видела такого беспорядка. Мне самой пришлось менять постельное белье – он этого не сделал. Кухня же была просто невообразима. На полке в кухонном чулане лежал огромный окорок. Другая полка вся была в луковой шелухе, среди которой затерялось несколько луковиц. Мне все пришлось там убрать, раз я собиралась жить в этой квартире. Но два эти друга относились ко мне просто волшебным образом – я чувствовала себя принцессой из сказки. Какую еду они мне готовили! Мы ходили танцевать, мы принимали друзей. Ужины они готовили по грузинской традиции, а это означало изобилие еды и питья, нескончаемые тосты и грузинские песни. Почти все время я была почетным гостем, поэтому тосты провозглашались в мою честь. Когда их произносили, я могла лишь пригубить вина, но всякий тостующий обязан был пить до дна. В них, казалось, не угасает пламя любви к родине – оно и оживляло эту столовую традицию, *застолье*, и согревало нас за этими трапезами. Они провозгласили меня приемной грузинкой, я была счастлива и чувствовала себя как дома.

Десять дней Нугзар уходил ночевать к другу. Но однажды вечером мы сидели в югославском ресторане, и он пил не только вино, от которого не пьянел, но и коньяк. Георги мне сказал, что, если он поедет к другу и попадет в аварию, у него могут отнять права. Тогда я разрешила ему переночевать в гостиную. Та ночь и стала началом наших отношений.

Короче говоря, отношения у нас стали интимными, и я все больше времени проводила в Мюнхене. Сблизившись, мы обнаружили, что у нас разница в возрасте – двадцать три года (он был младше).

Это не имело для нас значения. Меня наши отношения спасли. Я была нужна, для него я стала и любовницей, и матерью, и другом. Длилось это год. Однажды мы вместе отправились в Калифорнию. Юл пытался ему помочь, познакомить с продюсерами, но ничего не вышло. От этих отношений я словно помолодела на пятнадцать лет. Даже мои друзья заметили – удивленно смотрели на меня, отчего это я такая счастливая. Нугзар хорошо играл на гитаре и пел много грузинских народных песен. Мы с ним много пели и вместе. Он был очень талантлив – словно необработанный золотой самородок. А через год сказал, что ни одной из своих жен не был верен так долго, как мне, и теперь ему хочется чего-то другого, – и наши с ним пути разошлись.

ПОЕЗДКА В ЯПОНИЮ, 1978 г.

Я ужасно страдала от разрыва и, чтобы оправиться, вместе с группой друзей отправилась в Японию. Поездка эта полностью залечила все раны – так богата она была на красоту, эстетическое наслаждение и новые знакомства. Домой я вернулась полной энергии и желания работать.

Мы побывали в Токио, Киото и Миядзиме, где жили в японской гостинице со всеми ее традициями. Из наших окон открывался вид на бухту с плантациями жемчуга, а на другом ее берегу стоял красивый красный храм.

Заехали мы и в Хиросиму. Поразительно, как этим мужественным людям удалось обороть такую трагедию: город и его жители были полны сил. В Хиросиме есть музей, показывающий весь ужас и опустошение, которые японский народ пережил после взрыва атомной бомбы. Фотографии, на которых видно, как с их рук стаивала и соскальзывала плоть, сокрушали. В музей пришла группа школьников, и одна, глядя на эти снимки, упала в обморок.

В Токио я стала почетным гостем ювелирной организации. Меня пригласили в телепрограмму и взяли интервью. Секретарь знаменитого кулинара, который тоже участвовал в этой программе, купил у меня кольцо, а сам повар пригласил к себе в ресторан, где тоже купил у меня одно очень дорогое кольцо.

В Женеве же меня встретила еще одна трагедия. Моя подруга Розмари – та, что с рассеянным склерозом, – неожиданно потеряла мать. Ее болезнь прогрессировала, и мать делала для нее все – включая ткачество и другую творческую работу. Сама Розмари уже почти не могла заниматься никаким творчеством, требовавшим применения физической силы, а лишь руководила маминой работой. Болезнь уже дошла до той стадии, когда Розмари приходилось перемещаться в инвалидной коляске. Однажды мать позвала ее к столу обедать, а когда она въехала в столовую, сказала, что у нее очень разболелась голова. И вдруг ахнула, голова ее откинулась назад, и она умерла.

Розмари не могла о себе заботиться, поэтому кто-то за ней должен был присматривать. Пока они с сестрами не устроили такую заботу, ее подруга Моник и я вызвались поочередно за ней ходить. Я начинала в пять часов вечера, дежурила всю ночь и утро. Мыла ее, укладывала в постель, а утром одевала и умывала.

В тот год мы вместе провели очень душевное Рождество. Купили елку, украсили ее, пели песни и рассказывали о себе. Мы стали очень близкими подругами. Работа эта была тяжелой, но очень благодарной. Последнее, что я теперь о Розмари знаю: она в специальной больнице, где за ней хорошо ухаживают.

В творческой своей работе я также была активна. Снова попробовала попасть на национальную выставку швейцарских ювелиров, но мне опять заявили, что я – американский дизайнер. Тем временем мои работы экспонировали в Токио на международной выставке, а также мои персональные выставки прошли в Базеле и Лозанне.

МОЯ РЕТРОСПЕКТИВА В ЖЕНЕВЕ, 1978–1980 гг.

А потом случилось чудо – я как раз показывала свои работы на большой выставке икэбаны. Директор музея Ариана, где она проходила, предоставил мне большую вертикальную витрину и попросил выставить в ней мои ювелирные работы и скульптуру рядом с моей цветочной композицией. Это стал такой маленький золотой остров в море цветов: в выставке участвовало семьдесят пять других композиций. На ней ко мне подошла куратор Музея часов и эмали – прямо на вернисаже и сказала:

– Я люблю вашу работу, вы не могли бы, пожалуйста, зайти к нам в музей? И если желаете, я могу вам устроить ретроспективу – это будет наша первая выставка современного художника.

Вот так приглашение! Дату мы назначили на 1979-й – год спустя, поскольку мне нужно было подготовить большой объем работы. Там-то я и отпраздновала тридцатилетие моей профессиональной ювелирной деятельности.

«Le Musée del'horlogerieet del'émaillerie» – небольшой, но важный и прекрасный музей. Располагается он в старом особняке среди сада. У них на двух этажах размещена изысканная коллекция часов, наручных часов и эмалей.

Выставка, которую мне предложили, приближалась. Приготовления мы начали сильно загодя. Ко мне присоединился специалист по витринам, а работники музея начали монтаж. Посреди зала мы разместили четыре плоские витрины с ретроспективным материалом. Вдоль стен стояли стеллажи с недавними работами. Фон в каждой витрине был матово-желтый, на нем – блоки желтого атласа, на котором выставлялись украшения. Между входом и выставочным залом располагались стеклянные витрины с моими скульптурами и украшениями побольше. Выставка включала в себя сто тридцать пять экспонатов. Это было самое невероятное событие в моей жизни.

К открытию я купила черное дизайнерское вечернее платье. У меня на выставке стоял отличный верстак, за которым по нескольку часов в день я работала: искусство живьем. На выставку приехал директор «Галереи Ренуик» – выбирать ювелирные работы для моей персональной выставки в Смитсоновском институте в Вашингтоне.

Незадолго до этого мне позвонили знакомые и попросили встретиться с русским ювелиром из Ленинграда, который приехал в Женеву погостить у своей тети. Ему здесь было одиноко, никого из художников он не знал. Позвонили в дверь, я открыла. Там стоял высокий человек моих лет или даже старше, седой, бородатый. Звали его Игорь. Пришел он с предубеждением. Почему-то ему не верилось, будто я могу оказаться хорошим художником. Во всем его поведении сквозили ирония и сомнение. Я выяснила, что он художник, иллюстратор детских книг, ювелир, а в молодости еще и пел в опере. Поразительно, до чего много общего у нас с ним оказалось. Когда же я наконец показала ему свои работы, все его сомнения отпали.

Я как раз готовила работы к ретроспективной выставке в Женевском Музее часов и эмали. Игорь предложил мне свои дизайнерские услуги, и я с радостью их приняла. Эта совместная работа сблизила нас.

Игорь стал моей последней и самой глубокой любовью. Помоему, никогда прежде не переживала я такой близости и тесной связи с другим человеком. От всякого нашего физического контакта духовная наша близость только углублялась. Он переехал ко мне, и три невероятных месяца мы жили одной жизнью. Иногда он бывал мрачен и труден, но мы любили друг друга. Это ощущение сопричастности было неопишимо прекрасно.

Однажды он мне сказал: его дочь, похоже, догадывается, что он может решить остаться в Швейцарии. Что я об этом думаю?

– А что станется с твоей семьей в России?

– Вероятно, им будет очень трудно, – ответил он.

– Тогда какое право ты имеешь даже думать об этом? Конечно, я буду счастлива, если ты останешься здесь навсегда, но я не могу тебе этого советовать и брать на себя такую ответственность.

Когда истек срок действия его гостевой визы, ему пришлось уехать. Его поезд уходил из Берна, мы поцеловались, а затем поезд тронулся, унося мою последнюю страстную и нежную любовь. Мы созванивались и писали друг другу письма почти каждый день. Поначалу они были любовные; затем стали сердитые, и я поняла, что нежная любовь испаряется. Я решила съездить навестить его и его семью.

Жить ему было трудно – у него имелась бывшая жена, с которой он развелся много лет назад, и двое взрослых детей от нее. Дочь была замужем, у нее родился сын. Сам Игорь был женат вторично, у него росла маленькая дочь, и он собирался разводиться. Вернулся он к своей замужней дочери Ксении и ее матери.

Как обычно бывает при поездках в Советский Союз, все пошло не так. С тургруппой я приехала в Москву и Ленинград. Поездка в Ленинград занимала всего один день. Мне сложно было вытребовать себе разрешение самой съездить в Ленинград, где жил Игорь. Помогло мне то, что в переписке и при личном визите советское Министерство культуры приглашало меня устроить свою выставку в Ленинграде, Тбилиси и Риге. Поэтому я попросила министра культуры помочь мне без группы съездить в Ленинград на встречу с директором Эрмитажа. После невероятных усилий я наконец туда доехала. Игорь пришел меня встретить со своим пятилетним внуком – сыном Ксении.

Но в том мрачном, раздраженном мужчине я не узнала своего Игоря. Все его элегантность и теплота исчезли. Передо мной стоял испуганный злой человек, он орал на меня, и я расплакалась. Жалеть было не о чем – ничего не осталось. Лишь счастье трех наших месяцев вместе – мое драгоценное воспоминание.

Советское министерство вновь написало в Женеву письмо с просьбой провести вышеуказанную выставку. Мне очень не понра-

вилась атмосфера, которую я ощутила в Советском Союзе, и условия проведения выставки: двести моих работ, страховка покрывает их лишь в СССР, продажа – только на черном рынке, а те рубли, что я за них получу, невозможно будет обменять нигде в мире. По правде говоря, я испугалась вести дела с этой страной. Поэтому ответила твердым отказом. Изерна мне позвонило советское посольство с просьбой пересмотреть мое решение. Но оно было окончательным.

В декабре 1979 года выставка из Музея часов и эмали переезжала в «Галерею Ренуик» Смитсоновского института в Вашингтоне. За несколько месяцев до этого я сломала лодыжку. Это было довольно суровое испытание. Гипс доходил мне до колена. Когда моя домоправительница Аврора ушла в первый же вечер и забыла поставить воду к моей кровати, я запаниковала. Но, видимо, я могу приспособиться к любой ситуации. На костылях я приковыляла в кухню, взяла пластиковый пакет, нашла банку с крышкой, налила в нее воды, подвесила банку в пакете к костылю и вернулась к кровати с водой под боком.

Гипс мне сняли перед самой поездкой в Вашингтон. Поэтому с огромным комфортом меня катали на инвалидном кресле по всем аэропортам. В Вашингтоне не сумели найти мой багаж, поэтому два дня приходилось занимать вещи у друзей. Когда я приехала, в «Ренуике» должна была проходить сказочная выставка русского портрета. К несчастью, администрация галереи пригласила участвовать в концерте по случаю открытия выставки одного певца-диссидента, и советский музей, приславший картины, так из-за этого огорчился, что отозвал все работы. Я приехала в самый разгар этого дела и выступила переводчицей между «Галереей Ренуик» и Советами. Я радовалась редкой возможности самой посмотреть выставку, но ее увезли до начала моей. Моя выставка оказалась единственной во всей галерее.

Можете себе представить? К открытию я разжилась дизайнерским платьем, но, к ужасу своему, обнаружила, что взяла с собой все белье, туфли и аксессуары, а платье осталось в Женеве. Поэто-

му пришлось надеть простое длинное, из хлопка. Моей выставкой занимались также швейцарские посол и атташе по культуре, они устраивали банкет. Прибыв туда, я приятно удивилась, что посол Швейцарии по происхождению русский и хорошо говорит по-русски.

На открытии выставки представитель Смитсоновского института сказал: он горд тем, что приветствует и представляет знаменитого американского дизайнера Ирину Бриннер. После этого речь произнес посол Швейцарии: он был горд представить знаменитого швейцарского дизайнера. Мне от этого стало так хорошо – они действительно доказали, что дизайнер я межнациональный.

Тот вечер принес мне много радости. Пришло множество моих друзей и заказчиков, все в моих украшениях. Некоторые работы я не видела много лет. Друзья и клиенты словно бы выступали моделями – демонстрировали мои произведения. Я встретила не только с друзьями, которых не видела много лет, но и с некоторыми важными для меня ювелирными украшениями, которые их нынешние владельцы теперь красиво выставляли напоказ.

Выставка в Смитсоновском институте и семимесячное пребывание в Нью-Йорке ясно дали мне понять, что дом мой – Нью-Йорк. Ни в одном другом месте, где я жила, я не чувствовала своей сопричастности. На сей раз я остановилась на Саттон-плейс в квартире моих покровителей Блоделов – коллекционеров искусства XX века. Квартира у них напоминала музей, в котором было радостно жить. В первую ночь я выглянула из окна, увидела Манхэттенский мост, и мне показалось, что он весь живой от машин, которые ездили по нему туда-сюда: как будто жизнь втекала в город и вытекала из него. Меня заморозили река и этот мост. Чувства эти лишь подкреплялись сокровищами на стенах и скульптурами.

Как и в предыдущий свой визит, я арендовала верстак в ювелирной студии одного знакомого и регулярно работала там в определенные часы. Хосе – не только друг, но и золотых дел мастер, он

научил меня множеству полезных приемов, пока я там работала. Это был очень счастливый для меня опыт.

Я ходила на концерты и в театр, я была жива и здорова. Вокруг снова были мои ученики из Музея современного искусства и мои заказчики, ставшие моими дорогими друзьями; хорошо было видеть их снова.

Но я пока не готова была к переезду и вернулась Женеву. Однако я уже не чувствовала себя одиноко. У меня по-прежнему проходили выставки в разных галереях Швейцарии. В 1982-м я вернулась в США и Канаду провести серию мастер-классов. В Ванкувере остановилась у своей двоюродной сестры Ниники. Приятно было снова с нею повидаться. В конце сороковых или начале пятидесятых она переехала вместе с мужем и сыном в Ванкувер.

Турне мое началось в Техасе – я навестила свою подругу Галину и ее сына. Она ленинградская художница, теперь работала в Техасе. Там я прочла лекцию с показом слайдов. А после Рождества отправилась в Санта-Фе – чарующее место. Когда я приехала, там мела метель. Друзья, у которых я должна была остановиться, из-за снега не смогли приехать и меня встретить. Я позвонила семье Бинхоэр – моим заказчикам и знакомым.

Визит этот оказался для меня очень вдохновляющим и восхитительным. Хозяева приветствовали меня в своем необычайном доме, полном индейских артефактов, редких индейских украшений и музыки. Лучше я и спланировать не могла. Там я тоже прочла лекцию с показом слайдов.

Я заехала в Лос-Анджелес и Сан-Франциско с повтором тех же слайдовых лекций, после чего отправилась в Сиэтл, где прочла лекцию в университете. Рут – ювелир, у которой я остановилась, – организовала в мою честь прием: пригласила всех ювелиров округа с образцами их работ. Получился подлинный обмен достижениями, и я не забуду его никогда.

Приняв решение переехать в Нью-Йорк, я стала готовиться. Было непросто – возникло столько перемен и проблем. Продать ли

квартиру, сдавать ли ее и оставить себе плацдарм в Женеве? Как решить, что брать с собой, что раздать или продать? Ювелирное оборудование я отдала Бригитте, моей подруге и ученице, чтобы иметь место для работы, если придется вернуться ради какой-нибудь выставки или по иной причине. Знакомый владелец транспортного агентства согласился переслать мне мои вещи, взяв в часть оплаты мои ювелирные изделия, что сильно облегчило мне задачу.

Большинство моих друзей не понимали, зачем мне бросать налаженную жизнь в Женеве и переезжать в Нью-Йорк. Но для меня смысла в этом было очень много. Я так хотела вернуться в «свой» город.

Ну и работа это была – разобраться в том, что накоплено за двенадцать лет. Я понятия не имела, как стану жить в Нью-Йорке. Для начала я отправилась к той старушке, у которой обычно снимала комнату в Верхнем Ист-сайте: уже обосновавшись там, начну искать себе постоянное жилье. У меня было столько книг, что от части пришлось избавиться. Квартиру в Женеве я решила сдавать, но оставила за собой чулан, куда сложила все, что не буду брать с собой в Нью-Йорк. Всю мамину музыкальную библиотеку я попросила хранить одну музыкальную семью из нашей церкви в Шамбези, пока не решу, что с нею делать.

Переезд меня не только возбуждал, но и печалил. Трудно было оставлять всех дорогих друзей, церковь, моего духовного отца Джона. Я дорожила этой частью своей жизни, ее трудно было отпустить от себя.

В Нью-Йорк я поехала в июне 1984-го и сразу стала искать себе жилье. Сначала я предложила своей престарелой домохозяйке купить у нее квартиру – при условии, что она сохранит за собой свою комнату до конца ее дней. Решиться на это она никак не могла, и недели через две я нашла себе уютную студию с видом на реку Гудзон.

Однако я поняла, что не могу ничего сделать без кредитной линии. Никто уже не помнил, что двенадцатью годами ранее у меня здесь был хороший кредит. Метнувшись обратно в Женеву, я заняла

денег в банке под стоимость моей женеvской квартиры – в Швейцарии я могла это сделать всего под пять процентов. Решение продать ее далось мне легко: это был единственный выход. Я освободила свой складской чулан, добавила вещей в контейнер и решила, что без маминой музыки жить не смогу, а поэтому забрала все у друзей. Затем мое швейцарское жилье выставили на продажу. Продавалась квартира год, но я тем временем могла пустить занятые деньги на покупку студии.

Вернувшись в Нью-Йорк, я подписала все документы, и студия стала моей. Я по-прежнему жила в Ист-сайде, поскольку новую квартиру нужно было покрасить и переоборудовать в ней крохотную кухню: в нее следовало поместить и мою мастерскую.

Когда прибыли все вещи, включая кабинетный рояль, и все доставили мне в новую квартиру, я пришла в ужас. Сто тридцать пять крупных коробок в комнате двадцать четыре на четырнадцать футов заполнили все до потолка: там даже перемещаться было невозможно. Однажды помочь мне распаковать коробки пришел мой друг Дик, но в основном я возилась с этим одна. У меня было шесть книжных шкафов, и все равно места для всех книг не хватило. Надеюсь, больше мне этим заниматься не придется.

Еще живя в Швейцарии, я решила, что хочу учиться вокалу. Группа знакомых в Нью-Йорке рекомендовала мне Раймонда – блестящего пианиста и руководителя вокального квартета, с которым он объездил весь мир. Я спросила, и он согласился взять меня в ученицы. Так началось наше крепкое сотрудничество учителя и ученика.

Мне тогда исполнилось шестьдесят семь. Три раза в неделю я занималась вокалом, и вокруг этой работы сосредоточилась вся моя жизнь. Радость каждого маленького достижения искрой возбуждала меня. Мне становилось все труднее возвращаться к ювелирной работе.

Когда я только приехала в Нью-Йорк, у меня было место преподавателя в Лиге студенческих ремесел Ассоциации молодых христианок. Директор школы узнал, что я возвращаюсь в город,

и прислал мне приглашение еще в Женеву. Я люблю преподавать, и мои прежние ученики, которые все так же ко мне ходили, когда я преподавала в институте Музея современного искусства, были рады, что я снова с ними. Некоторые стали профессионалами, но по-прежнему посещали мои занятия. Я была очень счастлива.

Юл все так же играл в спектакле «Король и я», который я ходила смотреть не раз. Очевидно было, что его болезнь, развившаяся двумя годами ранее, прогрессирует. Одно из последних его представлений смотреть было мучительно. Рак, долго разъедавший его, набирал силу. Спина у Юла болела невыносимо, он быстро уставал, а иногда у него садился голос. Однажды ему было так плохо, что вокальную партию Короля весь спектакль пел его сын Рок. Юл очень старался преодолеть все эти трудности, но у человеческих сил есть свои границы.

Я очень сблизилась с Кириеной Зилоти, дочерью знаменитого пианиста Александра Зилоти, который учился у Листа. Она была феноменальный человек и преподавала музыку. Мы с ней и раньше были знакомы, но близость между нами возникла только сейчас. Она, бывало, говорила:

– Иришка, я так счастлива, что ты нашла себе квартиру по соседству со мной. Так я за молоком могу выйти и по дороге навещать тебя.

Она заставляла меня упражняться на фортепиано. Я так любила играть с ней в четыре руки. Она дружила с Раймондом и мои успехи в пении называла «чудом». Она стала моей семьей, моей ближайшей подругой.

К концу года я подыскала себе галерею, но еще примерно через год рассталась с ними – они не выполнили своего обещания устроить мне персональную выставку.

В начале лета 1985 года я вернулась в Женеву закончить кое-какие дела. Тем летом в «Kulturmühle» Лютцельфлю, Швейцария, мне устроили особую выставку. «Культурмюле» – это водяная мельница, красивое старое здание. В нем действует школа, специализи-

рующаяся на преподавании всех исполнительских искусств сразу. Я работала с ними в порядке эксперимента: после глубокой медитации, чтобы достичь духовной связи меня и студентов, они исполняли танец, а я ковала проволоочные скульптуры. Движение моей скульптуры отражало движения их танца и наоборот. Контакт между нами устанавливался не только физический, но и духовный. По-моему, это нельзя передать словами.

Выставка у меня получилась поразительная. В больших стеклянных витринах мы установили валуны, вытасченные из реки, а на них разместили мои ювелирные изделия и скульптуры. Она пользовалась большим успехом, и больше половины всех экспонатов распродали.

ГЛАВА 13

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЮЛА, 1985 г.

Тем летом Юл уехал в свое имение в Нормандию. Боли у него не прекращались. Когда стало совсем невыносимо, он вернулся в Нью-Йорк. Пока я была в Швейцарии, а Юл во Франции, мы каждый день разговаривали по телефону, и я понимала, что он очень болен. У меня уже тогда возникло предчувствие, что это начало конца.

Вернувшись в Нью-Йорк, я тут же ему позвонила. Он сказал, что счастлив оттого, что я вернулась, а Кэти – его молодая супруга-азиатка, на которой он женился двумя годами ранее, – сообщит мне, когда можно к нему приехать. Она назначила мне и Року на одно время, чтобы ни он, ни я не остались с Юлом наедине.

Больно было видеть, что Юл еле ходит. Он превратился в собственную тень. Когда я пришла, он сидел у окна их квартиры в «Башнях ООН» и смотрел на здание «Крайслера». Он утверждал, что это самый красивый дом в Нью-Йорке. Рок ушел до меня; Юл устал, и ему нужно было прилечь. Я немного задержалась с ним. Он мне сказал, чтобы я не волновалась – он принял морфий в жидком виде, от него боль сразу облегчается. О смерти он говорил спокойно: мол, хочет умереть с достоинством и осознавать, когда она наступит.

Целую неделю после я пыталась до него дозвониться и навестить его, но мне всякий раз отвечали, что миссис Бриннер сейчас

нет, а мистер Бриннер отдыхает. Но как-то в полночь мне позвонила Кэти. Она плакала: у Юла случился инсульт, и врачи говорят, что он смертельный, поэтому я могу приехать, если хочу, навестить его в больнице.

Болезнь его держалась в огромном секрете, чтобы спасти его от публичности. В больницу его положили под чужим именем. К нам с Роком отнесли как к бедным родственникам. Когда я осведомилась о состоянии Юла, мне сказали, что меня это не касается. К сожалению, пришлось им нагрубить и сказать его «особой» подруге, что она, может, и была ему подругой целый год, но я ему родственница всю жизнь, поэтому дело это – мое. Только тогда общее отношение изменилось.

Юлу парализовало всю левую сторону. Он мог произнести одно слово, но все остальное было совершенно неразборчиво – он не мог лепить губами слова. Инсульт, вероятно, вызвал морфий, который он принимал от боли. Поэтому Кэти строжайше запретила колоть ему наркотик. Бедняге пришлось страдать от мучительной абстиненции.

Врачи обратились ко мне с просьбой объяснить Кэти, что у Юла последняя стадия, и она должна это принять. На это я твердо ответила, что такую ситуацию пусть ей объясняет психиатр.

Я проводила у постели Юла по девять-десять часов в день. Приезжала в девять утра, сидела с ним, пока в час или два не приходила Кэти, затем вся его свита отправлялась ужинать, и я опять была с ним весь вечер допоздна. Всякий раз, когда Рок хотел остаться с отцом, они пытались под любым предлогом оттолкнуть его.

К его смертному одру пришли дочери. Самая маленькая была всем этим убита особенно, ей нужно было помочь, и я старалась это сделать. Кэти по-прежнему отрицала, что конец близок: она верила, что его во что бы то ни стало оживят тибетские монахи. Она считала, что обратила Юла в буддизм. Хотела, чтобы врачи три раза выводили его из комы. Рак распространился у него из легких в по-

Последнее совместное фото с братом Юлом. Начало 1980-х гг.

звоночник, у него начался менингит. От всего этого боли у Юла не прекращались. По-английски и по-русски он все время повторял:

– УЖАСНО, УЖАСНО, – но его никто не хотел понимать. Он вытаскивал трубки внутривенного питания; медсестра вставляла их обратно.

Сидя с ним, я пела ему наши детские колыбельные, разговаривала с ним. Дышал он с трудом, отхаркивалась слизь – ее все чаще приходилось откачивать. Так продолжалось пять недель. В последнее воскресенье его жизни я, как обычно, приехала в девять; Юл спал. У меня за спиной стояла его приятная медсестра-англичанка, когда я нагнулась и поцеловала его. Юл открыл глаза, увидел меня рядом и улыбнулся. То было не просто улыбка. Мне показалось, что сквозь темные тучи, окружавшие его, сквозь весь этот мрак пробился ярчайший луч света – ярче я ничего никогда не видела. Медсестра произнесла:

– Боже мой, какой яркий свет в этой улыбке.

Я поразилась – я понимала, что он счастлив меня видеть. Быть может, все его детство промелькнуло у него в уме. С того дня он начал быстро угасать. Его красивое тело превратилось в кожу и кости. Если он в жизни что-то и сделал не так, все эти жуткие страдания, должно быть, полностью очистили его от всех грехов.

Все мое существо пребывало в таком напряжении, что, когда я возвращалась домой и ложилась, тело, казалось, вибрирует, как колокол, в который только что ударили. Мне не разрешали делиться тем, что происходит, ни с кем. Я продолжала лишь одно – свои уроки вокала с Раймондом. Он был мне чудесным другом в то время и знал, что творится у меня в жизни.

Через несколько дней после того воскресенья я собиралась домой и вдруг поняла, что Юла в живых больше уже не застану. Я его поцеловала и прошептала, что совсем скоро он обретет покой. После полуночи мне позвонили и сообщили, что Юл умирает. С ним были его жена, две его дочери и сын. Когда я приехала, он уже умер. Тело его было обернуто в белую ткань, как мумия, видно только

лицо. Под этим саваном я чувствовала его руки. Он по-прежнему был очень красив, но от него осталась одна скорлупа, из которой отлетела душа. Никто больше не мог сделать ему больно.

Несколько дней спустя у них в квартире Кэти организовала поминальную церемонию по буддистскому обряду. Трое или четверо монахов в желтых одеяньях пели, читали молитвы и жгли благовония. Помимо родственников, присутствовали несколько его театральных друзей. Я пообщалась лишь с Миа Фэрроу, которая пришла с недавно усыновленным ребенком. Она мне показалась дружелюбной, простой и приятной.

В конце этого приема я сообщила всем, что в следующее воскресенье я закажу панихиду по Юлу в русской православной церкви, ибо он с рождения принадлежал этой религии. Я сказала, что буду очень счастлива, если все они, родственники и друзья, на нее придут.

Служба проходила в моей церкви – Святого Серафима на Западной 108-й улице, где я пела в хоре. Дочь Юла Виктория украсила церковь целым морем белых роз. Церковь наполнилась родней и друзьями, все были в черном.

Преыдущая жена Юла Жаклин была с его приемными дочерьми и Роки. Они стояли по одну сторону алтаря, Кэти – по другую. Панихида – одна из самых красивых и душераздирающих служб. В церкви во время службы было темно, и все держали зажженные свечи. Это была прекрасная, согревающая сердце дань Юлу, а я пела в хоре и поэтому чувствовала, что мои молитвы возносятся к нему.

После такой утраты трудно жить дальше как обычно. Оправлялась я очень медленно.

ГЛАВА 14

РАБОТА И МУЗЫКА, 1986–1989 гг.

Я не могла позволить, чтобы меня парализовало скорбью, – надо было жить дальше. Хотя пение стало для меня в жизни очень важным, приходилось не забывать, что главная моя работа – все же ювелирное дело, и мне следовало найти выход для своих работ. Это было нелегко. По возвращении в Нью-Йорк в 1984-м после двенадцатилетнего отсутствия я осознала, что меня забыли. Я заходила в галереи, которые были мне незнакомы, и там меня тоже не знали. Мои произведения хранились в постоянных коллекциях множества важных музеев – Музея часов и эмали в Швейцарии; Национального государственного музея в Дармштадте, Германия; Музея ремесел Нью-Йорка; в «Галерее Ренуик» Смитсоновского института в Вашингтоне, и так далее. Очень раздражало, что приходится объяснять, кто я такая. Наконец я зашла в галерею Аарона Фейбера, где люди меня помнили по прошлому и охотно приняли мои работы.

Их выкладка моих произведений в витрине была исполнена так хорошо, что я тут же продала одно ожерелье за шесть тысяч долларов. У моих работ есть одна особенность: они хорошо продаются, если выставлять их отдельно от других.

Вся атмосфера Нью-Йорка в тот первый год дала мне толчок к созданию новых работ. Мне хотелось поддерживать контакт с Европой тем, чтобы каждые три года устраивать в галерее Лозанны выставку. В Нью-Йорке я сходила на конвенцию Общества североа-

Ирина Бриннер дает сольный концерт

американских золотых дел мастеров и увидела там новый для себя металл – ниобий. Накаляясь, он приобретает красивую черную патину. Я решила создать коллекцию на тему черного и золотого. Нужно было применять новую технику. К ниобию ничего нельзя припаивать, разные детали конструкции нужно крепить как-то иначе, в том числе заклепками.

Этот новый замысел возбуждал меня и бросал мне вызов: новый метод работы, а результат – поразительный. Эту коллекцию я взяла на выставку в галерею Лозанны при первом своем возвращении в Европу и всю ее распродала.

С самого начала своих занятий вокалом я давала концерты в Зале Рахманинова, принадлежавшего моей церкви. Это стало ежегодным ритуалом. Труднее всего было преодолеть заучивание текста наизусть. Но с каждым годом пение мое становилось все лучше, и я была в восторге.

В финансовом отношении все было очень трудно. Я едва могла позволить себе ходить на концерты или в театр. Со всеми своими доходами вместе зарабатывала я не больше тысячи долларов в месяц на все про все. Жить было практически невозможно; что ни месяц, то борьба. Я была счастлива от дружбы с Кириеной и ее ежедневных визитов, от бесед с ней и музыки. Она стала моей семьей, у нас с нею случалось множество интимных моментов. Часто она брала меня с собой на концерты. А когда знакомилась с кем-нибудь, всегда говорила им с гордостью:

– Знаете, мне девяносто лет, но я молода.

И она была молода. Любила животных. У нее дома в Найэке к ней всегда приходила большая семья енотов, и она их кормила. Дважды в неделю ездила в Бостон преподавать фортепиано в музыкальной школе. В Нью-Йорке она преподавала каждый день. Ходила она как тридцатилетняя. Ее все интересовало. На ее уроках приходилось трудновато: если делал ошибку, приходилось повторять фразу восемь раз, а если ошибался при повторении, к ним добавлялись еще восемь. Ученики со слабой дисциплиной выдержать тако-

После концерта

го не могли. Иногда она сводила меня с ума, но я ее нежно любила и сделала бы ради нее все. Ее интересовали йога и оккультизм, она верила, что можно общаться с отлетевшими душами.

Кириена познакомила меня с одной своей ученицей – русской пианисткой с двумя детьми и любовником-греком, который жил с ними. Я с ними тесно подружилась и проводила довольно много времени у них дома. С ними я встречала три Новых года. Иногда Л. аккомпанировала, а я пела.

Однажды Кириена пришла встретить меня у церкви и вдруг упала. У нее случился инсульт, весь левый бок ей парализовало. В приемном покое неотложки в Больнице Св. Луки она заставляла меня повторять состав всех гамм. Считала, что так мы хоть не будем зря тратить время. Ждать пришлось четыре часа, и, когда ее наконец устроили в палате, я позвонила Л. и ее другу, утверждавшему, что он врач. Этот звонок стал моей фатальной ошибкой.

Вечером, проведя весь день с Кириеной, мы вместе отправились к ней домой взять кое-что из ее вещей и двух ее попугаев, о которых следовало позаботиться. Я не заметила, как и когда это случилось, но они забрали ее личную адресную и телефонную книгу, хотя никогда потом в этом не признавались. Телефон Кириены переключили на номер Л., не спросив у меня разрешения. С того момента этот человек – Т., друг Л., – манипулировал и Кириеной, и мной. Когда Кириена немного поправилась, ее перевели в Институт Раска. Там Тед выдавал себя за ее родственника. Доверенность от Кириены была выписана на меня, но он меня оттолкнул и сказал, дескать, докажет мне, что бумажка эта будет полезнее как подтирка.

Мы с другими подругами начали готовить квартиру Кириены, чтобы перевезти ее туда. Все жилье было в невообразимом состоянии. Все ее семейные документы и фотографии я рассортировала и разложила по чемоданчикам. Это было важно для истории, поскольку ее отец был знаменитый русский музыкант.

Кириену я навещала каждый день. Она должна была подписать завещание, но Тед, выдавая себя за родственника, убедил врачей,

что она недееспособна и лучше ей будет переехать к ним домой, где они о ней будут заботиться. Я чувствовала себя беспомощной. Он делал, что хотел, а от меня только требовал денег за эту заботу о Кириене. У них дома он принялся меня оскорблять. Однажды я была у нее в комнате, а он хотел меня выгнать, так что взял за плечи и толкнул через всю столовую.

Квартира Кириены была готова к покраске, и я надеялась, что, как только перевезу ее туда, этот кошмар, в котором я живу, закончится. Но Тед выломал замок в ее входной двери и поменял его на новый, так что я не могла туда попасть и закончить работу.

Потом они решили отпраздновать день рождения Кириены, а мне прийти не разрешили. Не пригласили меня ни туда, ни на Новый год.

Они даже не разрешали мне навещать Кириену. Я поверить не могла, что такое происходит. Тед нанял адвоката, словно Кириена подает на меня в суд. И бедная моя подруга хоть и могла разговаривать вполне разумно, не сознавала, что творится.

Тогда ее ближайший друг Алексей Хаев, как раз приехавший в Нью-Йорк, нанял юриста, который вскрыл ее квартиру и поменял замки, но обнаружилось, что все документы, которые я так тщательно разбирала, и два хороших фортепиано «Стайнуэй» пропали. Мы вызвали полицию. Но инструменты обнаружались там же, где была их хозяйка Кириена, дома у Л. Я уверена, она не понимала, что происходит.

До самой ее смерти я не могла с нею повидаться. Я видела окно комнаты, в которой она жила, со своей крыши, но навестить ее не могла.

Пришлось отступить – я боялась за свой рассудок. Она умерла в июле 1989 года. У меня был очень большой стресс. Но пришлось его пережить. Результатом этого стресса у меня стал рак груди и мастэктомия в сентябре 1989 года.

ГЛАВА 15

РАК ГРУДИ И ЖИЗНЬ ПОСЛЕ, С 1989 г.

Я думала, что после кончины Кириены все вернется на круги своя и жизнь моя снова станет яркой и счастливой, но однажды ночью проснулась от боли под левой рукой. Не обращать на нее внимания я не могла – слишком много случаев рака у меня в семье. Нашу-лав две крупных шишки у себя под мышкой, я поспешила к своему врачу. Он сказал, что рисковать и оставлять их там нельзя, нужно удалять. Но я все же убедила его для начала дать мне пенициллин – вдруг это просто инфекция. Он согласился понаблюдать за мной неделю, но отправил на маммограмму. Под мышкой обнаружилось нечто подозрительное, но грудь, меня заверили, у меня чиста.

Через неделю шишки никуда не делись, и на седьмое сентября, пятницу, назначили операцию. Я была уверена, что на выходных вернусь домой.

Странное такое ощущение: наблюдать, как вокруг своим чередом протекает жизнь, но не участвовать в ней. Я оказалась под стеклянным колпаком, в ловушке, как насекомое.

В больнице потребовалось выполнить все положенные процедуры. Подписать нескончаемые бумажки, освободить всех от ответственности. Я ощущала себя совершенно бессильной, мне следовало повиноваться системе.

Наутро мне сделали инъекцию, отчего у меня очень пересохло во рту. После чего уложили на каталку и повезли в операционную,

Ирина Бриннер.
1980-е гг.

где было до ужаса холодно и стояли ряды одинаковых кроватей с другими дрожащими, испуганными людьми на них. Нас каждого прикрывала лишь одна зеленая простыня. Холодно было просто мучительно.

Наконец меня вкатили в самую операционную, и, когда на лицо мне наложили маску, я отплыла в небытие.

Пришла я в себя в послеоперационной палате, где было гораздо теплее, и ко мне медленно стала возвращаться реальность. Под конец утра ко мне зашел мой врач и сказал, что ему жаль, «но, голубушка, это рак, и во вторник нам придется удалить вам грудь».

Потрясение? Стало ли это потрясением? Не знаю даже, как и назвать. Словно зверек в капкане, я чувствовала, что в следующую же минуту меня расплющит, раздавит так, что и мокрого места не останется. А самой сильной мыслью в голове была такая: «Господи, прошу тебя, я не хочу страдать». Но у меня никто не спрашивал, чего я хочу.

Друзья окружили меня огромными заботой и любовью. Один из первых посетителей принес мне книгу доктора Берни Сигала «Любовь, медицина и чудеса», которая открыла мое сознание множеству новых мыслей. В ней приводятся примеры того, как вера и позитивное мышление пациента могут принести неожиданные положительные результаты. Мне она помогла осознать, что у меня – своя система исцеления, мне только нужно научиться ею пользоваться. Потом моя племянница (Верусина дочка) и ее отец предложили мне сделать *рэйки* – это японский метод исцеления руками. Руки размещаются там, где у человека *чакры*, и через это наложение рук тело становится способно притянуть к себе биоэнергию, которая ему нужна. Чакра – точка в нашем теле, через которую, согласно множеству индийских религий, может протекать энергия. Раньше мне такого никогда не делали, но я отзывчива ко всему, и после этого мне стало замечательно. Мне это дало энергию и в то же время – спокойствие. Кто-нибудь из них приходил ко мне делать *рэйки* каждый день. Один мой друг – японец Ниси, звавший меня

«мама-сан», потому что родился на Сахалине, а я во Владивостоке, отчего, по его мнению, мы были, считай, родственниками, – тоже приходил каждый день с бесчисленными подарками.

Первые сутки после операции были очень трудными, но потом я начала ходить взад-вперед по коридору, каждый день. Больше всего меня беспокоило раздражение горла от того, что мне туда вставляли зонд с анестетиком. Легкие мои были забиты. Я попросила разрешения ходить в комнату отдыха и там распеваться. Я была уверена, что это мне поможет.

Мысль о том, что во вторник мне снова предстоит пережить эту пытку, отнюдь не успокаивала. Я попросила зайти ко мне анестезиолога и спросила, можно ли это сделать без зонда, но в ответ получила категорическое «нет». Тогда я упростила его вводить его как можно осторожнее – я певица, сказала я, и не хочу, чтобы мне повредили горло.

В палате у меня было полно цветов, и первую неделю я была благословлена дружелюбной соседкой. С собой я взяла свою икону, которую считаю чудесной. А за день до главной операции попросила своего духовного отца, Александра, прийти и меня причастить.

В понедельник я решила, что не желаю весь вечер думать о предстоящей операции. Свою дорогую подругу и учителя я попросила принести ноты, чтобы я смогла петь. Администрация дала мне разрешение устроить в комнате отдыха мини-концерт.

Я спустилась туда в халате и тапочках вместе со всеми пришедшими ко мне друзьями и спела пять или шесть русских классических песен – Глинки, Чайковского, Даргомыжского. Так хорошо было ощущать, что я по-прежнему могу петь.

Вечером помощник врача дал мне подписать бумагу. Я прочла ее в ужасе. В ней говорилось, что они хотят провести биопсию другой моей груди, зеркально той, которую удаляют. Я твердо ответила, что если это сочтет необходимым мой врач, то я соглашусь, но при одном условии: что он придет ко мне и объяснит, зачем мне предлагают эту процедуру, а иначе я подопытной свинкой ни для

кого быть не собираюсь. Через час мне сообщили, что биопсию отменили.

И вновь мне пришлось подвергнуться всем пыткам предоперационной подготовки. После этой операции, при которой мне удалили всю левую грудь, мне было гораздо хуже. Несколько часов спустя зашел врач и сообщил, что моя первичная опухоль оказалась такой крошечной, что нашли ее с большим трудом, зато вся остальная грудь была до отказа наполнена метастазами в лимфатических узлах. Моему раку они дали название «инвазивная протоковая карцинома». Какая разница, как его называть? Что мне теперь делать? Выброситься из окна?

Когда меня привезли после операции, всю мою палату заполнял аромат роз. Запах был такой сильный, что я не могла его выдержать. Ниси и моя соседка тоже его чувствовали. Я попросила их выбросить все цветы, но не помогло. В моем образке было немного мирры, и он обычно пах этим благовонием. Но теперь пахло розами – и запах шел от моей иконы. Пришлось спрятать ее в шкаф, такой он был сильный. Для меня это было чудесным знамением.

Потом ко мне зашел близкий друг и поделился со мной, что переживает сходную ситуацию. Он сказал, что научился не думать о том, что случится, что мы все должны жить этой минутой, нынешним днем как можно полнее, впитывать в себя каждый миг. Значимее совета мне никогда не давали. Благодаря этому у меня появилась новая точка зрения, желание именно так и поступать.

Выписавшись из больницы, я пошла к своему врачу, и он сказал: – Операция оказалась безумной, столько метастаз в лимфоузлах там было. Простите, но никакого хорошего прогноза я вам дать не могу.

Я почувствовала, будто мне только что подписали смертный приговор.

Однако мой сильный инстинкт самосохранения подсказывал, что лишь Богу известно, когда я умру. Я решила делать то, что хорошо умею, чтобы поправиться.

Я сменила диету, развернула всю свою жизнь в другую сторону. Поначалу было трудно, но постепенно мне открылась более духовная жизнь. Я научилась сама делать рэйки. Теперь у меня диплом второй степени. Каждое утро у меня начинается с того, что я сама себе делаю рэйки. Я пошла на занятия по медитации. Еще сходила к врачу-холисту, который помог мне укрепить иммунную систему. Я села на макробиотическую диету. И с самого начала я знала, что главным лекарством для меня будет пение. Оно стало частью моих медитаций, важной составляющей всей моей жизни. Я не чувствовала отчаяния и страха – во мне жила только надежда. В каждом из нас есть механизм исцеления, и нам следует научиться им пользоваться.

На самом деле не важно, когда мы умрем. Имеет значение только то, как мы живем. Я никогда не ощущала в себе такой полноты, такого счастья, как тогда.

На каждый урок по вокалу я шла с душой, полной предвкушения и радости. Невероятным чудом стал тот факт, что мое тело превратилось в прекрасный инструмент, которым я могу управлять. Я продолжала создавать свои скульптурные и ювелирные работы. Как я уже говорила, при работе у меня возникает сильное ощущение, будто мною, как инструментом, ведет некая высшая сила, что это произведение она создает мною. Я люблю преподавать, для меня это означает, что я делюсь знанием с другими людьми.

И я начала писать. Не знаю, хорошо это у меня получается или нет. Это стало частью моей жизни. Писать – так же загадочно, как создавать скульптуру. У меня в голове есть общее представление, что я хочу выразить. Но когда я наконец сажусь к машинке и принимаюсь писать, меня поражает, до чего неожиданные повороты принимает моя история. Пишу и с удивлением сама себя слушаю. Такие яркие воспоминания приходят на ум, такие неожиданные мысли всплывают на поверхность.

Я искренне уверена в том, что болезнь стала для меня тем худом, которое не бывает без добра. Быть может, я и недолго еще про-

живу, но разве могла бы я понять всю ценность жизни, не зная о ее хрупкости и драгоценности? Само собой, мне становится немного страшно, когда у меня что-то начинает болеть, но я стараюсь отогнать страх прочь и вознести хвалу Господу за всякую радость, что Он дарит мне в моей жизни. Я ощущаю, что жизнь моя изумительна и богата. Она состоит из трудных уроков и чудес.

После той операции прошло уже много лет. Я теперь активна в своем искусстве и счастлива в жизни. Приближается мое восьмидесятилетие, и я отпраздную его, дав концерт.

Ирина Бриннер. Нью-Йорк. 2000 г.

ЭПИЛОГ

Мои воспоминания «Что я помню» начались в 1917-м и закончились в 1989-м. С тех пор прошло одиннадцать лет – одиннадцать лет выживания после мастэктомии.

Потрясение того периода изменило мои отношения с жизнью. Раньше я не понимала, до чего она драгоценна, до чего хрупка. После того, как мой врач мне сказал, что не может дать мне никакого утешительного прогноза (это случилось в сентябре), я решила, что не доживу и до Рождества. По пути домой я увидела кое-что в витрине, и оно мне понравилось, я чуть не зашла. Но тут меня остановила шокирующая мысль – меня здесь больше не будет, мне оно не понадобится.

А потом с невообразимой силой на поверхность поднялся инстинкт самосохранения. Вся натура моя кричала, что во мне есть силы самоисцеления, я должна пустить их в ход, и я начала занятия по медитации, макробиотическую диету, молитвы. Главным образом я училась жить сегодня, сейчас, сию минуту. В расчет берется только сейчас – так живи сейчас и, когда наступает завтра, приветствуй его с благодарностью и радостью. Серьезная работа с голосом давала мне самую важную силу. Она мне приносила столько радости, столько счастья. В то время моя дружба с Раймондом, моим учителем вокала, и его готовность разговаривать со мной и помогать мне в любое время дня или ночи были для меня важны и невероятно помогли.

Едва я смогла более или менее нормально функционировать после операции, я возобновила свою обычную жизнь: преподавала ювелирное дело, пела, ходила на концерты, встречалась с друзьями. Не прошло и недели после мой выписки из больницы, как у вокальной группы Раймонда должен был состояться концерт, и ему требовался тот, кто возьмет одну ноту на органе. И он попросил это сделать меня, я была просто счастлива. У меня через плечо еще висел дренажный мешок. Я накинула сверху широкую шаль и участвовала в этом концерте. Я чувствовала, что начинаю жить заново, новой жизнью.

К новому темпу жизни я привыкла не сразу. Много сил ушло на процесс исцеления. Принять ампутированную грудь нелегко. Спасибо доктору Фрачче, что у меня рука не отекала.

РУССКАЯ ДУША ИРИНЫ БРИННЕР

Ранним утром 23 мая 1992 г. на перроне железнодорожного вокзала Владивостока было необычно оживленно. Несмотря на столь ранний час, сюда спешили представители прессы, репортеры Приморского радио, тележурналисты. Давно железнодорожный вокзал не помнил такой суеты. Все торопились успеть встретить поезд, прибывающий из Хабаровска, который должен был доставить во Владивосток необычную гостью. А пока на перроне продолжалась суета, виновница всей этой суматохи, даже не подозревающая о готовящемся ей приеме, стояла у окна вагона и пристально всматривалась проплывающие мимо окон улицы родного города, пытаясь с первого взгляда узнать хотя бы очертания некоторых домов, память о которых она хранила все эти годы. Этой гостьей была Ирина Феликсовна Бринер, представительница одной из самых прославленных фамилий в истории Владивостока

Между тем поезд двигался все тише и тише, медленно приближаясь к станции. Внимание Ирины Феликсовны привлекла толпа людей с видео- и фотокамерами, суетливо бежавшая по перрону за останавливающимся составом. У некоторых в руках были цветы. Особенно бросился в глаза крепкий темноволосый мужчина, державший в руках букет огромных белых голландских роз.

– Кого это так встречают? – поинтересовалась она, у сопровождавшего ее историка и краеведа Бориса Дьяченко.

– Вас! – ответил он.

На глаза 74-летней женщины навернулись слезы.

Много лет назад, вот таким же майским ранним утром 1931 года, они всей семьей, под завесой густого тумана, преследуемые властями, бежали из родного Владивостока. Бежали, чтобы спасти единственное, что у них еще оставалось, – жизнь. Думала ли тогда она, больная, измученная, тринадцатилетняя девочка, что когда-нибудь снова вернется сюда? Думала. Надеялась. Вот только не знала, что произойдет это через шестьдесят с лишним лет. За период с 1920 по 1931 г. из Владивостока в эмиграцию уехали 25 человек из семьи Бринер. Ирина с родителями и семья ее тети Нины были последними. И только ей одной, одной из двадцати пяти, суждено было вернуться назад....

Ирине Бриннер выпала нелегкая судьба. Проблемы в семье начались еще до ее рождения, когда младший сын Владивостокского первой гильдии купца Юлия Ивановича Бринера – Феликс – и дочь военного врача Вера Дмитриевна Благовидова поженились в Петрограде в апреле 1917 года. Сам Юлий Иванович воспринял это известие спокойно, а вот его супруга Наталья Иосифовна не могла найти себе места от негодования. Сначала старший сын Борис женился, не спросив родительского согласия, и вот теперь Феликс! И кого в жены-то выбрали? Сестер Благовидовых – этих выскочек из интеллигенции! Наталья Иосифовна не брала в расчет даже тот факт, что Благовидовы еще не так давно жили во Владивостоке и обе девочки посещали ту же гимназию, что и дочери Юлия Ивановича Бринера. Более того, именно в их квартире, в Петербурге, братья Бринеры снимали комнату на время учебы. И наконец, ее не смущало даже то, что Вера Дмитриевна с отличием закончив Петроградский женский медицинский институт, имела редкую для женщины профессию врача-психиатра, очень престижную и хорошо оплачиваемую в это трудное время.

Летом того же 1917 года Феликс Юльевич принял решение увезти беременную жену и овдовевшую тещу из Петрограда во Владивосток. Он понимал, что мать, недовольная его самовольной женитьбой, не признает невестку, но все же дома было спокойнее, чем в охваченной революционными волнениями столице. Вера Дмитриевна тоже переживала по поводу переезда. Она уже знала из писем старшей сестры

Марии Дмитриевны, как тяжело той живется в одном доме с ненавидящей всех Благовидовых свекровью. Но уезжать было необходимо.

Девочка, появившаяся на свет 18 ноября 1917 года (1 декабря по нов. стилю), родилась недоношенной и была настолько слабенькой, что пришедшая на нее посмотреть Наталья Иосифовна язвительно произнесла: «Господи! Я таких страшных детей сроду не видела! Она – не жилец!» Но Вера Дмитриевна, гневно взглянув на свекровь, в тон ей ответила: «А я ее выхожу!»

И выходила! Целыми днями она не отходила от дочери, делая ей систематические растирания, кормила специально приготовленными смесями. Девочка выжила, но еще долго оставалась слабенькой и болезненной. Крестили ребенка лишь полгода спустя в Свято-Николаевской церкви на Второй Речке. В метрике написали, что девочка названа Ириной в честь именин Святой мученицы. На самом деле это имя родители выбрали еще до ее рождения. Восприемниками были родной брат отца Борис Юльевич Бринер и мать Веры Дмитриевны – Анна Тимофеевна Благовидова.

Детство Ирины пришлось на сложный период становления Советской власти в Приморье. После окончания Гражданской войны многие семьи купцов и промышленников Владивостока уехали из страны. Но дядя Ирины – Борис Юльевич Бринер, обладающий коммуникабельным характером, сумел найти общий язык с новой властью, несомненно на тот момент в нем нуждавшуюся. В условиях НЭПа Бринерам, на определенных условиях, оставили их предприятия в Тетюхе (Дальнегорск). Борис Юльевич вошел в состав правительства ДВР в должности министра промышленности. Его старший брат Леонид Юльевич осуществлял общее руководство фирмой и курировал работу владивостокского биржевого комитета, а вернувшийся с войны отец Ирины – Феликс Юльевич возглавил контору в порту и стал членом комитета Общества рыбопромышленников. Таким образом, вся семья осталась во Владивостоке.

Но новая власть воспринимал Бринеров как заклятых врагов, рассматривая их социально чуждыми. За Бринерами постоянно следили, их детям не разрешили посещать обычную школу. И чем крепче ста-

новились большевики, чем глубже вникали они в сложные вопросы управления промышленностью и торговлей, тем отчетливее становилось видно, что недалек тот день, когда с Бринерами будет покончено навсегда.

Не менее сложная обстановка была и внутри семьи. Наталья Иосифовна так и не смирилась с пребыванием в их доме ненавистных ей невесток и их матери. Но до поры до времени сыновьям удавалось защищать своих жен от ее произвола.

Все изменилось, когда уехавший в длительную командировку в Москву Борис встретил и полюбил другую женщину. Ею оказалась актриса Московского художественного театра Екатерина Ивановна Корнакова, приходившаяся двоюродной сестрой Маргарите и Ангелине Янковским – дочерям известного во Владивостоке купца Михаила Григорьевича Шевелева. Бринеры всегда были в тесных дружеских связях с семьями Шевелевых и Янковских. С последними их связывали еще и родственные узы.

Мечущийся между внезапно вспыхнувшей любовью к Кате и долгом по отношению к жене и детям (у него их было двое – дочь Вера и сын Юлий), Борис написал домой письмо, в котором честно рассказал обо всем, что произошло. Циничным назвать это письмо трудно, это скорее был крик души и надежда на то, что его поймут и простят, а может, и помогут найти выход из создавшегося положения. Однако все произошло совсем иначе. Мария Дмитриевна восприняла это как предательство человека, которому она всецело доверяла, ради которого оставила учебу в консерватории, за которым приехала во Владивосток и мужественно терпела выходки своей вздорной свекрови. Мария Дмитриевна впала в состояние сильнейшей депрессии и даже какое-то время не смогла заниматься детьми. Вера Дмитриевна целиком и полностью поддержала сестру, и вместе с ней на сторону Марии Дмитриевны встал и Феликс Юльевич, целиком находившийся под влиянием своей супруги. Однако вся остальная семья поддержала Бориса. Ни старший брат Леонид, ни сестра Бориса Нина с мужем, ни уж тем более Наталья Иосифовна не могли понять, почему произошедшее, нужно принимать как катастрофу. И уж тем более не было понятно,

почему сестры Благовидовы во всем случившемся обвинили семьи Шевелевых и Янковских и разорвали какие-либо отношения с ними. Кончилось тем, что Борис, к великой радости Натальи Иосифовны, развелся с женой, причем сделал это в одностороннем порядке, не спрашивая согласия Марии Дмитриевны, а затем женился на Корнаковой. В этих условиях, Марии Дмитриевне и ее детям не оставалось ничего иного, как покинуть бринеровский дом. Вместе с ними его покинула и семья Феликса Бринера.

События, происходившие в доме и за его пределами, не могли не наложить свой отпечаток на формирование характера Ирины. Она рано научилась трезво оценивать окружающую обстановку. Постоянные болезни, которые ей приходилось преодолевать, трудности, которые она переживала со своей семьей, научили ее мужеству, терпению, выдержке, умению в любой ситуации оставаться борцом.

К сожалению, в силу того что все контакты с остальными представителями семьи Бринер были прерваны, Ирина довольно поверхностно знала историю собственной семьи. Вера Дмитриевна и Мария Дмитриевна не считали нужным рассказывать это детям, а, может, они и сами не знали, какую истинную роль играла семья Бринер в истории Южно-Уссурийского края и в развитии его экономики. А у Феликса Юльевича просто не было на это времени. Вполне возможно, что он опасался, в условиях постоянного контроля со стороны властей, говорить лишнее. Во всяком случае, впервые он расскажет Ирине об этом только в Швейцарии, когда повезет жену и дочь в деревушку Мерикен Вильдег, из которой вышла семья Бринер. Но Ирине в то время было всего 18 лет. Она впервые совершала вояж по странам и континентам. И в этом путешествии она бывала в стольких городах и диковинных местах, что посещение скромной швейцарской деревушки потонуло в море полученных впечатлений.

Зато Ирина Феликсовна превосходно помнила события, свидетелем которых была. Поэтому она многое могла рассказать о своем отце, особенно в период их жизни в Дайрене. Неплохо знала она и историю семьи Благовидовых, из которой происходила ее мать и любимая бабушка Анна Тимофеевна. И, конечно, как никто другой, она помни-

ла много забавных историй из своего детства, связанных с любимым двоюродным братом – Юлькой, ставшим впоследствии легендарным актером Юлом Бриннером.

А еще Ирина до глубины души любила свой родной город Владивосток и его окрестности. Девочка испытывала несказанное удовольствие, когда родители, несмотря на сложную обстановку, брали ее с собой в поездки по городу. До конца жизни Ирина хранила теплые воспоминания о 19-й версте, куда они переехали после ухода из Бринеровского дома, и о красивейших местах полуострова Сидеми, где находилось их загородное имение. И через много лет она в мельчайших подробностях описала их. Поэтому, первые годы эмиграции, вдали от родной земли, она переносила очень тяжело. Ирина во всех подробностях помнила то туманное майское утро, когда, взяв только документы и самое необходимое, они бежали из Владивостока. Никто из них не хотел покидать родной город, но им просто не оставили выхода. Власти больше не церемонились с Бринерами. Уже были арестованы осуждены и расстреляны многие из тех семей, кто, как и Бринеры, в годы НЭПа остались во Владивостоке. Такая же участь со дня на день ожидала и их.

В эмиграцию представители семьи Бринер начали уезжать еще в Гражданскую войну. Первыми в 1920 г. покинули Владивосток старшая дочь Ю.И. Бринера, Маргарита Юльевна, и ее дети. Годом позже распалась семья старшего из братьев Леонида Юльевича, жена которого Мария-Тереза Вильямс была американкой. После развода Мария-Тереза уехала в Америку, увезя с собой троих сыновей. Вскоре Леонид Юльевич женился вновь на актрисе Елене Борновской и удочерил ее дочь Аду. Но после смерти Натальи Иосифовны в мае 1926 г. Леонид Юльевич с новой семьей перебрался в Харбин. В тот же год покинула Владивосток Мария Дмитриевна с Верочкой и Юлькой. Вместе с ними уехала на чужбину и Анна Тимофеевна. И в мае 1931 г. настала очередь бежать из города Феликсу Бринеру с женой и дочерью и семье его младшей сестры Нины. Что касается Бориса Юльевича и его супруги Кати Корнаковой, то они в тот момент находились в Москве. Но как только Борис узнал, что Феликс и все остальные прибыли в Китай, они с Катей незамедлительно

сели на поезд идущий во Владивосток, а затем, обманув бдительность следивших за ними лиц, пересели в Новосибирске на поезд, идущий в Харбин. Таким образом, летом 1931 г. никого из Бринеров в СССР не осталось, за исключением средней дочери Ю.И. Бринера, Марии, которая последовала за репрессированным мужем в Тобольск.

Нельзя не отметить глубокую любовь Ирины Феликсовны Бриннер к русской культуре, которую она унаследовала от своих родителей. В доме Бринеров в период их жизни в особняке на Алеутской, и в домике на 19 версте, и позднее в квартире на Посъетской, куда, после отъезда Марии Дмитриевны в Харбин, Феликс Юльевич перевез свою семью, всегда собиралось много гостей. Среди них были художники, поэты, музыканты и певцы. В доме постоянно звучала музыка, исполнялись романсы русских композиторов. Мария Дмитриевна, хотя и не стала оперной певицей, обладала редкостной красоты голосом. Слушать ее пение было величайшим наслаждением. Вера Дмитриевна тоже была хорошей пианисткой и вокалисткой. Прекрасно умел петь и Феликс Юльевич, обладавшим красивым тенором. Неслучайно поэтому любовь к музыке передалась их детям. Двоюродная сестра Ирины – Вера – впоследствии стала известной в Америке оперной певицей. Брат Юлий тоже великолепно играл на разных инструментах и в совершенстве владел искусством исполнения русских народных и цыганских песен.

Посвятила себя вокалу и Ирина, правда, произошло это гораздо позднее. В искусстве она начинала как художник. Еще в подростковом возрасте ее акварели удостаивались отдельных выставок в харбинской школе ХСМЛ, где Ирина получала среднее образование. Ее талант художника побудил родителей отправить Ирину на обучение в «Кантональную школу рисования и прикладного искусства» в Швейцарии, где она всерьез увлеклась скульптурой. Параллельно Ирина изучала Лозаннском университете историю искусств. А потом была война, потери родных и близких, возвращение в Дайрен и, наконец, самый страшный удар – смерть отца.

Феликс Юльевич скончался от инфаркта 29 мая 1942 г. Похоронили его там же, в Дайрене, рядом с тем местом, где шестью годами ранее нашла упокоение любимая бабушка Анна Тимофеевна Благовидова. А вскоре, японские власти потребовали от Веры Дмитриевны и Ирины немедленно оставить Дайрен. И вновь они, бросив все, с одними документами в кармане, вынуждены были бежать в Харбин, затем в Америку. Больше они с матерью никогда не вернутся в Дайрен. Кто-то сказал им, что в годы «Культурной революции» русское кладбище в Дайрене было разрушено, а на его месте обустроен теннисный корт. Много лет спустя выяснилось, что больше половины памятников действительно было уничтожено, но могилы Феликса Юльевича и Анны Тимофеевны уцелели. С них сбили кресты, однако надгробия с именами усопших сохранились и в таком виде находятся там до сих пор. Но этого Ирина Феликсовна так и не узнала.

В Америке Ирина устроилась работать учительницей рисования в Сан-Франциско, но умной и талантливой девушке этого было мало. Сначала была работа по скульптуре под руководством русского скульптора Михаила фон Майера, а затем работа по камню с американцем Ральфом Стакполом. Позже стало обрисовываться настоящее призвание Ирины – ювелирная работа с применением новых форм, линий и идей современного искусства.

В 1958 г. Ирина переехала в Нью-Йорк и уже через год приобрела хорошую репутацию как проектировщица золотых изделий. Работы Ирины Бриннер получили высокую оценку у признанных мастеров ювелирного дела. Ирина удостоилась целого ряда призов, принимала участие на выставке в Лондоне, во всемирной выставке в Брюсселе, а также с успехом провела личную выставку в Музее Современных Искусств в Нью-Йорке.

В ее жизни было много взлетов и падений, поражений и побед, но что бы ни случилось, Ирина Феликсовна демонстрировала удивительную силу воли и умение находить выход из самых сложных ситуаций. Когда стало подводить зрение, Ирина поняла, что дальше не сможет полноценно заниматься ювелирной работой, она обратила свой взор на сценическую деятельность. В 67 лет Ирина Феликсовна стала брать

уроки вокала у известного музыканта и педагога Раймонда Бигля, а затем вместе со своим учителем выступать с концертами на различных сценических площадках. Причем исполняла Ирина исключительно романсы великих русских композиторов.

Все годы жизни в эмиграции Ирина Бриннер продолжала оставаться истинно русским человеком. Она любила Россию и не скрывала этого. Правда, живя в Швейцарии, она стала католичкой, но это произошло скорее потому, что православной церкви рядом не было. Ее любовь к родине сказывалась во всем и, в первую очередь, в глубоком уважении к русскому языку и русской культуре. Ирина до конца жизни превосходно говорила на чистейшем русском языке, легко употребляя даже ненормативную лексику, чем немало удивляла приезжавших к ней из России друзей и знакомых. Еекоробило, когда кто-то из близких людей, покинувших Россию, начинал забывать свой язык. Однажды, она позвонила кузену Юлу Бриннеру и была неприятно удивлена, услышав в трубке английскую речь.

– Почему ты разговариваешь со мной по-английски? – строго спросила она.

– Потому что мне так удобнее, – ответил Юл.

Она положила трубку. А год спустя Юл сам позвонил ей. На этот раз он говорил по-русски. Ирина молча слушала его. Он правильно понял ее молчание и виновато спросил:

– Ты заметила? Да? Я вдруг понял, что стал забывать русские слова. И ты знаешь, я снова стал читать русские книги.

Отныне и до самой смерти Юла они разговаривали друг с другом только по-русски.

Не менее глубокое уважение было у Ирины к русской культуре, литературе, поэзии, музыке. Она обожала русскую классику, покупала редкие книги и картины русских художников, с удовольствием посещала салоны, где исполнялись русские классические и бардовские песни. Она мечтала вновь оказаться в России. Но такая возможность представилась ей только во второй половине 1960-х, когда они с матерью Верой Дмитриевной дважды посетили СССР по туристической визе.

Для Ирины было великим наслаждением слышать вокруг себя русскую речь, посещать выставки, картинные галереи. Вместе с Верой Дмитриевной они побывали в Большом и Московском Художественном театрах. Посетили Ленинград, Киев, Ялту. Единственно, что безумно огорчало Ирину, так это невозможность приехать в родной Владивосток, который в те годы был закрытым городом.

Такая возможность появилась у нее только в постсоветский период. Узнав о том, что жена ее двоюродного брата Павла в 1989 г. была проездом во Владивостоке, Ирина решила во что бы то ни стало приехать в город своего детства. Ее не остановило даже то, что незадолго до этого она перенесла сложнейшую операцию по удалению раковой опухоли.

Ее визит во Владивосток в мае 1992 года был знаковым не только для нее самой, но и для всех историков, краеведов Приморья и простых людей, равнодушных к истории края. Ирина приехала не как простой гость. В течение недели она дала шесть концертов в Малом зале Приморской краевой филармонии, где исполнила десятки романсов великих русских композиторов, Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова и др. Привезла с собой уникальную коллекцию фотографий семьи Бринеров. А два комплекта своих ювелирных работ подарила Краевому музею им. Арсеньева.

Проехав по местам своего детства, она посетила родовой особняк Бринеров на Алеутской улице, бывшую квартиру на Посъетской, домик на ст. Санаторная (бывшая 19-я верста). Отдельный день посвятила поездке на Сидими, к тому месту, где когда-то располагалось загородное имение Бринеров и их семейная усыпальница. Ее встречи с журналистами, историками и краеведами проходили в переполненных залах, где Ирине Феликсовне задавалось много вопросов о жизни Бринеров во Владивостоке. Только здесь и сейчас она поняла, что история ее семьи является, пожалуй, самым главным богатством, которое у нее есть, и что она, Ирина Феликсовна Бринер, является ее носителем. Ее не мог не потрясти тот факт, что историки и краеведы уже много сделали для восстановления своей некогда утраченной дореволюционной истории. И как русский человек, как уроженка этого города, как представительница именитой фамилии, она не могла остаться

от этого в стороне. И она решила по возвращении домой сесть и написать книгу воспоминаний. Этой цели она посвятила весь остаток своей жизни.

У всех тех, кому приходилось бывать в нью-йоркской квартире Ирины Бриннер и общаться с ней, оставалось глубокое и незабываемое впечатление. Небольшие, но уютные апартаменты были полны произведений искусства и антикварных вещей: старинные иконы, книги, необычные камни, скульптурные изделия всевозможных размеров, картины, семейные фотографии и фотографии знаменитых друзей семьи, таких, как Мстислав Ростропович, Галина Вишневская, Жильбер Альбер и др. Особое место занимал портрет любимого брата Юла. В самом центре гостиной стоял рояль, около которого неизменно лежали издававшие виды ноты. Различные цветы и растения придавали уют гостиной и прилегающему к ней балкону. Ирина всегда была рада гостям из России и, несмотря на занятость, всегда находила время для встреч и бесед, но стоило приехать даже незнакомому человеку из Владивостока, она принимала его так, как родного, будто знала всю жизнь.

В 2000 году в Америке был сделан документальный фильм «Русская душа Ирины Бриннер». Такое название дала фильму его автор журналистка Нана Гонгадзе. Пожалуй, это название лучше всего характеризует Ирину Феликсовну.

Все последние годы, мучительно борясь с неизлечимой болезнью, она находила в себе силы выступить с концертами. За два месяца до смерти, в день своего 85-летия, 1 декабря 2002 г., Ирина дала свой прощальный концерт в церкви Святого Стефана на Манхэттене, где исполнила свои любимые романсы Чайковского. «Для меня очень важно разделить с вами это событие, – писала она в приглашении друзьям. – Вероятно, это мое последнее выступление на публике, и таким образом я хотела бы поделиться с вами моей любовью к жизни и чувством благодарности за друзей, которых она мне подарила».

И еще она продолжала писать свои воспоминания. Все ее последние мысли были обращены к родному Владивостоку, в который она так хотела еще раз вернуться...

И она вернулась!

Через полгода после смерти Ирины в столице Приморья впервые открыл свои двери Международный кинофестиваль «Меридианы Тихого», на который качестве почетного гостя был приглашен Рок Бриннер – сын Юла Бриннера. Но Рок приехал не один. В его руках была урна с прахом Ирины Феликсовны Бриннер. Несколько дней спустя прах был развеян над волнами Амурского залива.

И вот теперь она вновь возвращается к нам. На этот раз в виде русского издания своих воспоминаний, с каждой страницы которого на нас смотрит русская душа Ирины Бриннер.

Елена Сергеева
2013 г.

В очерке использованы материалы Нины Рытовой и Льва Штерна.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 8. Автор приводит неточную информацию – первые корейцы появились на территории современного Приморского края в 1863 г., а осёдлые китайцы только с заселением края русскими переселенцами, до этого в крае встречались лишь маньчжурские деревни, либо временные фанзы китайцев-отходников.

Стр. 9. *«Мой дед Юлиус Бринер, по-русски звавшийся Юлием Ивановичем...»* – Юлий Иванович Бринер (1849–1920). – Швейцарский гражданин, протестантского вероисповедания. Проходил обучение в коммерческой гимназии в Женеве, затем в Международной транспортно-экспедиторской компании «Данзас». Впервые приехал во Владивосток в 1874 г. по приглашению Густава Кунста. Это был чисто ознакомительный визит. В 1880 годом датируется основание во Владивостоке фирмы «Бринер и К^о». Принял подданство Российской империи в 1890 г. Владивостокский купец 1-й гильдии с 1896 г. Совладелец Торгового Дома «Бринер, Кузнецов и К^о». С 3 мая 1901 г. – торговый агент Нидерландов во Владивостоке, с 29 июня 1908 г. – нидерландский консул. Владел свинцово-цинковыми рудниками в Тетюхе. Пайщик Ново-Удыльского золотопромышленного товарищества. Рыбпромышленник Камчатского района. Пайщик спичечной фабрики А. Суворова. Домовладелец. Меценат. Член Приморского областного статистического комитета, член Владивостокского биржевого комитета, видный общественный деятель во Владивостоке. Почетный член Общества изучения Амурского края. Потомственный почётный гражданин.

Стр. 9. Торговый Дом «Бринер, Кузнецов и К^о» был основан 5 марта 1891 г., когда в городе уже действовали крупные компании, такие как ТД

«Кунст и Альберс» (осн. 1864), ТД «Иоган Лангелитье» (осн. 1875), отделение ТД «И.Я. Чурин и Ко» и т.д.

Стр. 9. *«Талантливая карикатуристка Вита...»* – Загибалова Виктория Леонидовна (1907–1987), художница-карикатурист, рисовала под псевдонимом Вита. Эмигрировала из Владивостока в Харбин в 1922 г., в 1930–1939 гг. работала в журнале «Рубеж», с 1941 г. в США, где работала на студии Уолта Диснея.

Стр. 12. Тетюхе – с 1972 г. город Дальнегорск. Основан в 1897 г. как горняцкий посёлок, после обнаружения там залежей свинцово-цинковых руд. Дальнегорск удалён от Владивостока на 535 км, расположен в восточных отрогах горной системы Сихотэ-Алинь в долине реки Рудная в 35 км от побережья Японского моря.

Стр. 12. Приморский государственный объединённый Музей имени Владимира Клавдиевича Арсеньева, основан в 1884 г. и открыт для посетителей в 1890 г. как музей Общества изучения Амурского края, в настоящее время центральное здание музея расположено по ул. Светланская, дом 20.

Стр. 14. *«Моя тетя Нина...»* – Нина Юльевна Бриннер (1895–1972). – младшая дочь. Ю.И. Бринера.

«Нет ли у них картин Николая Штукенберга...» – Штукенберг Николай Максимович (1880–1937). Капитан каботажного плавания. Гл. Инспектор в управлении Госморпароходства. Художник. Репрессирован и расстрелян 11.09.1937 г. Посмертно реабилитирован 29.07.1958 г.

Стр. 18. Приморская краевая филармония с 1980 г. располагается в здании по ул. Светланская, 15, построенном в 1903 г. в качестве театрального зала при гостинице «Золотой Рог». В разное время здесь находился Оперный театр, Театр юного зрителя, с 1932 по 1980 г. – краевой драматический театр.

Стр. 21. *«Дед по отцу Юлиус Бринер – сын швейцарского врача...»* – Ирина Бриннер ошибается. Иоганн Бринер (1820–1890) был прядильщиком шелка.

«Англичанин дал ему образование, а со временем и сделал своим партнером...» – Это всего лишь легенда. На самом деле Юлиус Бринер прохо-

дил обучение в коммерческой гимназии в Женеве, затем в Международной транспортно-экспедиторской компании «Данзас», по линии которой был направлен в Японию, в Йокогаму, где и основал собственный бизнес.

Стр. 25 *«Женился на бурятке (это такая русско-монгольская народность Сибири), и звали ее Наталия Иосифовна Куркутова...»* – Это не совсем правильно. Наталия Иосифовна Куркутова-Бринер (1866–1926) была представительницей русско-бурятской семьи Куркутовых, предки которых по мужской линии происходили из монгольского племени хурхутов (отсюда и фамилия – Куркутовы). Еще в середине XVIII века племена хурхутов, спасаясь от гнета более сильных племен, пересекли границу Бурятии и поселились на их территории. В 1790-х гг. один из них принял православие и получил имя Герасим и фамилию Куркутов. Женился на бурятской девушке. Его сын Иван Герасимович Куркутов был дедом Наталии Иосифовны. Все последующие представители семьи Куркутовых, включая самого Ивана Герасимовича, женились на русских женщинах.

«Мой отец Феликс...» – Феликс Юльевич Бринер (1891–1942) – младший из сыновей Ю.И. Бринера.

«По материнской линии моими дедом и бабушкой были врач Дмитрий Евграфович Благовидов и Анна Тимофеевна Киреева...» – Дмитрий Евграфович Благовидов (1863–1915). Сын отставного унтер-офицера. Вместе с Владимиром Ульяновым (Лениным) в 1887 г. принял участие в студенческих беспорядках в Казани, за что был исключен из Казанского Университета. Позднее окончил Императорскую Военно-Медицинскую Академию в С.-Петербурге. С 1898 по 1911 гг. проходил военную службу во Владивостоке. Отсюда произошло знакомство Благовидовых с семьей Бринер. Анна Тимофеевна Благовидова (1863–1936) – дочь пензенского крестьянина Тимофея Киреева. Супруга Д.Е. Благовидова.

«У них было двое детей – Мария и Вера...» – Мария Дмитриевна Благовидова (1889–1943), Вера Дмитриевна Благовидова (1890–1975).

Стр. 25. 20 марта 1909 года для разработки месторождений полиметаллических руд было создано «Акционерное горнопромышленное общество «Тетюхе» в составе ТД «Бринер и К^о», германской торговой фирмы «Арон Гирш и сын» и британского предпринимателя Александра Людвиговича Петерсона. Правление общества находилось в Санкт-Петербурге,

на 1913 г. председателем правления был барон Георгий Георгиевич Винекен, вице-председателем Авраам Вениаминович Гирш, директором-распорядителем Ю.И. Бринер, членами правления Эмиль Вениаминович Гирш и Луи Чарльз Бринер; кандидатами в члены правления Александр Людвигович Петерсон и Иосиф Иосифович Вольфлисберг. Управляющий Владивостокской конторой – барон Павел Евгеньевич Гаарен, главный бухгалтер конторы Леонард Иосифович Швалко.

Бухта Рудная, до 1972 года – Тетюхе. На западном берегу бухты расположен посёлок и портовый пункт Рудная Пристань. Мыс Бринера (44°21'N 135°50'E) – южный входной мыс бухты Рудная. Не путать с мысом Бринера на полуострове Янковского в Хасанском районе Приморского края – северным входным мысом бухты Гека и западным входным мысом бухты Нарва.

Стр. 30. *«Отцов брат Борис...»* – Борис Юльевич Бринер (1889–1948) – средний из сыновей Ю.И. Бринера. Весной 1916 г. окончил по 1-му разряду Петроградский горный институт Императрицы Екатерины II-й. Горный инженер. Директор-распорядитель акционерного Горно-промышленного Общества «Тетюхе» (АГОТ). В начале 1920-х гг. – министр промышленности и торговли ДВР во Владивостоке.

«Красивая дочка Вера...» – Вера Борисовна Бринер (1916–1967) родилась в Петрограде, и только после этого семья переехала во Владивосток. Вера окончила Парижскую консерваторию и была известной оперной певицей.

Стр. 31 Прaporщик запасной сапёрной роты Гренадёрского полка Феликс Бринер и женщина-врач Вера Благовидова венчались в полковой церкви лейб-гвардии Гренадёрского полка в храме Спаса Преображения Господня, располагавшемся на Аптекарском острове. Храм был освящён в 1845 г., закрыт в 1923 г., в 1930 г. переделан под лабораторные помещения Ленинградского электротехнического института, в 2006 г. возвращён Санкт-Петербургской епархии.

Стр. 31. *«Второй ребенок, которого назвали в честь деда Юлиусом...»* – Юлий Борисович Бринер (1920–1985).

Стр. 38. *«С мешком к нам приходил Дед Мороз...»* – Эту роль неизменно выполнял Леонид Юльевич Бринер.

Стр. 40. «Первой встречей со смертью для меня стала кончина папиной тети Бабы Тони...» – Это не может быть правдой, потому что Антонина Иосифовна Куркутова-Скурская (1863–1916) умерла за год до рождения Ирины. Скорее всего, Ирина помнила похороны Юлия Ивановича Бринера, которые произошли как раз в описываемое ею время (10 марта 1920 г.). Других смертей в семье Бринер в тот период не было.

Стр. 41. «Подчинялся генералу Колчаку...» – Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – русский ученый-океанограф, один из крупнейших полярных исследователей конца XIX – начала XX веков, военный и политический деятель, флотоводец, действительный член императорского русского географического общества. Участник ряда полярных экспедиций 1900-1909 гг. Наражден Императорским русским географическим обществом Большой Константиновской медалью. Автор фундаментального научного труда «Лёд Карского и Сибирского морей», теоретического труда «Какой нужен России флот», родоначальник теории подготовки, организации и проведения совместных операций армии и флота. Автор целого ряда научных статей и работ. Лектор Морской академии. Адмирал, участник Русско-японской войны, обороны Порт-Артура. Во время Первой мировой войны командовал минной дивизией Балтийского флота (1915–1916), Черноморским флотом (1916–1917). Георгиевский кавалер. Вождь Белого движения. Верховный Правитель России. Расстрелян большевиками в 1920 г.

«Французский генерал Ренан...» – Ирина неправильно произнесла имя. Имеется ввиду генерал Жанен Пьер (1862 – 1946) – сын военного врача. Окончил Академию Генерального Штаба Сен Сир. Преподавал в Николаевской Академии Генерального Штаба. Участник Первой мировой войны. Глава военной миссии Франции при Ставке Верховного Главнокомандующего Русской армии – Николая II в Могилеве. Дивизионный генерал. Принимал участие в формировании Чехословацкого корпуса из граждан Австро-Венгрии в России. В начале ноября 1918 г. прибыл со Стефанеком во Владивосток. Глава французской военной миссии при Колчаке. Выдвинут союзниками в качестве главнокомандующего всеми антибольшевистскими силами осенью 1918 г., однако Колчак оспорил это, результатом чего стало установление личной антипатии между ними. Уже в начале 1919 генерал Жанен выступал за сепаратные переговоры с

большевиками. Является одним из главных виновников передачи Колчака «Политцентру». По возвращении во Францию критиковался за непротиводействие чехам и словакам, выдавшим Колчака.

Стр. 41. *«Папу приписали другому белому генералу – Каппелю...»* – Владимир Оскарович Каппель (1883–1920), генерал-лейтенант, в декабре 1919 г. принял командование гибнущим Восточным фронтом Белой армии, и в условиях сибирской зимы совершил почти 2000-километровый конно-пеший переход от Барнаула до Байкала и спас армию. Переход получил наименование «Великий Сибирский поход» с неофициальным прибавлением «Ледяной». Похоронен в Харбине, в 2006 г. останки В.О. Каппеля были перевезены в Москву и перезахоронены на кладбище Донского монастыря.

Стр. 45. *«Первым здесь поселился Гек...»* – Гек Фридольф Кириллович (1836–1904) – мореплаватель, китобой, исследователь. Родился в Финляндии, с 12 лет начал выходить в море. В 1855 г. в порту Або сдал вступительный экзамен в мореходную школу, а 6 мая 1856 г. успешно сдал экзамен на штурмана, но ему не доставало плавательного ценза (42 месяца). В августе 1857 г. Гек был зачислен гарпунером на китобой «Граф Берг» финско-русской китобойной компании и несколько лет бороздил воды Тихого океана, в 1863 г. окончил мореходную школу и получил диплом капитана. 26 марта 1868 года бриг «Император Александр II» под командованием Гека вошел в порт Находка и высадил финских переселенцев. Фридольф Гек первым из россиян организовал китобойный промысел в Приморье, помимо этого он занимался транспортными перевозками и рыболовством. С 1893 г. Гек, находясь на государственной службе, командовал шхуной «Сторож» Министерства государственных имуществ, которая охраняла котиковые лежбища и была наделена правом таможенного надзора. Гек выполнил съемку бухт некартографированных участков побережий Чукотки, Камчатки и Японского моря. Им было открыто несколько новых бухт, составлены карты с промерами глубин устьевых участков рек, глазомерные планы многих якорных стоянок. Нынешнее поколение дальневосточных моряков до сих пор пользуется навигационными картами, на которых в примечаниях указано: «По глазомерной съемке шкипера Гека». Жизнь Фридольфа Кирилловича трагически оборвалась в 1904 году, шкипер был похоронен на Морском кладбище Вла-

дивостока, а его имя присвоено одной из улиц города и увековечено на географических картах. Источник: Русская Википедия, 2010.

Стр. 48. *«Михаил Янковский был охотник и предприниматель...»* – Янковский Михаил Иванович. Крупный фермер, предприниматель и ученый. Дворянин, поляк. Был сослан в Сибирь за участие в польском восстании 1863 г. На поселении занимался золотопромышленностью. В 1872–74 гг. вместе с польскими ссыльно-поселенцами профессором Б. Дыбовским и В. Годлевским участвовал в научной экспедиции по Амуру. В 1876 г. поселился на острове Аскольд Приморской области в качестве управляющего золотыми приисками купца И.И. Кустера. В 1879 Янковскому были возвращены права дворянства, он был оставлен под надзором полиции до 1890 г. В 1879 г. основал сельскохозяйственную ферму и конный завод на полуострове в бухте Сидеми (Амурский залив). К концу XIX века имел в собственности 321 десятин и арендованной – 7375 десятин земли. Лошадей поставлял крестьянам Приморской области, в драгунский полк села Раздольное. Активные дела на ферме закончил в 1906 г., уехал во Владивосток, оставив имение жене и детям. Начал книготорговлю во Владивостоке в компании с бывшим служащим А.А. Трусовым, участвовал в кожевенном предприятии под фирмой «Жуклевич, Янковский и К°». С 1902 г. отделение книжного магазина открыл в городе Николаевске-Уссурийском. Член Иркутского отделения Российского Географического общества, Общества изучения Амурского края. Естествоиспытатель, энтомолог, археолог, вел метеорологические наблюдения. Автор научно-популярных докладов о коннозаводстве, о природе острова Аскольд. Награжден малой золотой медалью Императорского московского общества сельского хозяйства, серебряной медалью государственного коннозаводства (за жеребца Тамерлана). Имя Янковского носят несколько видов бабочек и др. насекомых, растения, археологическая культура юга Приморья и особая, им выведенная порода лошадей. В 1909 уехал в Семипалатинск на лечение. Умер в 1912 г. в г. Сочи.

«Был женат на интересной женщине, Дэйзи...» – Маргарита Михайловна Янковская (1884–1936). Дочь владивостокского 1-й гильдии купца М.И. Шевелева. Жена Юрия Михайловича Янковского (1879–1956).

Стр. 49. «В 1924 году семью нашу постигла нежданная трагедия...» – Более правильно 1923 год, потому что письмо Бориса, о котором говорит Ирина, датировано 13 октября 1923 г.

«Встретил там Катерину Корнакову...» – Екатерина Ивановна Корнакова (1895–1956), дочь Кяхтинского купца, двоюродная сестра жены Юрия Янковского, который в свою очередь был двоюродным братом Бориса Бринера. Её мать – Августа Дмитриевна Синицина – была родной сестрой жены Михаила Григорьевича Шевелева и тёткой жены Юрия Янковского. Просила называть себя Катерина. Ученица Н.О. Массалитинова и К.С. Станиславского. Выдающаяся актриса Московского Художественного Театра в 1920-х гг. (МХАТ Второй). На спектакли с ее участием ходила вся театральная Москва. Ради любимого мужа Б. Бринера оставила сцену и поехала с ним в эмиграцию. После смерти Бориса Бринера уехала в Лондон, где умерла от рака в 1956 г. в нищете и забвении.

Стр. 50. «Самого старшего брата Леонида...» – Леонид Юльевич Бринер (1884–1947). Старший сын Ю.И. Бринера. Предприниматель, совладелец компании «Бринер и К^о» в Харбине и Шанхае. С 1910 г. Вице-Командор, а с 1912 по 1914 гг. Командор Владивостокского яхт-клуба. Потомственный Почетный гражданин.

«Майка...» – Мария-Тереза Кирилловна Вильямс.

Стр. 52. «Очень часто навещала нас одна семья...» – Имеется в виду семья Бострем. Глава семьи Герман Иванович Бострем (1869 – после 1946 г.) – горный инженер из Екатеринбурга. Эмигрировал в Харбин. В марте 1920 г. пригласил его во Владивосток на должность своего заместителя в Ведомстве Торговли и Промышленности. С августа 1921 г. по март 1925 г. Герман Бострем работал в фирме «Бринер и К^о» заместителем директора-распорядителя и управляющим контролой Акционерного Горно-Промышленного общества «Тетюхе» (АГОТ).

«Две взрослые дочери и сын Германчик...» – Герман Германович Бострем (1911– ?). Окончил музыкальную школу им. Глазунова в Харбине, где позднее преподавал. Виолончелист. Работал музыкантом в харбинских театрах. В 1940-х гг. жил и работал в Пекине. Ирина Феликсовна говорит о двух дочерях. Но на самом деле у Германа Ивановича Бострема было три дочери. Мария (род. 1902), Елена (род. 1903) и Нина (род. 1908). Любовная история маленького Юла случилась со средней из них.

Стр. 58. «У нас была яхта, называлась она «Айрис»...» – первоначально яхта «Ирис» принадлежала семье Альберс – владельцам ТД «Кунст и Альберс», затем её купили Бринеры, но в 1924 г. продали представителю Датского телеграфа во Владивостоке Крингу.

Стр. 59. «В 1925 или 1926 году Маруся увезла детей...» – Точная дата – лето 1926 г.

Стр. 60. «Моя двоюродная сестра Ниника» Домашнее имя Нины Сергеевны Хвицкой (1917 – после 1986 г.) – дочери Марии Юльевны Бринер (1893 – 1990-е) и Сергея Александровича Хвицкого (1889 – ок.1933). Автор ошибочно считает, что Нина – дочь Нины Юльевны Бринер. В 1926 г. Сергея Хвицкого арестовали и его дочь Нина некоторое время жила в семье тётки Нины Остроумовой, вместе с Бринерами-Остроумовыми сбежала в Китай, где её определили в колледж в Циндао. После окончания учёбы проживала в Харбине в семье Бориса Бринера. Играла на сцене любительской театральной студии под руководством Е.И. Корнаковой, где познакомилась со своим будущим мужем художником Анатолием Оксаковским. В 1941 г. в Шанхае вышла за него замуж. После прихода к власти коммунистов переехала с мужем в Канаду. 13 декабря 1996 г. была похоронена на кладбище Mountain View Cemetery and Crematorium в Ванкувере рядом с могилой мужа.

«Куда сослали ее отца...» – Сергей Александрович Хвицкий (1889-1933). Мичман 1-го Балтийского флотского экипажа. Участник Первой мировой войны. Был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени и Георгиевским оружием. Произведен в лейтенанты. Активный участник Октябрьских событий и Гражданской войны. С сентября по ноябрь 1920 года – Командующий красной Азовской флотилией. Нанес поражение флоту Врангеля, чем обеспечил победу Красной Армии в Крыму. Был награжден орденом Красного Знамени. В 1926 г. арестован по сфабрикованному делу балтийских моряков. Осужден и сослан сначала на Соловки, потом Тобольск, где скончался.

Стр. 71. Леонид Витальевич Собинов (1872–1934), один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы, народный артист РСФСР.

Стр. 73. *«Муж Авы по фамилии Вознесенский был видным геологом...»* – династия известных русских геологов и горных инженеров – Вознесенский Владимир Александрович (1863–1927), Николай Владимирович Вознесенский (1901–1938), Дмитрий Владимирович Вознесенский (1904–1956), Владимир Дмитриевич Вознесенский (1932–?), Сергей Дмитриевич Вознесенский (1937–?).

Стр. 76. *«Шурик прожил у нас несколько недель...»* – Вологдин Александр Григорьевич (1896–1971). Геолог. Член-корреспондент АН СССР. В 1925 г. окончил ЛГИ. 1920 по 1941 г. работал в различных организациях Геолкома, затем в институте АН СССР. Удостоен палеонтологической премии и медали Ч. Уокотта. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Стр. 78. *«Павла десяти лет и семилетнюю Светлану...»* – Павел Александрович Остроумов по прозвищу Бурум (1919–1987). Светлана Александровна Остроумова, по мужу Соболев (1923–1996).

Стр. 87. *«Папин друг г-н Васкевич»* – Васкевич Павел Георгиевич (1876–1958) – российский императорский генеральный консул в Кобе. Родился в семье священника Волынской губернии. Закончил японо-китайское отделение Восточного института во Владивостоке. 29 апреля 1904 г. назначен драгоманом японского языка при Походной канцелярии по дипломатической части Полевого штаба. В октябре 1904 г. переведен в качестве переводчика в Штаб Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. В 1906 г. был зачислен в Первый департамент МИД. 26 августа 1906 г. назначен Генеральным консулом Российской империи в Сеуле. Затем вице-консулом в Пусан. 31 мая 1911 г. назначен драгоманом Посольства в Токио. 5 июня 1917 г. назначен консулом в Дальний, где Васкевич был последним Генеральным консулом России. Награжден орденами Св. Станислава 2 ст, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом. Иностранные ордена: японскими орденами Св. Сокровища 4 ст. и Восходящего Солнца 4 ст. Корейским орденом Тайкын 4 ст. Мемуары П.Г. Васкевича опубликованы в токийском журнале «Славиана». Умер и похоронен в Токио.

Стр. 90. *«В тех церквях службу правили замечательные батюшки. Одного при жизни почитали как святого, а недавно его канонизировали как Св. Иоанна Сан-Францисского...»* – Автор немного ошибается: 2 июля

1994 г. Русская Православная Церковь за границей причислила к лику святых святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского. Архиепископ Иоанн (в миру Максимович Михаил Борисович) (1896–1966) с 1934 по 1951 гг. служил в Шанхае, но не в Харбине

Стр. 93. «Американский директор м-р Хейг...» – Ховард Л. Хейг, старший секретарь Харбинского отделения христианского союза, возглавлявший Харбинский ХСМЛ более 20 лет – вплоть до начала войны на Тихом океане.

«Наш добрый юный друг Алексей Хаев...» – Алексей Хаев. Родился 1914 г. близ г. Благовещенска. В 1920 г. уехал вместе с родителями в Харбин, где начал заниматься музыкой. В США с 1931 г. Композиторские способности А. Хаева оценил С.В. Рахманинов и посоветовал ему брать уроки у К.Н. Шведова. Окончил консерваторию в Нью-Йорке, учился два года в Париже. Дважды получал стипендию в Американской академии в Риме. Композитор, ученик С.В. Рахманинова и И.Ф. Стравинского, написал несколько произведений специально для хора Н. Качанова. Автор ряда музыкальных произведений духовного характера. В частности, премьера произведения А. Хаева «Страстная седмица» была исполнена хором в Канаде в 1988 г. (Источник: Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь. – Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. – С. 538.)

«Александр Зилоти...» – Зилоти Александр Ильич (1863–1945) – выдающийся русско-американский пианист, дирижер и музыкально-общественный деятель.

«Стал учеником Нади Буланже...» – Надя Буланже (1887–1979), французский музыкант, дирижер, педагог. Родилась в семье потомственных музыкантов: отец – композитор, лауреат Большой Римской премии, преподаватель вокала в Парижской Консерватории. Мать – певица Раиса Мышецкая, родилась в Санкт-Петербурге. Надя начала учиться музыке (орган, композиция) с 9-летнего возраста. С 1903 г. помогала в органном музицировании в церкви Ла Мадлен в Париже. Окончила Парижскую консерваторию. Начиная с 1920 года преподавала в Нормальной школе музыки, затем в Американской консерватории в Фонтенбло и других учреждениях.

«Учился у Листа...» – Ференц (Франц) Лист (1811–1886) – выдающийся венгерский композитор, пианист-виртуоз, педагог, дирижер, публи-

цист, один из крупнейших представителей музыкального романтизма. Основатель Веймарской школы в музыке.

«Его близким другом был Стравинский...» – Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) композитор и дирижер. В России – до 1914 г. С 1945 г. гражданин США. Творчество Стравинского отличается, с одной стороны, образным и стилистическим многообразием (от языческой архаики до античных мифов; от русского современного музыкального фольклора до европейских музыкальных стилей XVII–XVIII вв. или православных литургических песнопений и т.п.), с другой – единством, обусловленным органической связью с традициями русской музыкальной культуры. В разные периоды Стравинский обращался к различным музыкальным направлениям (от неофольклоризма к неоклассицизму и старинной полифонии, к технике новой венской школы – додекафонии). Один из новаторов в области метроритмики, оркестровки, гармонии, Стравинский оказал значительное воздействие на развитие музыки XX века. Автор опер «Соловей» (1914), «Мавра» (1922), оперы-оратории «Царь Эдип» (1927, 2-я редакция – 1948), «Похождения повесы» (1951); балетов «Жар-птица» (1910), «Петрушка» (1911), «Весна священная» (1913), «Байка про Лису, Петуха, Кота да Барана» (1916), «История солдата» (1918), «Пульчинелла» (1920, на основе тем сочинений Дж. Б. Перголези) «Свадебка» (1923), «Аполлон Мусагет» (1928), «Поцелуй феи» (1928), «Агон» (1957) и др.; кантат, «Симфонии псалмов» для хора и оркестра (1930), симфоний, концертов для оркестра и для инструментов с оркестром, камерно-инструментальных и вокальных сочинений. Источник: Русская Википедия.

Стр. 96. Автор не совсем точна – в это время как раз и происходит захват Маньчжурии: 19 сентября 1931 г. японцы с боем вошли в Мукден (ныне Шеньян), 7 января 1932 г. вышли к восточному краю Великой Китайской стены и 1 марта 1932 г. было провозглашено создание независимого государства Маньчжоу-го на территории Маньчжурии, верховным правителем которого был избран бывший император Китая Пу И.

Гоминьдан – дословно «Национальная Народная партия», образована 25 августа 1912 г. в Пекине вскоре после основании Китайской республики 1 января 1912 г. Гоминьдан вёл борьбу с Коммунистической партией Китая до поражения в Гражданской войне в 1949 г., когда гоминьдановскому правительству пришлось бежать на остров Тайвань.

Стр. 106. *Деревня Мёрикен* – Möriken – небольшое селение в кантоне Аргау в 38 километрах от Цюриха и 90 километрах от Берна, деревня располагается на берегу реки Ааре на солнечной стороне горы Честенберг. С 1945 г. деревня носит название Мёрикен-Вильдег вследствие слияния селений Мёрикен и Вильдег. Первое упоминание в исторических документах относится к 1292 г. Первоначально экономически деревня зависела от владельцев близлежащего замка Вильдег (Wildeg) с их лесами, виноделием и мельницей. С XVIII века началось развитие промышленности – переработка хлопка и окраска тканей, а в конце XIX века возникли цементные производства. В настоящее время число жителей деревни около 4.000 человек, из них примерно 450 человек являются потомками старинных родов: Бринер, Шерер, Гебхард, Хартман и Леопольд. (Здесь важно отметить, что все предки Бриннеров являлись гражданами именно этой деревни).

Замок Вильдег (Wildeg) построен около 1200 г. графами Габсбургами, затем его владельцами были одиннадцать поколений семьи Эффингер (Effinger). С 2011 г. замок перешёл в собственность кантона Аргау. В настоящее время замок и окружающие его сады и винодельни находятся под управлением Музея Аргау.

Якоб Бринер (1791–1853) имел четырёх дочерей и одного сына, Иоганна (1820–1890) – отца Юлиуса Бринера и, соответственно, деда Феликса Бринера. Одну из своих дочерей – Верену (1829–1873) – он выдал замуж за Филиппа Линка, который предположительно в качестве подрядчика строил железную дорогу в Вильдег. Таким образом, Юлий Иванович Бринер и отец Макса Линка были двоюродными братьями, а Феликс Бринер и Макс Линк были троюродными братьями.

Стр. 104. «*Звали его Ростик Гофман...*» – Гофман Ростислав Модестович (1915–1975), музыковед, писатель, журналист. С 1923 г. во Франции, вёл передачи на французском радио, читал лекции в Парижской Национальной консерватории. Автор различных трудов по истории русской культуры, литературы и музыки.

Стр. 105. «*Анастасия*» – Anastasia – мелодрама 1956 года с Ингрид Бергман и Юлом Бринером в главных ролях. Фильм снят по мотивам истории Анны Андерсон – женщины, которая утверждала, что является

дочерью императора Николая II Анастасией, чудом уцелевшей во время революции. В 1957 г. Ингрид Бергман получила «Оскара» как лучшая актриса за роль в фильме.

Стр. 108. *«Знаменитого танцовщика Сержа Лифаря...»* – Серж Лифарь (настоящее имя Сергей Михайлович Лифарь; 1905–1986), балетный танцовщик, хореограф и балетмейстер, большую часть жизни работавший во Франции. Основатель Парижского университета хореографии и Университета танца. В эмиграции с 1923 г. В середине 1920-х – ведущий солист «Русского балета» Дягилева. С 1929 г. – ведущий солист балета театра Парижской оперы, позднее его балетмейстер. Всего Лифарь поставил более 200 балетных спектаклей, воспитал 11 звёзд балета. В 1947 г. он основал в Париже Институт хореографии при Гранд-Опера, с 1955 г. вёл курс истории и теории танца в Сорбонне, был ректором Университета танца, профессором Высшей школы музыки и почётным президентом Национального совета танца при ЮНЕСКО. Кавалер высших наград Франции: ордена Почетного легиона и ордена Литературы и искусства, обладателем высшей награды балета – «Золотой туфельки» и премии «Оскар», награжден Золотой медалью города Парижа.

Стр. 109. *«Сблизился с цыганской семьей по фамилии Димитриевич...»* – Дмитриевичи – цыганская музыкальная семья. Отец семейства Иван Дмитриевич создал семейный цыганский ансамбль из певцов и танцоров, организовывал гастрольные поездки по всей России. В ансамбле состояли четыре брата – Иван, Николай Дмитрий, Алеша (1913–1986) и две сестры – Валя (1905–1983) и Маруся (1912–1960). У каждого из детей была в ансамбле своя роль: певца, танцора или музыканта. Со времён гражданской войны семья находилась в эмиграции. Сначала семья перебралась во Владивосток, оттуда в конце войны (1920–1921) вместе с армией Колчака в Харбин. Затем Дмитриевичи выступали во множестве стран, среди которых Япония, Филиппины, Индия, Греция, Марокко. В 1924–25 годах табор Дмитриевичей перебрался в Испанию, где они провели несколько лет. В 1929 году переехали во Францию – сначала в Марсель, потом в Париж. В Париже выступали в ресторане «Эрмитаж». Около 1937 года Дмитриевичи записали свою первую пластинку песен и романсов. Накануне Второй мировой войны Дмитриевичи переехали в Южную Америку. Ансамбль Дмитриевичей выступал в Бразилии, Аргентине, Боливии и Парагвае. В

1960 году один за другим умирают глава семейства Иван Дмитриевич и его дочь Маруся, а вскоре и сын Иван. Ансамбль распался. Оставшиеся в живых члены семьи Дмитриевичей в дальнейшем выступали сольно.

Стр. 124. *«Отправился в актерскую школу Михаила Чехова...»* – Михаил Александрович Чехов (1891–1955) – выдающийся русский и американский драматический актёр, театральный педагог, режиссёр. Племянник писателя Антона Павловича Чехова, сын публициста Александра Павловича Чехова. Автор известной книги «О технике актёра». С 1920 вплоть до своей эмиграции из СССР в 1928 г. был художественным руководителем Московского Художественного Театра (МХАТ Второй). М. А. Чехов высоко ценил талант Е.И. Корнаковой и до конца жизни сохранял теплое отношение к ней. Это обстоятельство позволило Корнаковой написать Чехову рекомендательное письмо для своего пасынка, которое открыло Юлу возможность учиться актерскому мастерству у этого великого мастера и положило начало его блистательной актерской карьере.

Стр. 124. *«В Корею они навещали Янковского, которого мы раньше знали по Сидеми...»* – Юрий Михайлович Янковский (1879–1956), предприниматель, старший сын М.И. Янковского. Обучался в гимназии во Владивостоке, в 1899–1902 гг. стажировался в Америке на ранчо в Техасе, с 1922 г. в эмиграции в Корею (тогда под японским протекторатом) в Сейсине, где разводил пантовых оленей, имел пасеку, фруктовый сад, управлял курортными посёлками. Репрессирован в 1946 г., скончался в лагере под Тайшетом, где и похоронен.

Стр. 125. *«Виолончелистом бывал Мишенька Г.»* – Григорьев Михаил Петрович (1899–1944) российский журналист и переводчик. Родился в г. Мерве Закаспийской области. Окончил Читинское военное училище. В 1920 г. был произведен в подпоручики и по поручению атамана Семёнова был назначен офицером для связи с Военной миссией японской армии. В том же году был командирован в Японию для усовершенствования японского языка. До 1939 г. жил в Токио, где преподавал русский язык в военном училище, в Генеральном штабе и Коллониальном институте. В 1939 г. в качестве агента Отдела печати при Кабинете президента Южно-Маньчжурской железной дороги прибыл в Харбин и принял активное участие в создании журнала «Восточное обозрение». В 1940 г. был переведен в Дайренскую гимназию преподавателем японского языка и

японоведения. Его переводы, опубликованные в сборнике «На Востоке», вышедшем в Токио в 1935 г., и по сей день считаются образцами художественного творчества.

Стр. 133. *«Шура, муж папиной сестры Нины...»* – Остроумов Александр Степанович (1893–1974). Родился в Тифлисе, затем семья переехала во Владивосток. Окончил Владивостокскую мужскую гимназию. Учился в одном классе с Павлом Миттом, Всеволодом Сибирцевым и Константином Сухановым. Окончил юридический факультет Петербургского Университета и Николаевское военное училище. Воевал в белой армии. В 1918 г. женился на Нине Юльевне Бринер. С 1920 г. главный юрист компании «Бринер и К°».

Стр. 136. *«Подружились с Колей – шурином моего двоюродного брата Павла...»* – Воронцов Николай Дмитриевич (род. 1925 г.).

Стр. 138. *Чан Кайши* – военный и политический деятель Китая, возглавивший Гоминьдан в 1925 г. после смерти Сунь Ятсена, президент Китайской Республики (Тайвань), 1948 – 1975) гг., маршал и генералиссимус.

Стр. 139. *«Зоя (его жена) и их дети Маша и Саша...»* – Воронцова-Остроумова Зоя Дмитриевна (род. 1922 г.). Старшая сестра Коли Воронцова. Дочь крупного промышленника Дмитрия Матвеевича Воронцова. В 1941 г. вышла замуж за Павла Александровича Остроумова. В конце 1940-х гг. с мужем и детьми переехала в США, где вся семья взяла фамилию Бринер. Ныне проживает в Сан-Франциско.

Остроумова Марина Павловна (род. в 1942 г.). Окончила исторический факультет Стэнфордского университета. Ныне живет с матерью в Сан-Франциско. Замужем. Мать четверых детей.

Остроумов Александр Павлович (Алекс Бринер) род. в 1943 г. Окончил юридический факультет Страфордского университета, а до этого он окончил еще и французский факультет. В период с 1997 по 2007 гг. был Верховным судьей штата Аляска. В настоящее время на пенсии. Женат. Имеет двоих детей.

Стр. 144. *«Ниника со своим очаровательным мужем Анатолием и четырехлетним сыном Андрюшей...»* – Оксаковский Анатолий Леонтьевич (1908–1974). Родился в с. Ново-Бослань Черниговской губернии. В

1927–1930 гг. работал чертежником в техническом отделе Мулинского углепромышленного Товарищества. Окончил гимназию Андерса (1934 г.) и зубоврачебную школу в Харбине. Проявил себя как талантливый художник, в Харбине неоднократно принимал участие в выставках. С конца 1930-х гг. жил в Шанхае, где в 1941 г. женился на Нине Сергеевне Хвицкой. Их сын Оксаковский Андрей Анатольевич (1943–1986). Скалолаз. Погиб в Канаде.

Стр. 150. «*То было время Маккарти...*» – Маккартни Джозеф Рэймонд (1908–1957), американский сенатор-республиканец. Став членом Сената США в 1946 г., Маккартни занял крайне антикоммунистические позиции, а в 1953 г., когда возглавлял Постоянный подкомитет по расследованиям Сената США организовал серию публичных слушаний в Сенате, где утверждал, что коммунисты проникли во все сферы власти в США. Внесудебным репрессиям подверглись не только государственные служащие, но и многие деятели культуры и искусства. Страдал от алкоголизма, умер от гепатита.

Клэр Фалькенштейн – Claire Falkenstein (1908–1997) – американский скульптор, начиная с 1930-х годов, разрабатывала подход к искусству на основе абстрактных форм, призванный отразить новые научные и философские концепции XX века. С 1950 по 1962 гг. жила в Париже, вернулась в США, создала несколько крупномасштабных проектов.

Стр. 151. «*По соседству с учителем – Мишелем...*» – Это был Мишель фон Майер (1894–1984). Офицер-кавалерист, участник Первой мировой войны и Гражданской войны в Сибири. С волной дальневосточной эмиграции эмигрировал в Китай, затем в США и обосновался в Сан-Франциско. В 1920-е зарабатывал физическим трудом и учился в Школе изящных искусств по классу скульптуры. В 1930–1940-е создавал декоративные скульптуры для парков и общественных зданий. Исполнил скульптурные украшения для Дворца Почетного легиона в Линкольн-парке в Сан-Франциско, здания Представителей Конгресса в Вашингтоне, здания почты в Санта-Кларе, павильонов Всемирной выставки в Сан-Франциско (1939). Его мастерская была одним из центров русской колонии в Сан-Франциско, в ней собирались художники, музыканты и артисты. Последние годы провел в одиночестве. Умер в доме для престарелых.

Стр. 153. «Известным и любимым скульптором Ралфом Стэкпоулом...» – Ральф Стекпол (1885–1973), американский скульптор, живописец, гравер, педагог. В 1920–1930-е гг. ведущий художник Сан-Франциско.

Стр. 156. Франц Бергман – Franz Bergmann (1899–1977), американский ювелир, работавший в стиле «модерн», проживал в Сан-Франциско.

Стр. 158. Нэнни Бендерсон – Nanny Benderson (1896–1971) – из семьи эмигрантов из Германии, держала магазин на улице Филмор – Fillmore – в Сан-Франциско, где помимо модернистской по стилю мебели продавала и ювелирные изделия. Успехи в ювелирном бизнесе подвигли её открыть специализированный магазин на Саттер-хилл – Sutter Hill – это был первый в Сан-Франциско ювелирный магазин торгующий авторскими работами.

Маргарет де Патта – Margaret De Patta (1903–1964), культовая фигура в развитии современного ювелирного дела в США – работала в стиле конструктивизма, основатель гильдии «Металлических искусств», оказывала поддержку многим начинающим ювелирам в Сан-Франциско, где она жила с 1923 г.

Гильдия металлических искусств – the Metal Arts Guild – некоммерческая организация, основанная в 1951 г. в Сан-Франциско и призванная пропагандировать работы по металлу как вид искусства. Оказывает методическую и образовательную помощь ювелирам и художникам по металлу, коллекционерам и преподавателям. В настоящее время гильдии насчитывает до 200 членов.

Стр. 164. «Вся его семья – жена Вирджиния и сын Роки...» – Вирджиния Гилмор (1919–1986). Настоящее имя Вирджиния Шерман – американская актриса. Пик ее актерской карьеры пришелся на первую половину 1940-х гг. Выйдя замуж за Юла Бриннера (1943 г.), постепенно сошла с экрана. После развода в 1959 г. больше не вышла замуж. Жила и умерла в Нью-Йорке.

Рок Бриннер (Юлий Юльевич Бриннер). Род. в 1946 г. Единственный сын Юла Бриннера от первого брака с актрисой Вирджинией Гилмор. При рождении был назван Юлием в честь отца и деда, но при поступлении в первый класс из-за опасения насмешек со стороны одноклассников, был назван Роки, в честь известного боксера Роки Грациано. Журналист, кино-

ценарист., писатель, педагог, профессор. Автор книг: «Юл: человек, который мог быть королем» (1987), «Империя и Одиссея: Бринеры на Дальнем Востоке России и за его пределами» (2006). С 2003 г. постоянный гость МКФ «Меридианы Тихого» во Владивостоке. Живет в Нью-Йорке.

Стр. 164. Спектакль «Король и я» – The King and I – бродвейский мюзикл 1951 г. по книге Маргарет Лэндон «Анна и король Сиама». Спектакль получил множество наград, в том числе и за игру актёров, он был показан 1 246 раз, как на Бродвее, так и на гастролях в Лондоне и в турне по городам США, длившемся 4 года. Главную роль короля Сиама исполнял Юл Бринер, он же сыграл и роль короля в одноимённом фильме 1956г.

Пэт Морисон – Patricia Morison (род. в 1915), американская актриса театра и кино, певица. С 1954 г. играла одну из главных ролей в мюзикле «Король и Я» (учительница Анна Леонуэнс) совместно Юлом Бринером, как на Бродвее, так и в туре по городам США.

Стр. 165. «10 заповедей» – The Ten Commandments – фильм, снятый в 1956 г. режиссёром Сесилем де Милле, об исходе евреев из Египта, где Юл Бринер играл фараона Рамзеса. Фильм стал одним из наиболее кассовых фильмов за всю историю Голливуда.

Стр. 169. *Сесиль Блаунт де Милль* – Cecil Blount DeMille (1881–1959) – американский кинорежиссёр и продюсер, лауреат премии Оскар». Отличительной чертой его творчества были фильмы с большими батальными сценами, богатыми интерьерами и восточными дворцами. Грета Даниэл – Greta Daniel (1909–1962), музейный работник, эксперт в области современного дизайна. В 1943 году переехала в Нью-Йорк из Германии и устроилась на работу в Музей современного искусства, где систематизировала музейную коллекцию предметов дизайна, обладала энциклопедическими знаниями по дизайну и охотно делилась ими со всеми заинтересованными сторонами.

Стр. 170. «*Кузины Веруси, которая вышла замуж за Роя, и у нее была маленькая дочка по прозвищу Дуська...*» – Рой Раймонд (около 1916 – 1995), американский оперный певец. Муж Веры Бриннер. Лаура Рой Раймонд (род. в 1952 г.). – единственная дочь Веры Бриннер от брака с Роем Раймондом. Живет в г. Мэн (США).

Стр. 174. *Антонио Пласидо Гильермо Гауди-и-Курнет* – Antonio Placido Guillermo Gaudi y Cornet (1852–1926), испанский архитектор, созданные им дома отличаются причудливо-фантастическими формами.

Дэйвид Кэмпбелл – David Robert Campbell (1907–1963), архитектор и знаток ремёсел. Получил архитектурное образование в Гарварде, с конца 1930-х до 1950 г. – директор Лиги ремесленников штата Нью-Гемпшир, сыграл заметную роль в становлении Совета Американских ремёсел, который впоследствии и возглавил. Директор Музея современных ремёсел (Museum of Contemporary Crafts) – основан в 1956г. на Манхэттене, в 1986 г. переименован в Музей Американских ремёсел (American Craft Museum), в 2002 г. вновь был переименован в Музей Искусств и Дизайна (Museum of Arts and Design).

Всемирная выставка в Брюсселе 1958 г. (Ехро 58 или Brussels World's Fair) проходила с 17 апреля по 19 октября 1958 г. Этот смотр достижений стал первой крупной Всемирной выставкой после Второй мировой войны. Для участия в выставке Совет Американских ремёсел отобрал 130 предметов наиболее полно отражающих весь спектр достижений американских мастеров металла, керамики, дерева, и т.д.

Стр. 176. «*Серию концертов давал Ростропович...*» – Ростропович Мстислав Леопольдович (1927–2007). Народный артист СССР. Лауреат Сталинской (1951) и Ленинской (1964) премий СССР, Государственной премии РСФСР (1991) и Государственной премии Российской Федерации (1995). Известен не только как музыкант, но и как общественный деятель. Лондонская «Таймс» называла его величайшим из живущих музыкантов. Его имя включено в число «Сорока бессмертных» – почетных членов Академии искусств Франции, Член Академии наук и искусств США, Академии «Санта Чечилия» (Рим), Королевской академии музыки Англии, Королевской академии Швеции, Баварской академии изящных искусств. Обладатель Императорской премии Японской ассоциации искусств. Удостоен звания почетного доктора более 50 университетов в различных странах. Почетный гражданин многих городов мира. Командор орденов Почетного легиона (Франция 1981, 1987), почетный рыцарь-командор Светлейшего ордена Британской империи. Награжден множественным государственных наград 29 стран.

Стр. 178. Доктор *Генри Аллен Моу* – Henry Allen Мое (1894–1975) – первый директор Федерального фонда гуманитарных исследований (с 1965 г.), президент Американского философского общества (1959–1970), первый секретарь и затем президент фонда памяти Джона Симона Гуггенхайма (1925–1963), а также член руководящих органов более 30 различных частных фондов.

Стр. 178. «*Ван Ностранд Рейнхольд*» – Van Nostrand Reinhold – одно из крупнейших научных издательств XIX и XX веков, основано в 1848 г. в Нью-Йорке Дэвидом Ван Нострандом (1811–1886), как «Издательская фирма Ван Ностранда», в 1968 г. слилось с компанией «Рейнхольд», с 1997 г. издательство принадлежит компании «Джон Вили и сыновья» (John Wiley & Sons).

Стр. 181. «*Женился на Дорис...*» – Дорис Клейнер (род. в 1931 г). Немка по национальности. Родилась в Чили. В конце 1950-х гг. приехала в Париж, где работала моделью у чилийского модельера Серхио Мальта. Снискала себе репутацию чилийской светской львицы. В 1960 г. вышла замуж за Юла Бриннера. Мать их совместной дочери Виктории. После развода (1967) жила в Швейцарии, затем в Париже. Имеет в Париже собственный магазин модной одежды.

Стр. 183. «*Их дочери Виктории...*» – Виктория Бриннер (род. 1962 г). – известный фотограф, основатель и президент фирмы «Stardast Visions», занимающаяся рекламой самых знаменитых брендов в мире моды. Внушительный список клиентов фирмы Виктории Бриннер включает в себя такие ведущие марки как Vogue, Harpers Bazaar, Vanity Fair, Louis Vuitton, Chanel, Christian Dior, Hermes, Prada, Balenciaga, Coty США, Lancome, Lanvin. В 2008 году журналом «Time» Виктория Бриннер была названа одной из лучших «Женщин в мире товаров роскоши» в категории «Стиль и дизайн». Организатор выставок фоторабот своего знаменитого отца, которые с успехом проходят в крупных городах мира. Автор уникального издания фотографий Юла Бриннера «YUL. A Photographic Journey» (2010). Замужем. Мать двоих детей. Живет в Лос-Анджелесе (США).

Стр. 184. «*С Галиной Вишневской в главной партии...*» – Вишневская Галина Павловна (1926–2012). Советская и российская оперная певица, театральная режиссер, педагог, актриса, Народная артистка СССР. Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством».

Стр. 185. *Анна Франк* – Annelies Marie Frank (1929–1945) – еврейская девочка, скрывавшаяся с семьёй от нацистов в Голландии в Амстердаме. Вела дневник, где описывала все злоключения семьи в убежище, считается одной из самых известных жертв германского нацизма.

Стр. 186. *«Лэрри и Элли Блодел...»* – Лоренс Блэдель – Lawrence Bloedel (1902–1976) – сын крупного лесопромышленника из штата Вашингтон, до призыва в армию в 1940 г. работал библиотекарем в колледже Вильмса в шт. Массачусетс, воевал в Сицилии и Северной Африке. Вернувшись в Вильямстаун в 1945 г., выстроил дом и решил вместе с женой Лорел – Eleanor (1901–1984) заняться коллекционированием современного искусства. После кончины супругов коллекция искусства была частично передана в дар музею искусств колледжа Вильямс, и частично в дар Музею американского искусства Уитни (the Whitney) в Нью-Йорке.

«Всемирная алмазная премия» – конкурс «Алмазная Международная премия Де Бирс», проводившейся компанией Де Бирс с 1953 г. по 2000 г. Конкурс проводился один раз в два года и считался самой престижной премией в ювелирном мире.

Галерея «Ли Норднеса» – Orvin Leroy (Lee) Nordness (1923–1995), арт-дилер в Нью-Йорке, учился в университетах шт. Вашингтон и в Стэнфорде, получил степень бакалавра в университете г. Упсала в Швеции, в 1958 г. основал галерею Норднеса (The Nordness Gallery) на Мэдисон Авеню на Манхэттене, специализировался на работах современных американских живописцев и скульпторов.

Стр. 191. *«Знаменитый ювелир Жилберт Альбер...»* – Жильбер Альбер (род. в 1930 г.), известный ювелир, основатель Ювелирного дома «Gilbert Albert». Создав в 15 лет свое первое ювелирное изделие, он в 30 лет стал признанным мастером, открыл собственную мастерскую. Десятикратный лауреат ювелирной премии «Diamonds International Awards», единственный ювелир после Карла Фаберже, который еще при жизни выставлялся в величавых палатах Московского Кремля. Его украшения уже сейчас продают аукционные дома. Созданные им знаменитые асимметричные часы вошли в каталог Sotheby's, а часы принцессы Windisch-Graetz дизайна мастера были проданы на аукционе Christie's в мае 2004 года за 230 400 швейцарских франков. Очарованный русским балетом,

г-н Альбер создал специальный приз и совместно с прима-балериной Большого театра Ниной Ананишвили – премию «Звезда» для молодых выпускников балетных училищ.

Стр. 197. *Пти-Пале* – Petit Palais – небольшой музей современного искусства, расположенный по адресу: Веранда Сен-Виктор дом 2 (2 Terrasse Saint-Victor), открыт в 1868 г., обладает коллекцией современного искусства с 1870 до 1930 гг., в том числе импрессионистов и постимпрессионизмов.

Стр. 198. «*Знаменитый парикмахер Александр...*» – Луи Александр Раймон – Alexandre de Paris (1922–2008) – знаменитый парижский стилист, один из первых Hauts coiffeurs, который поднял парикмахерское дело до уровня искусства. Президент Всемирной федерации парикмахерского искусства с 1978 по 1993 гг., в 1957 г. открыл в Париже свой первый салон, в 1982 г. открыл второй салон в Париже. В 1990-х гг. открывал свои бутики в Париже, Гонконге и Мельбурне.

Фобур-Сент-Оноре – Rue du Faubourg Saint-Honore – на этой улице находятся Елисейский дворец (резиденция президента Франции), министерство внутренних дел, магазины высокой моды и художественные галереи (не путать с парижской улицей Сент-Оноре). На этой улице Луи Александр Раймон открыл свой первый салон в 1957 г. Вероятно, автор имеет в виду не открытие салона, а презентацию аксессуаров – с 1971 г. Александр создавал коллекции аксессуаров, включавших в себя бантики, клипсы, повязки, расчески, щетки и бижутерию.

Иосиф – Казимир Гофман (1876–1957) – один из крупнейших пианистов XX века, родился близ Кракова, в 1914 г. эмигрировал в США, последний его концерт состоялся в Нью-Йорке в 1946 г.

Стр. 204. *Питер Устинов* – Peter Alexander Baron von Ustinov (1921–2004) – британский актёр театра и кино, режиссёр, теле-и радиоведущий, драматург. Лауреат премии «Оскар», «Эмми», «Грэмми» и командор ордена Британской империи.

Кристобаль Баленсиага Эисагурре – Cristobal Balenciaga Eizaguirre (1895–1972) – испанский модельер, один из наиболее выдающихся представителей высокой моды XX века, с 1930 г. Проживал в Париже, в 1937 г. открыл парижский Дом моды «Баленсиага». В 1960 г. решил завершить

карьеру и закрыть Дома моды в Париже, Сан-Себастьяне и Мадриде. Развивать идеи Баленсиага продолжают его ученики – Courreges и Ungaro.

Стр. 205. «С киноактером из Советского Союза по имени Нугзар...» – Нугзар Спиридонович Шария (род. в 1941 г.), родился в Тбилиси в 1941 г. С 20-летнего возраста он начал сниматься в кино и снялся более чем в 30 картинах («Абесалом и Этери», «Закон гор», «Озеро Палиастоми», «На берегах Ингури», «Johanna d'Arc of Mongolia» и др.). Заслуженный артист Грузии. Служил в Государственном академическом театре им. Шота Руставели. Пробовал себя в качестве режиссера и сценариста ряда художественных фильмов. Совершил поездки на Кубу, в Северную Африку, во Францию. В 1971 г. эмигрировал в ФРГ, а через год переехал в США, где записал альбом «Песни советского подполья».

Стр. 210. *Музей часов и эмалей* – Musée de l'horlogerie et de l'emaillerie Patek Philippe – расположен в Женеве на улице Rue des Vieux-Grenadiers 7, обладает богатой коллекцией карманных часов фирмы Патек Филипп и предметов, украшенных эмалью.

Стр. 210. «Звали его Игорь...» – Ершов Игорь Иванович (1916–1985). Родился в семье известнейших музыкантов. Его отцом был прославленный оперный певец Иван Ершов, мать Софья Акимова – певица и педагог вокала. Многим художникам 60–70-х годов, коллегам по цеху, Игорь Ершов запомнился как человек неуёмного характера, часто не согласным с привычным отношением к искусству. Суждения его были подчас резки, но всегда принципиальны. И.И. Ершов окончил Академию Художеств им. И. Репина в 1947 году. Учился сначала на живописном отделении в мастерской И. Бродского, а потом перешёл на графический факультет, где педагогами его были Шилинговский, Зайцев, И. Билибин и К. Рудаков. В 1990-х гг. дочь Ивана Ершова – Ксения Ершова-Кривошеина – написала книгу воспоминание об отце «Русская рулетка», на страницах которой описала период его жизни, связанный с Ириной Бриннер.

Стр. 211. *Ксения Игоревна Кривошеина* (род. в 1945), художник, литератор, общественный и религиозный деятель, проживает в Париже.

Стр. 216. «Рекомендовала мне Раймонда – блестящего пианиста...» – Раймонд Бигль – Raymond Veegle (род. в 1942), аккомпаниатор и вокалист, изучал музыку в США и Австрии, играл в различных ансамблях, в 1971г.

основал Нью-Йоркский ансамбль вокальных искусств (the New York Vocal Arts Ensemble), с которым объездил весь мир и записал множество пластинок камерной музыки композиторов 18, XIX и XX веков. Преподавал камерный вокал в ряде университетов и музыкальных школ США, редактор произведений хорового и камерного пения, проживает в Нью-Йорке. С Ириной Бринер познакомился через одного из своих учителей – Кириену Зилоти.

Всемирная Ассоциация молодых христианок – World Young Women's Christian Association – женское движение по социальному и экономическому преобразованию мира. Крупнейшая женская организация в мире, штаб-квартира ассоциации находится в Женеве, Швейцария. Не следует путать с Ассоциацией молодых христиан.

Стр. 219. «Юл уехал в свое имение в Нормандию...» – У Ю.Б. Бринера была вилла в Довиле – Deauville – городке на севере Франции в исторической области Нормандия. Довиль – один из самых престижных и дорогих курортов Франции, с 1975 г. в нём проводится кинофестиваль американских фильмов, призванный привлечь на курорт американскую элиту. В 2012 г. в Довиле прошла выставка фотографий «Довиль глазами Юла Бринера», организованная его дочерью Викторией Бринер.

Стр. 219. «Кэти – его молодая супруга-азиатка...» – Кетти Ли (Yam Choo Lee), род. в 1957 г., актриса китайского происхождения. Работала танцовщицей в мюзикле «Король и я». Последняя жена Юла Бриннера (1983).

Стр. 223. «Предыдущая жена Юла Жаклин...» – Жаклин де Круасе Шауме (Jacqueline Thion de la Chaume, 1932–2013). Третья жена Юла Бринера. Вместе с ним удочерили двух вьетнамских девочек Миа (род. 1973) и Мелоди (род. 1974).

Миа Ферроу – Mia Farrow (род. в 1945), американская актриса. В первом браке, кроме своих трёх сыновей, она удочерила трёх девочек — вьетнамок Ларк Сонг и Саммер Сонг и кореянку Сун-И. Во втором браке усыновила корейского мальчика Мозеса и девочку Дилан. После развода уже самостоятельно усыновила и удочерила ещё трёх мальчиков — Исайю (имеет африканское происхождение), Таддеуса (индус) и Гэбриела и трёх девочек — Тэм, Кели-Ши и Фрэнки-Мин (вьетнамка).

«В конце этого приема я сообщила всем, что в следующее воскресенье я закажу панихиду по Юлу в русской православной церкви...» – Ю.Б. Бринера отпевали в храме преподобного Серафима Саровского на 108 улице в Манхэттене в Нью-Йорке. Храм действовал с 1951 по 1990 гг. в качестве домового храма при Свято-Серафимовском фонде, основанном в 1950 г. в США священником Александром Николаевичем Кисилёвым (1909–2001). Отец Александр был основателем и настоятелем храма до своего возвращения в Россию в 1991 г, он также известен своим служением при храме Русской освободительной армии. В отроческие годы патриарха Московского Алексия II – один из его духовных наставников. В 1998 г. иконостас храма был передан храму Св. мученицы Татьяны при Московском Государственном Университете.

Стр. 226. «Принес мне книгу доктора Берни Сигала...» – Bernie Siegel (1932 – н.вр.), детский хирург до выхода на пенсию, после чего написал книгу *Love, Medicine and Miracles* (Любовь, Медицина и Чудеса), в которой утверждал, что при любой форме рака находятся люди, которым удастся выздороветь.

СОДЕРЖАНИЕ

Рок Бриннер. Предисловие к русскому изданию	5
Глава 1. Во Владивостоке, 1992 г.	8
Глава 2. Моя семья и раннее детство, 1917–1922 гг.	21
– Во Владивосток приходят красные. 1922–1924 гг.	40
– Наша дача, Сидеми	44
– Борис уходит от семьи, мы переезжаем на 19-ю версту, 1924 г.	49
Глава 3. Маруся и дети переезжают в Харбин, 1925–1930 гг.	59
Глава 4. Москва, Ленинград и Кавказ, 1930 г.	68
Глава 5. Наше бегство, 1931 г.	76
– Наш дом в Дайрене, начинается новая жизнь, 1931 г.	86
– Средняя школа ХСМЛ, Харбин, 1932 г.	95
– Снова в Дайрене: учеба, выпуск и путешествие в Европу, 1933–1936 гг.	100
Глава 6. Лозанна, Швейцария, 1936 г.	106
– Школа искусств и университет, 1936–1938 гг.	112
– Поездка в Югославию. Вилли. 1938–1939 г.	118
– Наш новый дом в Дайрене, годы войны. 1939–1941 гг.	121
– Нападение на Пёрл-Харбор. Папина смерть. 1941–1942 г.	128
– Нас преследуют японцы. 1943–1944 г.	132
Глава 7. Поездка в Харбин, 1942–1944 гг.	134
– Наша жизнь в Тяньцзине, 1944–1946 гг.	138
Глава 8. В Америку, 1946 г.	144
– Начало нашей жизни в США, Сан-Франциско. 1946–1949 гг.	149
– Начинаю профессиональную жизнь ювелира, 1950 г.	157
– Наш новый дом на Кулебра-террэс, 1954 г.	161
– Еду в Нью-Йорк искать галерею для своей выставки, 1956–1957 г.	170

Глава 9. Переезд в Нью-Йорк, 1957 г.	172
– <i>Преподаю ювелирное дело в Художественном институте Музея современного искусства, 1964 г.</i>	178
– <i>Наши поездки в Европу и Советский Союз, 1965–1967 гг.</i>	181
– <i>Снова в Нью-Йорке, 1967 г.</i>	185
– <i>Женева, 1972 г.</i>	189
Глава 10. Обустройстваемся в Женеве, 1972 г.	190
Глава 11. Одна, моя работа продолжается, 1975 г.	201
Глава 12. Нугзар, 1977 г.	205
– <i>Поездка в Японию, 1978 г.</i>	207
– <i>Моя ретроспектива в Женеве, 1978–1980 гг.</i>	209
Глава 13. Последние дни Юла, 1985 г.	219
Глава 14. Работа и музыка, 1986–1989 гг.	224
Глава 15. Рак груди и жизнь после, с 1989 г.	230
Эпилог	238
<i>Елена Сергеева. Русская душа Ирины Бринер</i>	240
Примечания	252

Литературно-художественное издание

Ирина Бриннер

ЧТО Я ПОМНЮ

Перевод с английского *Максима Немцова*
Примечания *Елены Сергеевой и Андрея Сидорова*

Издатель: *Александр Колесов*
Редактор: *Елена Сергеева*
Оформление и верстка: *Людмила Харитонова*
Корректор: *Ирина Токарчук*

Подписано в печать 07.10.2013
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная
Заказ №

Тихоокеанское издательство «Рубеж»
690091, Владивосток, ул. Петра Великого, 4
rubezh@vladivostok.com

Отпечатано в КНР

Мемуары Ирины Феликсовны Бриннер (1917–2003), написанные по-английски, увидели свет в Америке десять лет назад. Художник-ювелир Ирина Бриннер родилась во Владивостоке, а умерла в Нью-Йорке. Она была другом издательства «Рубеж». Книга «Что я помню» впервые выходит в русском переводе, широко проиллюстрированная фотографиями разных лет, и продолжает серию Port May.